

ИЗВЕСТИЯ

Уральского федерального
университета

Серия 1
Проблемы образования,
науки и культуры

2017. Т. 23

№ 2 (162)

IZVESTIA

Ural Federal University
Journal

Series 1
Issues in Education,
Science and Culture

2017. Vol. 23

№ 2 (162)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

В. В. Алексеев, акад. РАН
А. Е. Аникин, акад. РАН
А. В. Головнев, чл.-корр. РАН
С. В. Гольнец, акад. РАН
К. Н. Любути, проф. УрФУ
А. В. Перцев, проф. УрФУ
Ю. С. Пивоваров, акад. РАН
А. В. Черноухов, проф. УрФУ

Т. Е. Автухович, проф. (Белоруссия)
Д. Беннер, проф. (Германия)
Дж. Боулт, проф. (США)
П. Бушкович, проф. (США)
Л. Инчуань, проф. (Тайвань)
Н. Коллман, проф. (США)
К. Кроо, профессор (Венгрия)
Дж. Майклсон, проф. (США)
А. Мустайоки, проф. (Финляндия)
Б. Ю. Норман, проф. (Белоруссия)
М. Перри, проф. (Великобритания)
Х. Рюсс, проф. (Германия)
Г. Саймонс, проф. (Швеция)
А. Федотов, проф. (Болгария)
К. Хьюитт, проф. (Великобритания)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

Главный редактор
В. М. Амиров,
канд. филол. наук, доц.

Ответственный секретарь
Л. А. Хухарева

Члены редколлегии
Б. Н. Лозовский,
докт. филол. наук, доц.
М. М. Ковалева,
докт. филол. наук, проф.
В. Ф. Олешко,
докт. филос. наук, проф.
И. В. Зиновьев,
докт. филос. наук, доц.
Э. В. Чепкина,
докт. филол. наук, доц.
Н. С. Глуханок,
докт. психол. наук, проф.
И. А. Ершова,
канд. филос. наук, доцент
Л. Л. Рыбцова,
докт. социол. наук, проф.
А. П. Чудинов,
докт. филол. наук, проф.
Н. Б. Кириллова,
докт. культурологии, проф.
Т. А. Галеева,
канд. искусствоведения, доц.
Т. Ю. Быстрова,
докт. филос. наук, доц.
Г. Е. Зборовский,
докт. филос. наук, проф.
Р. Коул, проф. (США)
В. Батмаз, проф. (Турция)
Лей Юцзе, проф. (Китай)

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И МАССОВЫЕ КОММУНИКАЦИИ

- Мясникова М. А., Эйнгорн А. С.*
Познавательльно-адаптивное направление телевидения: теория и опыт 5
- Жигалова М. М., Исхаков Р. Л.* «Ночная» журналистика в медиaprостранстве: особенности функционирования 11
- Большева С. А., Лопаева Н. С.*
Научные журналы в информационно-коммуникационной инфраструктуре реформы высшего образования в РФ 20
- Волкоморов В. А., Драницина К. Г. Tilda*
как платформа для верстки лонгридов в региональных сетевых изданиях 30
- Федотова Л. Н.* Мнениеродные потенции коммуникации 38
- Буккина Т. Г.* Паранеймы в современном отечественном нейминге: основные способы создания 50
- Сюй Шаньшань.* Языковая репрезентация ценностных предпочтений современного мужчины (на материале телепередачи «Давай поженимся») 56

ПОЭТИКА

- Снигирева Т. А., Эльстон-Бирон И. О.*
Поздняя лирика О. Мандельштама: формы аутодиалога 62

ПСИХОЛОГИЯ

- Коптева Н. В.* Особенности онтологической уверенности и отчуждения, соответствующие неврозу и норме 69
- Дорогина О. И., Печеркина А. А.* Работоспособность как ключевой показатель профессионального здоровья учителя 81
- Васильева И. В., Григорьев П. Е.* Воспроизводимость результатов в исследованиях интуиции 87
- Распопин Е. В.* Прогностическая валидность методов изучения психических состояний 95

- Юдина Н. А.* Психологические подходы к изучению субъективного качества жизни 104

- Булатова Э. В., Алексеева А. С., Ломтатидзе О. В.* Экспериментальное исследование специфики восприятия эмоционального креолизованного медиатекста 110

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Девятова О. Л.* «Исповедь» Л. Н. Толстого и культурфилософские воззрения П. И. Чайковского 119

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

- Зборовский Г. Е., Власова О. В.* Сетевое взаимодействие вузов в Уральском федеральном округе 130
- Лесина Л. А.* Профессиональные стратегии студентов педагогических вузов в условиях социальной неопределенности 141
- Керимов А. А.* Влияние культурно-образовательной среды на процесс формирования толерантного сознания молодежи 153

В ЛАБОРАТОРИИ УЧЕНОГО

- Шаброва Н. В.* Этапы родительства: социологический анализ 159

УРАЛЬСКИЙ КОНТЕКСТ

- Бритвина И. Б., Григорьева К. А.* Влияние информации о внешних иноэтничных мигрантах на отношение к ним жителей Екатеринбурга 169

- Старостова Л. Э., Руденкин Д. В.*
Мультимодальная территориальная идентичность: город-для-себя и город-для-другого (по результатам опроса жителей Екатеринбурга) 175

- S u m m a r y 188

УДК 654.197:070.1 + 316.774:654.1

М. А. Мясникова
А. С. Эйнгорн

ПОЗНАВАТЕЛЬНО-АДАПТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ТЕЛЕВЕЩАНИЯ: ТЕОРИЯ И ОПЫТ

В статье дается теоретическое обоснование и раскрывается практический опыт функционирования на современном российском телевидении вещательного направления, обозначенного авторами как познавательно-адаптивное. Это направление занимается не традиционным просветительством, а социализацией и социальной адаптацией граждан. На примере деятельности телеканала «41-Домашний» (г. Екатеринбург) формулируются условия существования телепрограмм данного направления на региональном уровне.

К л ю ч е в ы е с л о в а: познавательно-адаптивное направление телевидения; адаптация; моделирование; социально-полезные телепрограммы.

Как известно, в телепрограмме вычленяются определенные *направления вещания*, соответствующие основным *видам телевизионной деятельности*. Телеорганизации разных стран всегда придавали большое значение классификации своих вещательных направлений. Однако такие классификации подчас содержали немало изъянов. Трудности начинались с определения оснований для классификации, а затем и списка самих направлений. А поскольку телевидение находится в развитии, то в нем вообще трудно зафиксировать более или менее устойчивое количество элементов. Ведь и виды деятельности, и связанные с ними видовые морфологические единицы трансформируются и изменяются во времени. Взяв за основу определенный набор видов телевизионной деятельности, в ходе реализации которых осуществляются те или иные социальные функции, мы в своем

МЯСНИКОВА Марина Александровна — доктор филологических наук, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры истории журналистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: avt89@yandex.ru).

ЭЙНГОРН Анастасия Сергеевна — ведущая программы «Главные новости Екатеринбурга» на «Студии-41», г. Екатеринбург (e-mail: nastena.eyngorn@mail.ru).

© Мясникова М. А., Эйнгорн А. С., 2017

исследовании также выявили ряд направлений вещания. И среди них — направление, обозначенное как познавательно-адаптивное. Выделение этого направления связано с заметным отклонением современного телевидения от линии просветительства в сторону утилитарной социальной пользы и стремления приспособить (адаптировать) человека к определенным жизненным условиям. В 60-е гг. прошлого века А. Моль писал: «В наше время знания формируются в основном не системой образования, а средствами массовой коммуникации» [5, 28]. Поэтому закономерно, что в телеэфире сегодня присутствуют определенные направления познавательно-адаптивного вещания, среди которых мы обнаруживаем не только давно известные и хорошо апробированные во всем мире форматы, относящиеся к направлению так называемого просветительского телевидения: *учебные, образовательные* и *научно-популярные*, но и варианты социальной и психологической адаптации. Образцы так называемых *социально-адаптивных* телепрограмм нередко тяготеют к развлекательности, подтверждая мысль о том, что игра и развлечение не только не противостоят, но даже способствуют процессу познания. Передачи, относящиеся к этому направлению, занимаются не простым просветительством, а именно социализацией и социальной адаптацией граждан, влияя на их жизненные установки и поведение. Идеология двух названных направлений различна, а диапазон результативности простирается от человека-творца до объекта для экспериментов.

В науке семиотике существует понятие «вторичные моделирующие системы». Эти вторичные «сверхлингвистические» семиотические образования приобретают дополнительную «сверхструктуру», которая позволяет «моделировать» мир, в котором мы живем. В качестве «вторичных моделирующих систем» выступают такие формы, как мифология, религия, искусство, философия, политика, спорт, мода, реклама. Наконец, радио, телевидение, Интернет. Определение телевидения как адаптивно-моделирующей системы мы дали на основе известных понятий «адаптация» и «моделирование». Адаптация — это «приспособление организма к изменяющимся внешним условиям» [2, 40]. По определению Ю. Лотмана, «модель — аналог познаваемого объекта, заменяющий его в процессе познания», «моделирующая деятельность — деятельность человека по созданию моделей», «моделирующая система — структура элементов и правил их соединения, находящаяся в состоянии зафиксированной аналогии всей области объекта познания, осознания и упорядочения...» [4, 387].

Таким образом, адаптивно-моделирующую систему можно определить как структуру элементов и правил их соединения, находящуюся в состоянии не только «зафиксированной аналогии всей области объекта познания», но и приспособления к этому объекту. Если мы рассматриваем телевидение как адаптивно-моделирующую систему, значит, мы изучаем не только то, как оно *отражает* и *изображает* окружающий человека мир, но также и то, как оно *приспосабливает* человека к этому миру с помощью имеющихся в его распоряжении средств, в процессе осуществления разных, присущих ему видов деятельности. Сегодня подобное происходит во всевозможных потребительских программах, реалити-шоу, телесериалах. Большинство современных игровых телепередач строится как на обучении или проверке

знаний и умений, так и на стремлении реально помочь. Популярностью пользуются, с одной стороны, программы «Что? Где? Когда?», «Поле чудес», «Кулинарный поединок», «Ледниковый период», «Голос», а с другой — шедшие в разные годы на федеральных каналах или идущие до сих пор телепрограммы «Правила жизни», «Снимите это немедленно», «Няня спешит на помощь», «Клуб бывших жен», «Жди меня», «Квартирный вопрос», «Дачный ответ», «Фазенда», «Здоровье», «Жить здорово», «Контрольная закупка», «Ревизорро», «Смак», «Едим дома», «Теория заговора», «Модный приговор», «Давай поженимся», «Женский журнал» и т. д. и т. п. Некоторые из них — явные «кальки» с зарубежных программ.

Но важно отметить, что в таких социально-адаптивных программах всегда есть определенный социальный смысл. Это и психологические эксперименты, и поиски выхода из сложных жизненных ситуаций, и попытки восстановления разорванных человеческих связей, и способы регулирования социального поведения. Одним словом — школа жизни [6, 222]. В этих программах и играют с вами, и практически воздействуют на вас: ищут потерянных родственников, наблюдают за вашим поведением, «делают» вам лицо и прически, одевают, прививают вкус, выдают замуж, помогают воспитывать детей, ремонтируют ваши квартиры и дачи, проверяют качество продуктов и учат готовить еду.

Такой «школой жизни» является и программа «Полезный вечер с Аленой Костериной», которая уже больше десяти лет существует на екатеринбургском телеканале «41-Домашний». Первый ее выпуск был в феврале 2004 г. Любые передачи на телевидении возникают не случайно. Особенно если это социальная познавательльно-адаптивная программа, такая как «Полезный вечер». Запуск очередного цикла диктуется людьми. «Как известно, новая телепрограмма или рубрика, или даже канал возникают при двух условиях: технические возможности и *социальная потребность*. Причем второе важнее», — писал исследователь Г. Кузнецов [3, 152]. «Полезный вечер» — женский тележурнал, в котором даются советы, касающиеся дома, красоты, здоровья. Делается это двумя способами: через интервью и сюжеты. Программа разбита на два блока. В ней есть как постоянные, так и еженедельные рубрики. В каждом выпуске зритель знакомится с двумя опытными экспертами, которые приходят в студию. Это могут быть врачи, психологи, фитнес-тренеры, зоологи, музыканты. Благодаря им зрители прямо из первых уст получают ответы на самые злободневные вопросы. Сюжеты готовят журналисты, тоже прибегая к помощи специалистов. Причем роли и журналиста, и работающего в кадре ведущего чрезвычайно важны. Именно в познавательльно-адаптивных программах коммуникаторы должны становиться настоящими добрыми друзьями и проводниками для своей аудитории. Они просто обязаны обладать «умением вести доверительный разговор со зрителями» [7]. Почему это так важно именно в данном случае? Дело в том, что познавательльно-адаптивные программы не могут быть нравоучительными. Зритель не должен думать, что ему дают наставления. Здесь важен диалог с аудиторией, чтобы человек, сидящий по ту сторону экрана, понимал, что ему помогают, а не делают внушения и не «давят» на него. Как показывает практика программы «Полезный вечер», журналисты и ведущие должны говорить со своим зрителем на одном и том же

языке. В своих подводках к сюжетам и интервью Алена Костерина исключительно доброжелательна. Она улыбается, вспоминает истории из жизни, пропускает ту или иную тему через себя. Доверительное отношение к аудитории складывается как из вербальных, так и невербальных способов донесения информации. Ведущая часто пользуется обобщающим местоимением «мы», что, безусловно, помогает ей расположить к себе аудиторию. Что касается поведения в кадре, то Алена не скупится на улыбки и активные действия. Она может прямо в студии провести для зрителей разминку с помощью фитнес-инструктора, приготовить паштет под руководством известного телеведущего-кулинара или погладить енота, которого привели в гости. Стилль поведения и внешний облик ведущей никогда не бывают слишком строгими, официальными, «формальными». Все эти составляющие создают простой, располагающий к доверительному общению образ. Алена Костерина предстает перед зрителем не как «говорящая голова», а как живой человек, который хочет побеседовать с людьми о наблевшем.

Познавательные-адаптивные программы должны вызывать доверие зрителя к сообщаемой информации. Это касается и гостей студии, опытных специалистов в своих областях. Важно, чтобы все спикеры не только были знающими, но и умели доносить свои знания простым языком, могли доходчиво объяснять, как справляться с той или иной проблемой. Они должны по минимуму использовать сложные термины, наглядно моделировать те или иные жизненные ситуации, ссылаясь на глубокие знания и опыт признанных коллег. Ведь слово «адаптация» означает не только «приспособление» к тем или иным ситуациям, но и «сокращение», «упрощение». Этим телевидение как раз и занимается, чтобы достучаться до массовой аудитории.

Итак, доброжелательное отношение к аудитории, достоверность фактов и ясность, доступность их изложения — первостепенные качества познавательных-адаптивных программ. Эти качества необходимы и при подготовке сюжетов. В «Полезном вечере» используется такой популярный метод донесения информации, как «опробовано на себе». Журналисты вместе с рукодельницами шьют в кадре юбки, сажают цветы, занимаются фитнесом. Они доказывают простоту и доступность занятий, наглядно демонстрируя, как можно самостоятельно изготовить те или иные вещи: «Раз это могу сделать я, значит, сможет и любая наша телезрительница», — утверждает журналист редакции «Полезного вечера» Ольга Чащухина¹. В упомянутых сюжетах часто встречаются стендапы. Они нередко строятся на основе техники лайф-ту-гэйп. Исследователь А. Князев подчеркивает, что «появление журналиста в кадре должно быть уместным» [1, 52]. Репортер в программе «Полезный вечер» часто экспериментирует на глазах у зрителей, проверяет на себе различные способы решения тех или иных проблем. Ярким примером можно считать сюжеты, в которых корреспонденты программы проверяют распространенные интернет-советы, развенчивая многие мифы.

¹ Из личной беседы Анастасии Эйнгорн с журналистом программы «Полезный вечер» Ольгой Чащухиной.

Важно сказать и о том, что программа «Полезный вечер» является самоокупаемой. Более того, она приносит основной доход телерадиокомпании. Контент передачи на 50 %, а иногда и больше, состоит из платных сюжетов. Хотя здесь нельзя говорить о рекламе в чистом виде. Заказные материалы — это сложный продукт. В редакции их называют «потребительскими»: «Если мы хоть раз выдадим чистую рекламу — наш зритель уйдет. Кто будет верить словам ведущей, журналистам, нашим гостям, если они поймут, что все проплачено? Наши сюжеты нельзя назвать даже скрытой рекламой. Заказчик только предоставляет нам продукт и “сцену”, а играем мы на ней уже сами. Мы не станем говорить, где купить красивую шубу, а расскажем, как выбрать меховое манто и что сегодня модно», — рассказывает руководитель редакции художественного вещания Александр Привалов². В «Полезном вечере» нет рекламы магазина цветов или одежды, медицинского центра или свадебного салона. Вместо этого мы узнаем, как своими руками сделать красивый букет, кому какие цветы можно дарить, о каких болезнях и в каком возрасте стоит задуматься и как правильно подобрать пиджак на торжественное мероприятие.

Превратить пожелание рекламодателя в достойный продукт сложно. Например, когда хлебокомбинат «Смак» заказал сюжет о своем предприятии, авторы решили не рассказывать про вкусную продукцию. Они показали производство и все этапы создания румяной буханки, что было намного интереснее для зрителя. То же самое касалось и сюжета от Екатеринбурггаза. Перед заказчиком была поставлена задача не «пиарить» свою организацию и не хвалить ее за добросовестную деятельность, а рассказать, как необходимо менять газовые плиты, к каким последствиям может привести использование плохого оборудования и почему людям особенно важно проверять состояние бытовой техники у своих пожилых родителей.

В чем же тогда состоит выгода рекламодателя? Прямая реклама того или иного предприятия, которое заказало сюжет в «Полезном вечере», есть. Но располагается она в отдельной рубрике «Справочное бюро». Это небольшие 10–15-секундные ролики, которые транслируются через несколько минут после основного материала и воспринимаются как обычная коммерческая информация без отсылки и привязки к основному сюжету.

Не стоит забывать, что любая программа, в которой используется платный контент, требует высокого рейтинга. Не случайно в сетке вещания «Полезный вечер» идет следом за «Главными новостями Екатеринбурга». Средняя доля информационной программы «41-Домашнего» за один календарный месяц составляет примерно 3,9 %, а при этом на новости «Первого канала», например, за тот же период приходится 16,5 %. По данным ТНС, это самый высокий показатель среди местных аналогичных программ. Что касается «Полезного вечера», то процент аудитории здесь составляет 2,3. Для региональной телерадиокомпании рейтинг обеих программ более чем высокий. Причем по наблюдению самих сотрудников

² Из личной беседы Анастасии Эйнгорн с руководителем художественного вещания телеканала «41-Домашний» Александром Приваловым.

«41-Домашнего» доля «Полезного вечера» меняется в зависимости от содержания «Главных новостей Екатеринбург».

Информационные программы по своей сути лишены платных сюжетов, они выходят в прайм-тайм и являются сугубо событийными. Но от того, насколько качественный и интересный продукт они выдают, зависит — останется ли аудитория дальше смотреть тот или иной телеканал. «Мы делаем рейтинг, который работает и на кормящий нас “Полезный вечер”. Наша информационная повестка, наши злободневные темы и профессионально сделанные материалы задерживают у экранов дополнительный пласт аудитории, которая не является постоянной для “Полезного вечера”», — утверждает шеф-редактор Надежда Маркова³.

Кстати сказать, в «Главных новостях Екатеринбург» с января 2011 г. существует и своя собственная полезная рубрика «Правила жизни». Руководители информационно-аналитического отдела поняли, что зритель устал от потока информации, ему нужно чувствовать свою сопричастность к повседневности и получать ответы на конкретные вопросы. Рубрика «Правила жизни» и стала источником именно такого познавательного содержания. Она является гибридом информационного и познавательно-адаптивного контента. С одной стороны, в ней, как и в «Полезном вечере», журналисты дают советы в очень доступной форме, часто прибегая к разговорной лексике и записывая разъяснительные стендапы. Они рассказывают, как справиться с определенной проблемой, куда обратиться, если беспокоят те или иные вопросы. Например: «Как бросить курить?», «Куда деть излишки урожая?», «Как провести капитальный ремонт в доме самостоятельно?», «Сезонные скидки: что лучше покупать летом?». С другой стороны, все сюжеты привязаны к какому-то событию. Например, материал «Что делать, если вас одолели коллекторы?» появился после череды скандалов, связанных с деятельностью коллекторов, а сюжет о том, как подготовиться к Крещению, вышел в эфир накануне священного праздника. При этом надо уточнить, что рубрика «Правила жизни» рассчитана на массового зрителя, в отличие от программы «Полезный вечер», аудитория которой — преимущественно женская. Подобные сюжеты, охватывающие различные слои населения, можно делать только еженедельно, как это происходит в «Главных новостях Екатеринбург», поскольку материал на злободневные темы, волнующие большое количество населения, за один день невозможно не только найти, но и снять. Проблема состоит в подборе тем и в финансировании.

Подводя итог, скажем, что существование в телеэфире социально полезных познавательно-адаптивных программ и рубрик возможно при определенных условиях: если передача живет на средства спонсора и ее руководству не нужно думать о финансировании; если она самоокупается за счет переработки заказных сюжетов в «потребительские» и, наконец, если подобный просветительский проект разрабатывается на базе постоянной программы, которая занимается выпуском другого контента, например, в рамках передачи новостей.

³ Из личной беседы Анастасии Эйнгорн с шеф-редактором телеканала «41-Домашний» Надеждой Марковой.

1. Князев А. А. Основы тележурналистики и телерепортажа. Бишкек, 2001.
2. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 2008.
3. Кузнецов Г. В. Так работают журналисты ТВ. М., 2004.
4. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб., 1998.
5. Моль А. Социодинамика культуры. М., 1973.
6. Мясникова М. А. Морфологический анализ современного российского телевидения. Екатеринбург, 2010.
7. Нурждина О. А. Имидж телеведущего : [сетевой журнал]. 2010. URL: http://evartist.narod.ru/text9/22.htm#%D0%B7_05 (дата обращения: 03.02.2016).

Статья поступила в редакцию 16.12.2016 г.

УДК 070.1:004.773.6 + 316.774

М. М. Жигалова
Р. Л. Исхаков

«НОЧНАЯ» ЖУРНАЛИСТИКА В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

В статье впервые предпринята попытка анализа функционирования редакций средств массовой информации в ночное время. Сравнивается работа редакций информационной ленты ИТАР-ТАСС, сайта «Медуза» и портала E1.RU. Выводы позволяют представить медиапространство как пространственно-временной континуум, содержащий центральное понятие теории и практики журналистики — Со-Бытие.

К л ю ч е в ы е с л о в а: пространственно-временной континуум; событие; медийный город; ИТАР-ТАСС; сайт «Медуза»; портала E1.RU.

Понятия «пространство» и «время» относятся к ключевым категориям науки. В классической науке пространство и время рассматривались как независимые друг от друга и от тех процессов, которые в них происходят. Благодаря созданию теории относительности было выяснено, что в действительности пространство и время — это стороны одного и того же явления.

Пространство — одна из основных категорий таких наук, как философия, математика, физика. В науке понятие «пространство» (в наиболее общем понимании) обретает смысл в рамках той или иной концептуальной системы или модели в том случае, если возможно утверждение о наличии в этой системе как минимум двух отличных друг от друга частей. В целях нашего исследования оно рассматривается

ЖИГАЛОВА Майя Михайловна — бакалавр журналистики, магистрант департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: lulubeli@yandex.ru).

ИСХАКОВ Рафаиль Лутфуллович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, член-корреспондент Академии энциклопедических наук (e-mail: rafa-ishhakov@yandex.ru).

© Жигалова М. М., Исхаков Р. Л., 2017

как «медиапространство». Медиапространство, по мнению исследователей, представляет собой «совокупность различных источников информации». Так, кандидат филологических наук Б. В. Шулумба 31 раз на девятнадцати страницах текста своей диссертации упоминает понятие «медиапространство» [11, 69].

Многомерность пространства и многомерность времени — понятия, принимаемые современной физикой. В. И. Вернадскому принадлежит идея шестимерности пространства и времени в живой природе [1]. В координатах современной науки медиа можно представить как *пространственно-временной континуум*.

Пространство и время определяются теми процессами, событиями, которые в них возникают и существуют. Поэтому самое простое представление о реальности — представление о том, что мир есть множество (континуум) событий, которое имеет четыре измерения: три из них пространственные, а четвертое — временное (время). Альберт Эйнштейн предложил совершенно новую теорию пространства и времени — так называемую специальную теорию относительности. Время и пространство объединяются в четырехмерное *пространство-время* — континуум (от лат. *continuus* — сплошной, непрерывный), непрерывную совокупность¹.

Созданием теории трехмерного пространства-времени (четырёхмерного пространства) мы обязаны Генриху Минковскому. В 1908 г. немецкий математик, развивая идеи теории относительности А. Эйнштейна, заявил, что пространство само по себе и время само по себе должны обратиться в фикции и лишь некоторый вид соединения обоих может сохранить самостоятельность. Минковский и Эйнштейн установили, что трехмерное пространство и время в отдельности не существуют и что реальный мир является четырехмерным. Таким образом, два ученых, нарушив законы математики, для обоснования (развития) своих личных гипотез сложили в единое целое три взаимно перпендикулярных координатных оси и условную сравнительную меру — время.

В этом смысле время представляет собой еще одно измерение. События описываются четырьмя элементами информации: три указывают расположение в пространстве и один — положение во времени. Таким образом характеризуется положение события в пространстве и времени, т. е. в пространстве-времени. Мир событий может быть описан динамически с помощью картины, изменяющейся во времени и существующей на фоне трехмерного медиапространства. Но он может быть также описан посредством статической картины, данной на фоне четырехмерного пространственно-временного континуума.

Ритм жизни современных горожан ускоряется с каждым годом. В крупных городах жизнь не останавливается ни на минуту, в любое время дня и ночи продолжается бурная деятельность. Скотт Маккуайр называет современный мегаполис текучим городом за его постоянную изменчивость и мобильность [8, 17]. Такое изменение образа жизни не может не повлиять на работу современных СМИ.

Сегодня многие интернет-СМИ переходят в круглосуточный режим работы. Канадский философ Маршалл Маклюэн заявил, что электронные медиа

¹ В современной метафизике приобретает значение теория четырехмерного, или риманова, континуума (по имени математика Бернхарда Римана, 1796–1866).

«заключили саму нашу центральную нервную систему в глобальные объятия, отменив пространство и время в масштабе нашей планеты» [6, 125]. Так, в Екатеринбурге создано и действует информационное агентство «Ночные новости» (<http://nn.web.ur.ru>). Ежедневная пятиминутная программа «Ночные новости» о чрезвычайных происшествиях, криминале, острых социальных явлениях и событиях в городе и Свердловской области выходит на «Четвертом канале» четыре раза в день — в 6.45, 11.25, 18.45 и 23.55.

Если рассматривать опыт интернет-СМИ в Свердловской области, то стоит отметить, что в регионе существует одна полноценная ночная редакция — редакция сайта E1.RU и несколько вечерне-ночных редакций, которые работают до середины ночи. В частности, до часу ночи работают дежурные журналисты портала URA.RU, до полуночи — журналисты информационного агентства «Актуально.ру».

Ночные новостные службы работают по новым схемам, значительно отличающимся от тех, которыми пользуются их «дневные» коллеги. Однако новые методы работы пока мало изучены исследователями, это направление упоминается в двух-трех книгах журналистов-практиков [3, 5, 10]. Сейчас, когда масс-медиа активно создают и развивают вечерние и ночные редакции и вынуждены участвовать в жесткой конкурентной борьбе, необходим анализ особенностей работы ночных редакций.

Перед нашим исследованием стояли прагматические цели — выявить специфику работы журналиста в ночных условиях, сформулировать ее общие принципы, проанализировать тематику контента, а также предложить методы поиска информации, взаимодействия с официальными источниками и читателями. В сентябре 2016 г. на наш запрос в поисковике «Яндекс» по маркеру «ночная служба новостей» было получено 15 млн ответов, а по маркеру «ночные новости» — 2 428 показов. Репрезентация субъективного аспекта исследования представлена в экспертном интервью с первым ночным корреспондентом портала E1.RU Е. В. Станиной. Кроме того, мы сочли необходимым провести сравнительный анализ опыта функционирования сразу нескольких ночных редакций разного масштаба — информационного агентства ТАСС, сайта «Медуза» и интернет-портала E1.RU. Один из авторов исследования стал «ночным» журналистом на интернет-портале E1.RU (Екатеринбург). Сбор эмпирического материала осуществлялся путем взаимодействия с людьми, которые стояли у истоков создания ночной службы новостей.

Австралийский социолог Скотт Маккуайр, подробно изучив такое явление, как «медийный город», утверждает, что в XXI в. социальная жизнь протекает именно в медийных городах [8]. Это современные развивающиеся мегаполисы, жители которых активно пользуются различными видами СМИ, как электронными (телевидение, радио, электронные издания в Интернете), так и печатными. Если раньше, начиная с XIX в., формы современного пространства артикулировались с помощью фотографии, а затем и кинематографа, то сегодня — это электронные и цифровые медиа.

Американский урбанист Уильям Уайт говорит о том, что не просто медиа входят в наш дом, а весь наш дом сам становится медийным контентом. Сама

домашняя жизнь становится предметом внимания [12]. Особенно эта тенденция стала развиваться в 1990-х гг., когда появились первые телевизионные реалити-шоу в прайм-тайм. Теперь горожане не просто могут общаться, они могут транслировать свою жизнь или наблюдать за жизнью соседей практически в режиме онлайн с помощью медиа. Появление Интернета сильно деформировало, даже убило время, считает М. Маклюэн [7, 143]. Теперь время напрямую зависит от потребляемой информации. Если в ленте что-то публикует один человек, то чтение займет пять минут, а если сто человек, то всю ночь.

Человечество начинает жить в новом ритме, и многие СМИ стремятся не отставать от своих читателей. Газеты и журналы создают электронные версии своих изданий или уходят в Интернет. Еще одной причиной структурных изменений в СМИ и во всей медиаиндустрии за последнее десятилетие стало внедрение новых технологий. Е. Л. Вартанова и М. М. Лукина поясняют, что речь идет, прежде всего, о переводе содержания во всех его формах — текстовой, графической, звуковой — в цифровую форму [4, 12].

Сейчас крупные интернет-порталы представляют собой мультимедийные проекты, в которых есть фото-, видео- и аудиоконтент. На новостника ложится еще и обработка видео- и фотоматериалов в визуальных редакторах на уровне продвинутого пользователя. Экс-руководитель интернет-проектов медиахолдинга «Эксперт» и заместитель главного редактора журнала «The New Times» И. А. Давыдов считает, что в современных интернет-редакциях журналисты занимаются все же не журналистикой, а рерайтом [2]. С этим солидарен и бывший журналист «Ленты.ру» Вячеслав Варварин [3, 336].

Журналисты и исследователи сходятся в том, что несомненным плюсом является постоянная обновляемость новостной ленты в интернет-СМИ. Этот процесс практически полностью уничтожил понятие «выпуск». Е. Л. Вартанова объясняет это тем, что и журналистам, и владельцам СМИ стало ясно, что ранее принятые в медийном сообществе представления о регулярности публикаций в этой новой среде не работают. Если в первые годы развития медиа в Интернете контент СМИ просто переносили с материнских изданий на онлайн-версии, то сегодня этот метод признан неэффективным. В онлайн-СМИ стали появляться отдельные рубрики, которые могли обновляться в своем темпе. Например, новостные ленты в онлайн-версиях ежедневных газет. Их содержание менялось по мере поступления информации [4, 224]. Конвергентное СМИ вещает 7 дней в неделю, 24 часа в сутки. Следует пояснить, что под конвергентными СМИ исследователь В. В. Артюхин подразумевает слияние текста, звука и образа.

Преимущества интернет-СМИ признают многие исследователи, однако С. Г. Машкова не рассматривает оперативность выхода новостей в качестве неоспоримого преимущества. Исследователь, напротив, отмечает, что эта оперативность излишне переоценена. «Она необходима во время острых кризисов, происшествий, важных событий, то есть примерно два-три раза в год», — пишет С. Г. Машкова [9, 80].

Другой исследователь — Лосева утверждает, что в зависимости от экономики издания нагрузка на редакцию и каждого отдельного журналиста при такой работе может быть разной [4, 230]. Она отмечает три вида нагрузки:

— для крупных информационных агентств характерны ночные смены или смены выходного дня. Их количество должно быть вдвое меньше, чем обычных, дневных смен;

— в национальной газете, перешедшей на конвергентную схему вещания, ночью работает только один выпускающий редактор;

— региональные СМИ зачастую используют систему полуавтоматической работы. В таком случае сайт обновляется по ночам с помощью настроенных RSS-потоков новостей, которые соответствуют нише и формату сайта.

Исследователи выделяют три пика заходов на информационные ресурсы:

1) в начале рабочего дня;

2) в конце рабочего дня;

3) вечерний и последующий ночной пик [4, 217].

В рамках нашей статьи заострим внимание на этом последнем пункте. Вечерний и ночной пики заходов осуществляются, по мнению М. М. Лукиной, двумя разными группами:

1) домашними пользователями;

2) русскоязычной диаспорой, находящейся в других часовых поясах.

Исследователи из МГУ отмечают, что основной регион зарубежной географии российских интернет-СМИ — это США, Канада. Доля пользователей из этих стран может составлять от 15 до 20 % общей аудитории русскоязычного ресурса.

С переходом большинства российских и зарубежных СМИ в Интернет медиаменеджеры сделали ставку на постоянное обновление информации — 24 часа в сутки семь дней в неделю. Для этого потребовалось расширить штат и нанять новых сотрудников или изменить функционал уже имеющих так, чтобы в штате появились журналисты, которые будут следить за новостями страны и мира после того, как их «дневные» коллеги отправятся по домам.

Одними из первых перешли на круглосуточное вещание западные СМИ. «...В The New York Times отдел новостей, который традиционно назывался The News Desk, переименован в Continuous News, что в дословном переводе означает “непрерывные, непрекращающиеся новости”», — пишет М. М. Лукина [4].

Одной из первых российских онлайн-редакций, перешедшей на 24-часовой режим работы, стала «Лента.ру». Редакция приступила к работе в 1999 г., но уже к началу нового века обзавелась собственной ночной редакцией. По словам создателя «Ленты» Антона Носика, ресурс изначально проектировался как новостное интернет-издание. Организация ночной интернет-редакции также была запланирована заранее. В первые месяцы работы по ночам дежурил только один сотрудник — его называли редактором ночной смены, но со временем штат издания расширился и в помощь «ночному» редактору было выделено еще несколько сотрудников. Таким образом, сформировалась полноценная редакция, работающая в ночное время².

² Сейчас большинство сотрудников старой «Ленты» во главе с экс-главредом Галиной Тимченко переехали в Ригу и работают в новом новостном издании «Meduza». Старая команда хотела возродить прежний режим работы, но заместитель главного редактора Александр Поливанов признается, что сейчас у «Медузы» нет возможности организовать работу ночных корреспондентов.

Стоит особо отметить появление ночной редакции на городском портале Екатеринбурга — E1.RU. Главный редактор сайта удовлетворил просьбу бывшего ночного редактора портала E1.RU Евгении Станиной и создал подразделение ночных корреспондентов. «Наверное, она [идея создать ночную редакцию] возникла тогда, когда мы все чаще и чаще начали выдергивать кого-то из журналистов по ночам. У нас до ввода дежурства ночного было дежурство с 7 до 14 и с 14 до 22, а ночь мы не охватывали, но постоянно что-то происходило, и мы просили вечернего дежурного посидеть до полуночи. И такие вещи происходили всё чаще и чаще, и я подумал, что как-то спокойнее будет, если появится ночная редакция», — пояснил главный редактор Р. Д. Низамов [10, 56]. Также Е. Станина добавила, что создание ночной редакции было своеобразным промоушн-ходом. Руководству портала E1.RU было необходимо внушить горожанам мысль о том, что только на их сайте можно прочесть новости, которые выходят 24-часа в сутки. По Екатеринбургу курсировал трамвай с рекламой сайта; слоган утверждал, что портал E1.RU — круглосуточные новости. Бывший ночной редактор портала Алла Кузнецова называет еще одну задачу, которую ставил главный редактор перед новой командой ночной службы новостей. Это увеличение трафика за счет утренних посетителей, которые захотят узнать, что же произошло в городе в то время, пока они спали. В среднем количество просмотров каждой новости на портале E1.RU составляет около 10–15 тыс. Звездный час ночных новостей наступает рано утром, когда горожане собираются на работу. Нередко новости ночных корреспондентов спустя сутки оказываются самыми читаемыми среди всех прочих текстов и набирают до 50 тыс. просмотров.

Чтобы понять, как функционируют ночные службы новостей, нам необходимо было сравнить несколько новостных заметок разных изданий. Для анализа мы взяли по три ночных дежурства журналистов на сайтах информационного агентства ТАСС, «Медузы» и E1.RU. Выбор сайтов обусловлен классификацией М. М. Лукиной и включает представителей крупных информационных агентств (ИТАР-ТАСС), национальных изданий («Медуза») и региональных СМИ (E1.RU). Были рассмотрены материалы, опубликованные на данных сайтах в 2015–2016 гг.

Мы проанализировали новостную ленту сайта открытого доступа — tass.ru ночной службы новостей информационного агентства ТАСС (с 22 часов 30 мая до 7 часов 31 мая). Отметим важную особенность — на главной ленте сайта появляются материалы из других, узкоспециализированных лент. Всего за данный период на сайте появилось 97 новостных заметок (табл. 1).

Сделаем несколько выводов. Новости, которые публикует ИТАР-ТАСС, в основном негативные. Так, во время ночного дежурства больше всего новостей было взято из ленты «Происшествия» (28,9 %). Также к негативным новостям можно отнести новости из ленты «Международная панорама», в которой сообщается о вооруженных конфликтах в других странах (23,7 %). Стоит отметить, что ночная служба новостей ТАСС публикует большое количество новостей, информационные поводы для которых она берет из-за рубежа. Иногда агентство напрямую в заголовках ссылается на зарубежные средства массовой информации. Отметим, что ночью много новостей берется из ленты «Экономика и бизнес».

Здесь в основном сообщаются новости экономики таких стран, как Китай, США, а также стран — членов Евросоюза. В данной рубрике публикуются новости и об оценках российской экономики иностранными экспертами, о выступлениях российских политиков на международных совещаниях или форумах.

Ночная служба новостей ИТАР-ТАСС публикует исключительно информационные заметки.

Таблица 1

Содержание информационной ленты ИТАР-ТАСС

Рубрика	Количество публикаций	Доля в общем объеме, %
Происшествия	28	28,9
Международная панорама	23	23,7
Экономика и бизнес	19	19,6
Спорт	11	11,3
Общество	6	6,3
Культура	4	4,1
Политика	3	3,1
Армия и ОПК	1	1,0
Северо-запад	1	1,0
В стране	1	1,0
Всего	97	100,0

Обратимся к ленте новостей сайта «Медуза». Рабочий день ночного редактора начинается в 19 вечера и заканчивается в час ночи. Поэтому будем анализировать новости, вышедшие в этот период. Начнем со смены, которая началась вечером 21 мая 2015 г.

За выбранный период было опубликовано шесть новостей. Из них две были посвящены спорту (а именно чемпионату мира по хоккею), две являлись развлекательными (из рубрики «Шапито») — о сериале «Игра престолов» и опоссуме из нью-йоркского зоопарка. А последние две были позаимствованы из американских СМИ со ссылкой на ВВС и издание «Quartz». Эти новости были посвящены криминалу: первая — об экстрадиции наркобарона из Мексики, а вторая — об американце, который подал в суд на министерство за предложение купить данные по миграции.

Теперь рассмотрим новости, вышедшие в ночь с 24 на 25 апреля 2015 г. За данный период было опубликовано 10 материалов. Из них семь — новостные заметки, два материала из рубрики «История» и один материал из рубрики «Шапито». В материале из рубрики «Шапито» говорится о противостоянии сайта «Сноб» и коллективного сообщества «Dirty».

Три новостные заметки посвящены криминальным темам, все они имеют ссылки на российские информационные агентства и издания. Две новостные заметки посвящены экономическим темам. Как и в случае с криминальными новостями, тексты имели ссылки на российские СМИ. И оставшиеся две заметки

посвящены известным персонам («Алишер Усманов опустился на десятое место в списке богатейших людей Великобритании», «Умерла актриса Нина Архипова»). Здесь ночной редактор ссылается на российские информационные агентства и зарубежные СМИ.

Рассмотрим работу ночного редактора на портале E1.RU³. Мы взяли дежурства в период с декабря 2015 г. по февраль 2016 г. Работа ночного корреспондента портала E1.RU начиналась в 22 часа вечера и заканчивалась в 7 часов утра. В каждое из трех рассматриваемых дежурств было опубликовано по 7 новостных заметок (табл. 2).

Таблица 2

Содержание информационной ленты E1.RU

Рубрика	Количество публикаций		
	24–25 дек. 2015 г.	16–17 янв. 2016 г.	19–20 февр. 2016 г.
Происшествия	3	4	4
Развлечения	2	2	
Экономика	1		
Международные отношения		1	
Социальная тема			1
Анонсы			2
Всего публикаций	7	7	7

Проведя контент-анализ новостных заметок, подготовленных ночными журналистами, мы можем сделать вывод, что ночная новостная лента отличается от дневной. По ночам выходит гораздо меньше новостей, чем днем. Поиск информационных поводов усложнен тем, что ночные журналисты находятся в противофазе практически со всей страной. По ночам публикуется гораздо больше новостей со ссылками на зарубежные источники, что закономерно. Причиной является разница во времени между странами. Отметим, что большое количество ночных новостей посвящено спорту. Многие спортивные состязания заканчиваются поздно вечером или проходят в странах, которые находятся в других часовых поясах. Это и объясняет большое количество новостных заметок о достижениях спортсменов. Еще одной важной особенностью ночной новостной ленты является баланс негативных и позитивных новостей, который стараются соблюдать ночные дежурные редакторы всех изданий.

Проанализировав методы работы ночных редакторов разных изданий, мы можем выделить несколько общих моментов.

Работа ночного журналиста с источниками информации отличается от аналогичной работы его дневных коллег. Количество самих источников резко сокращается. Большая часть информационных сведений поступает из-за рубежа. Ночные журналисты тщательнее изучают материалы зарубежных средств

³ На примере публикаций М. М. Жигаловой.

массовой информации. Потому сотрудники ночных редакций должны хорошо владеть иностранными языками.

Также источниками информации для ночных журналистов могут быть горячие телефоны различных спецслужб. Круглосуточно работают аварийные службы, МЧС и полиция. Кроме того, прокомментировать событие могут дежурные сотрудники службы пропаганды ГИБДД (в случае если в аварии пострадали люди). Информация о происшествии появляется на сайте областного управления МВД спустя час-два после того, как оно произошло. Часто сообщение сопровождается фотографиями и видео с места событий, что сильно упрощает задачу ночного дежурного редактора.

Отметим еще, что информационными источниками могут стать очевидцы событий. По просьбе ночного редактора они охотно присылают фотографии или видео с места происшествия.

* * *

Таким образом, анализ практики «ночной» журналистики позволяет вскрыть не использованные исследователями журналистики резервы. Восприятие медиапространства как вместилища противоречивых событий позволяет исследователям журналистики «очеловечить» пространственно-временной континуум, поместив в него центральное понятие теории и практики журналистики — Со-Бытие.

1. Вернадский В. И. Пространство и время в живой и неживой природе. М., 1975.
2. Давыдов И. А. Интернет-СМИ: идеальная модель и реальная ситуация [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russ.ru> (дата обращения: 15.11. 2015).
3. Дорогая редакция: Подлинная история «Ленты.ру», рассказанная ее создателями / Г. Тимченко, А. Носик, И. Колпаков и др. М., 2015. 336 с.
4. Интернет-СМИ: теория и практика : учеб. пособие для студентов вузов / под ред. М. М. Лукиной. М., 2010.
5. Кузнецова А. Н. Специфика подготовки новостной заметки в ночной службе новостей (на примере городского интернет-портала E1.RU). Екатеринбург, 2015. 69 с.
6. Маклюэн Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. Москва ; Жуковский, 2003.
7. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека = Understanding Media: The Extensions of Man. М., 2007.
8. Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М., 2014.
9. Машкова С. Г. Интернет-журналистика : учеб. пособие. Тамбов, 2006.
10. Станина Е. В. Пока город спал: Из опыта работы журналиста ночной службы новостей городского портала E1.RU : вып. квалификац. работа / УрФУ. Екатеринбург, 2015.
11. Шульumba Б. В. Медиапространство как фактор межэтнического взаимодействия (на примере Республики Абхазия) : дис. ... канд. филолог. наук. М., 2015.
12. The Organization Man / by W. H. Whyte [Electronic resource] // Review. 2010. Vol. 1, № 10. URL: <http://naderelhefnawy.blogspot.ru/2010/10/revieworganizationmanbywillardh.html> (accessed: 2.02.2016).

Статья поступила в редакцию 03.02.2017 г.

УДК 070.325:378.1 + 316.453

С. А. Большева
Н. С. Лопаева**НАУЧНЫЕ ЖУРНАЛЫ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РФ**

В статье анализируются место и роль научных журналов в информационном и коммуникационном сопровождении радикальных преобразований в высших учебных заведениях РФ. Рассматриваются вопросы использования интеллектуального потенциала научной журналистики в управлении инновациями посредством эффективного применения PR- и GR-технологий при продвижении продуктов научной журналистики.

Ключевые слова: Government Relations (GR); медиaprостранство; мониторинг влияния научной статьи; public relations (PR); типология научных журналов; управление инновациями; эффективность научной журналистики.

Цель данной статьи — показать новые роли научного журнала как вида научной коммуникации в условиях информационного общества. Предложенный ракурс исследования обусловлен продолжающейся уже второе десятилетие реформой высшего образования. Она превратилась в проблему, которую можно с уверенностью охарактеризовать как «актуальность вечного». Фактически модернизация системы образования началась в 2003 г., с момента присоединения России к Болонской декларации. Как участница Болонского процесса Россия обязана выполнять определенные требования: введение многоуровневой системы (бакалавриат, магистратура); разработка образовательных стандартов на основе компетентностного подхода; использование академических кредитов европейского образца и т. д. Разнообразные направления реформы и определили тематический спектр их обсуждения на страницах научных журналов.

Сама идея данной статьи подсказана изучением массива научных публикаций по проблемам реформы высшего образования в журналах «Социологические исследования» и «Университетское управление: практика и анализ» (далее — *Университетское управление*) за период с 2004 по 2016 г. Издания выбраны с учетом важности социологического аспекта реформы и изучения позиций непосредственных участников преобразований на уровне конкретных вузов. Критериями контент-анализа являются: тематика статей, посвященных непосредственно модернизации образования на основе Болонского процесса; статус авторов; характер публикаций (фактографический, позитивный, положительный

БОЛЬШЕВА Светлана Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: pr-ural@yandex.ru).

ЛОПАЕВА Наталья Сергеевна — магистрант Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: n.s.lopaeva@urfu.ru).

© Большева С. А., Лопаева Н. С., 2017

с элементами критики, критический, проблемный); частота публикаций (до и после начала реформы).

Анализ показал, что авторами статей в журнале *Социологические исследования* являются ученые, исследователи, преподаватели (преимущественно доктора и кандидаты наук), которые априори квалифицируются как эксперты в своей области знания, преподавательской и управленческой деятельности в сфере образования. В структуре авторского состава журнала *Университетское управление* преобладающими категориями являются представители топ-менеджмента и среднего управленческого звена российских вузов, а также представители зарубежных высших учебных заведений в статусе экспертов.

Контент-анализ позволил выявить некоторые различия и в характере публикаций. Если в журнале *Социологические исследования* доминирующим стал фактографический и проблемный характер обсуждения — по 35,7 %, а также критический — 21,4 % и позитивный — 7,6 %, то в *Университетском управлении* преобладает фактографическая подача информации — 54 %. К постановке проблем в процессе обсуждения реформирования вузов обратилось 23 % авторов, позитивный, критический и положительный с элементами критики характер имели публикации соответственно 7,6 % авторов статей. Такую разницу в характере публикаций можно объяснить, прежде всего, различиями концепций журналов, профилем их деятельности и особенностями редакционной политики.

Исследование отчетливо выявило различия и в частоте публикаций. В журнале *Социологические исследования* зафиксирована публикационная активность по проблемам реформы на подготовительном этапе и ее нарастание непосредственно в период осуществления модернизации. Количество таких статей по сравнению с периодом обсуждения предстоящих изменений увеличилось в 2,5 раза. В журнале *Университетское управление* пик обсуждения различных аспектов коренных преобразований пришелся на период с 2005 по 2011 г. (50 %) и постепенно начал спадать в последующий период, чему также есть объяснение. Контент журнала является отражением многообразных направлений стратегического менеджмента российских вузов, и для его авторов важен не столько социологический и социально-психологический аспекты реформы, а прагматика, опыт реальной повседневной работы по управлению вузом во всем многообразии направлений его деятельности и проблем.

Что касается тематики статей, то наиболее актуальными и важными по остроте постановки проблем и глубине их разработки являются все-таки публикации в журнале *Социологические исследования*.

По мнению ряда авторов, инициированные сверху меры расцениваются как пример негативной реформы, что повлияло на формирование в обществе оппозиции по отношению к предложенной модели модернизации образования. Многие из того, что происходит в этой сфере, делается непрофессионально, спонтанно, неожиданно, без привлечения самих участников образовательного процесса. Зачастую изменения задаются откуда-то сверху, не всегда понятно кем.

В целом, обобщая опыт реформы системы образования, авторы статей выделяют несколько аспектов: управленческий, организационный, социальный,

социально-психологический и др. Их выводы относительно последствий модернизации сводятся к следующему:

1. Неспособность системы образования идти в ногу с развитием общества, прогрессирующее несоответствие жизненных и образовательных потребностей. Характер явления приобретает хроническая «нереформируемость» традиционной школы, альтернативой которой выступают непродуманные инновации, которые не только не приносят пользы, но приводят к еще более глубокому кризису.

2. Наблюдается расслоение образовательных возможностей. Большая часть общества не может применить полученные знания, что обуславливает тенденции к снижению общественного уровня образованности.

3. Утрата значимости «знания». В современных условиях более высокий статус приобретает «компетентность», которая соотносится не столько с профессией, сколько со способностью ориентироваться в мире. Большинство СМИ негативно оценивают данное направление реформы и говорят об отрицательных последствиях его внедрения.

4. В ряде научных публикаций, в том числе зарубежных коллег, дана критическая оценка воздействия рейтинговой системы на европейское и национальное высшее образование, анализируются непредвиденные побочные эффекты, оказывающие влияние на организационное поведение университетов.

5. Прогрессируют «теневые отношения» в высшей школе, связанные с серьезными правонарушениями при организации поступления абитуриентов в вузы, установлении сумм спонсорской помощи и распределении внебюджетных средств и доходов от предпринимательской деятельности вузов и т. д.

6. Функциональный кризис выражается в перегрузке образования не собственными ему функциями — от социальной поддержки незащищенных семей до проведения предвыборных кампаний. Изменяется социальный статус образовательной системы: университет начинает рассматриваться сквозь призму предпринимательства и менеджмента.

7. В ходе реформы в стране сформирована новая социально-экономическая ситуация на рынке труда. Основная тенденция — несоответствие имеющегося количества и качества подготавливаемых специалистов структуре спроса, предъявляемого работодателями. Реальностью стала имитация (симуляция) профессионального образования. Результатом этого является структурная безработица и обособление образовательной сферы от рынка труда.

Нетрудно предположить, что адресат подавляющего большинства публикаций — основной субъект реформы, т. е. Министерство образования и науки РФ. Логично задаться вопросом: используется ли и в каком объеме данный массив научной информации в мониторинге хода реформы? Ответ на него авторы получили при исследовании ее предмета — информационно-коммуникационной инфраструктуры министерства.

Под коммуникационной и информационной инфраструктурой принято понимать некую систему организационных структур и подсистем, которые обеспечивают функционирование и развитие коммуникационного и информационного пространства конкретного субъекта и средств его взаимодействия с внешней

и внутренней средой. Информационно-коммуникационная инфраструктура, открыто презентованная на сайте министерства, дает представление о реальном понимании главным субъектом реформы ее места и роли в управлении [4].

Департамент информационной политики действует преимущественно в формате пресс-центра и координирует информационное взаимодействие с государственными, общественными и иными организациями, осуществляющими взаимодействие со СМИ. Он обеспечивает администрирование и информационное наполнение официального интернет-портала министерства, его официальных аккаунтов в ведущих социальных сетях, координирует работу интернет-ресурсов подведомственных организаций и интернет-ресурсов, созданных для коммуникационного сопровождения программ, реализуемых министерством.

В функционале департамента стратегии, анализа и прогноза — мониторинг системы образования, но на основе строго предписанного различными приказами и постановлениями регламента, исключающего научную периодику как источник информации.

Департамент науки и технологий, в ведении которого и находится сама наука, также ни в одном из своих ключевых проектов не ставит задачу мониторинга научных журналов, ценность которых как источника экспертной информации трудно переоценить.

По признанию сотрудников всех трех департаментов, задача организовать взаимодействие с научными журналами не ставилась.

Таким образом, в информационно-коммуникационной инфраструктуре министерства изначально не определены место и роль научных журналов. Роль научных журналов как конкретной формы научной коммуникации пока не отражена и разработчиками Глоссария (термины и определения) к проекту «Концепции развития информационно-коммуникационной инфраструктуры и технологий в Российской Федерации». Минкомсвязи России по согласованию с Министерством связи и массовых коммуникаций РФ принял и опубликовал 3 мая 2011 г. в Интернете данный проект, которому предшествовала общественная дискуссия в Интернете. Общий смысл замечаний участников обсуждения сводился к более тщательной проработке документа, который со временем должен стать документом государственной важности [7].

Рассмотренное направление деятельности по созданию необходимой информационной инфраструктуры, как и многие другие проекты инновационного пути развития страны, постоянно привлекает к себе внимание специалистов разных отраслей знания. Но пока эксперты вынуждены констатировать, что «в России еще не сложилась информационная инфраструктура, которая обеспечила бы информационное сопровождение инновационного цикла от возникновения идеи до ее внедрения в жизнь» [12].

Причины, по которым в условиях информационного общества научная периодика в качестве средства реального влияния на инновационные процессы в обществе оказалась невостребованной, заключаются в следующем:

1. Научная журналистика как тип СМИ и форма научной коммуникации пока недостаточно исследована, а тем более под углом зрения ее роли и перспектив в современных условиях;

2. Изживает себя существующая не одно десятилетие модель научного журнала определенного исторического образца, ориентированного преимущественно на научное сообщество. Смена устаревшей и удивительной для зарубежных коллег парадигмы «журнал для авторов, а не для читателей» [13, 57] является такой же неотложной задачей, как и коррекция редакционной политики научных журналов с учетом новых реалий;

3. В решение этой назревшей проблемы пока недостаточно вовлечено само профессиональное сообщество, связанное с процессом выпуска научной периодики. Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ) создана только в конце марта 2015 г. и за решение подобных задач еще не принималась.

Охарактеризуем названные причины, используя несколько непривычный для анализа информационно-коммуникационного сопровождения реформы образования категориальный аппарат. Такие понятия, как «медиапространство реформы», «научный журнал в медиапространстве реформы», «научная журналистика», «научная периодика», «научная коммуникация» и др., имеют самое непосредственное отношение к предмету исследования.

Во-первых, к изучению феномена медиапространства исследователи современной отечественной журналистики обратились сравнительно недавно. Как отмечает профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» И. М. Дзялошинский, «...понятия “медиапространство”, “медиасреда”, “медиаполе”, “медиафера” возникли в отечественном дискурсе относительно недавно, пока еще не приобрели более или менее отчетливого смыслового наполнения и используются чаще всего в качестве синонимов. ...На сегодняшний день какого-либо общепринятого определения понятия “медиапространство” не существует. Весьма популярна точка зрения, что оно представляет собой совокупность источников, из которых люди получают информацию, и смысловое поле, которое эти источники формируют» [1].

Не случайно научных исследований медиапространства реформы в сфере образования авторам статьи выявить не удалось, что еще раз подтверждает актуальность данного исследования. Тем не менее следует отметить, что с самого начала постоянный интерес к реформе образования поддерживается именно средствами массовой информации самых разных типов. Предоставляя свою трибуну для различных высказываний, мнений, критики, СМИ не только отражают, но и активно формируют общественное мнение по поводу преобразований. Бесспорно, основу медиапространства реформы составляют преимущественно материалы средств массовой информации. Роль научной журналистики в этом процессе несколько иная. Как показало данное исследование, отдельные направления контента научных журналов только формально связаны с формированием медиапространства реформы. На деле они содержат достаточно представительный массив исследовательской информации по самым разнообразным аспектам реформирования, адресованный... самому научному сообществу.

Во-вторых, научная журналистика является объектом междисциплинарных исследований целого ряда наук: науковедения, массовой коммуникации, средств массовой информации, периодической печати. Так, представители *науковедения*

рассматривают научную периодику в качестве регулятора научного уровня в своей области и своеобразной хроники науки, записанной как точный протокол, в котором фиксируется главная деятельность ученых всего мира — передача знания.

Интерес *теоретиков журналистики* к этому типу прессы столь незначителен, что не оставляет возможности для более или менее корректного контент-анализа. Так, реальный объем публикаций, посвященных научной журналистике, в одном из ведущих научных изданий — «Вестнике МГУ» (серия 10: «Журналистика») за период с 2006 по 2016 г. составил менее десятка статей. Их авторами рассматривались преимущественно типологические особенности научных и научно-популярных журналов, причем в основном в историческом ключе.

Исследования с позиций *теории массовой коммуникации* позволяют составить четкое представление о научных журналах как виде научной коммуникации: ее целях, функциях, формах и др.

Постоянный и глубоко заинтересованный разговор на разнообразные сугубо «цеховые» проблемы научных изданий — прерогатива узкого круга авторов, принадлежащих к сообществу издателей, редакторов, отчасти — представителей читательской аудитории, делом которых и является создание научных журналов. В связи с этим целесообразно сослаться на продуктивный опыт функционирования издания «Научная периодика: проблемы и решения» — первого в России международного профессионального журнала для издателей и распространителей научной периодики, а также работников научных библиотек. На его страницах с завидным постоянством обсуждаются различные аспекты развития этого типа изданий.

Для более глубокого понимания необходимости смены парадигмы научных журналов уточним объем понятий «научная журналистика» и «научная периодика».

Большинство современных словарей определяет «научный журнал» как издание, содержащее статьи и материалы о теоретических исследованиях, а также статьи и материалы прикладного характера, предназначенные научным работникам. В современной типологии СМИ и толковых словарях научная журналистика рассматривается как область журналистики, которая используется для создания текстов на научные темы [9].

Такому толкованию понятия «научная журналистика» не противоречит и объем понятия «научная периодика», поскольку периодика (периодические издания) есть не что иное, как опубликованные работы, оформленные как СМИ, которые выходят в свет по определенному алгоритму. Наиболее распространенной формой периодики и является научный журнал [Там же].

Однако, учитывая специфичность ряда типологических характеристик этого типа СМИ (ограниченная аудитория, периодичность выхода, аудиторные предпочтения контента и др.), научную журналистику исследователи причисляют к так называемым «нишевым» изданиям.

Нишевые СМИ становятся перспективным направлением бизнеса в рунете, утверждают медиаменеджеры. Это то направление на рынке СМИ, в котором есть не только место, но и деньги для небольших игроков и где сейчас практически отсутствует конкуренция. Наталия Чанышева, занимающаяся издательской

деятельностью и продвижением профильных интернет-проектов для узкой профессиональной аудитории, считает, что нишевые СМИ, рассчитанные на достаточно узкую профессиональную категорию посетителей, являются тем направлением, в котором можно начинать работать даже с небольшим бюджетом. В России есть совершенно четкая категория людей, которые привыкли получать специализированный контент даром. Как пример нишевого бизнеса — СМИ для врачей, проекты для которых Н. Чанышева сейчас продвигает [5].

Наконец, в-третьих, на наш взгляд, только глубокая заинтересованность в развитии этого типа изданий самого профессионального сообщества (редакторов, издателей) способна трансформировать данный вид научной коммуникации, учитывая тенденции, свойственные мировому медиарынку. В связи с этим заслуживает внимания тенденция западных рынков СМИ, о которой поведали эксперты, принимавшие участие в подготовке ежегодного отраслевого доклада «Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития» (2015): «Социальные сети, по сути, отменили время между событием и журналистским сообщением о нем. Реакцией на это стала возникшая пару лет назад в качественных западных медиа, но еще слабо регистрируемая в России мода на “лонгриды” (материалы для вдумчивого чтения — longreads). Суть явления/медийной работы, когда “обстоятельная и сложная журналистика” приходит на смену “быстрой, простой и краткой”... Эта журналистика, имеющая целью создание языка общественной дискуссии, формирующая “реальный социальный и политический интерес” у аудитории, не замыкающаяся в форматных и целевых рамках, апеллирующая не к большинству по определению, не может быть сразу экономически самокупаемой, а тем более — прибыльной. Оно скорее социокультурный, а не рыночный проект, поскольку такая журналистика до определенного момента существует не только “для общества”, но и “вместо общества”. До тех пор, пока это общество не станет более зрелым» [10].

Идея не такая уж неосуществимая применительно к научной журналистике, даже несмотря на то, что Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, ориентируясь в основном на рыночные СМИ, устойчиво игнорирует в своих ежегодных национальных докладах научную периодику. Поскольку главным вызовом для любой печатной периодики являются рыночные отношения и нарастающее проникновение в жизнь людей Интернета и цифровых технологий, именно этот вектор развития выбрали для себя еще во второй половине XX в. журналы открытого доступа, ставшие влиятельным субъектом западного рынка прессы [12, 58].

В условиях рыночной экономики, когда информация признана самым дорогим товаром, целый ряд отечественных научных журналов весьма успешно заняты продвижением своих продуктов в сети Интернет. Основные возможности научных журналов в этом плане общеизвестны: высокая оперативность и глобальность распространения научной информации; мультимедийная подача; интерактивность, позволяющая автору связываться с аудиторией, а пользователям — с автором научной статьи; гипертекстуальность; селекция научной информации пользователем [8].

В качестве перспективного направления деятельности профессионалов рынка научной периодики нужно признать появление на страницах ряда журналов статей, авторы которых объективно оценивают ситуацию и от констатаций типа «В результате цифровой революции, международной научной интеграции и реструктуризации научной сферы целая отрасль не имеет ориентиров для дальнейшего развития» [2] переходят к обсуждению различных подходов к решению этой проблемы, которые базируются на применении информационно-коммуникационных и маркетинговых технологий [6]. «На данный момент, — отмечают В. М. Якубсон и Д. Ю. Райчук, — открытый доступ уже перешел из разряда идеалистических планов в область прибыльного бизнеса... университетские научные журналы, издаваемые в России, автоматически оказываются на периферии мирового издательского процесса. Пока сложно говорить о перспективах их конкуренции с ведущими мировыми журналами. Тем не менее общепризнанным является факт, что периферийные научные журналы выполняют важные задачи и могут развиваться в общемировом русле» [12, 58].

В свете сказанного представляется конструктивной и позиция С. А. Мамаевой: «Каждый исследователь, вступая в мир науки, застаёт систему научных коммуникаций уже сложившейся в виде комплекса различных ее каналов, средств, форм, институтов. Рационально и творчески используя потенциал существующей системы научных коммуникаций, ученый в то же время стремится преодолеть налагаемые ею ограничения. Он сам формирует свои коммуникативные стратегии, исходя из своих исследовательских потребностей, а главное, возможностей. Эти возможности напрямую связаны с положением исследователя не только в когнитивной, но и в социальной структуре научной дисциплины» [3].

Одной из актуальных проблем, стоящих в настоящее время как перед отдельными учеными, так и научными коллективами и сообществами, является оперативная публикация и распространение среди специалистов и широкой общественности результатов научных исследований. На страницах самих научных журналов эта тема представлена во всем разнообразии ее аспектов, но чаще всего ее обсуждение сводится к чисто финансовой стороне вопроса. Пока редакционная политика многих научных журналов только декларирует задачу продвижения результатов труда ученых и не всегда связывает ее с маркетинговым подходом, а также формированием общественного мнения в поддержку тех или иных результатов исследований. Аксиоматичным является утверждение, что формирование общественного мнения предполагает наличие соответствующих каналов его выражения. Такими каналами являются представительная система власти и прямое участие общественности в законотворчестве. В нашем случае научный журнал можно и нужно рассматривать как канал связи власти с научной общественностью, способ информационного обмена по самым актуальным проблемам.

Построение научной среды такого общения — задача обеих сторон. Модель взаимодействия органов государственного и муниципального управления с институтами гражданского общества с самого начала 90-х гг. XX в. включает в систему связей с общественностью (public relations, PR), контакты с прессой, но

пока ограничивает свою информационную политику, исключая из перечня СМИ научные журналы как объект мониторинга. Такое игнорирование не оправдано, поскольку модель служб по связям с общественностью органов власти имеет специальное подразделение — информационно-аналитический отдел, чьей задачей и является непрерывный мониторинг не только информационного (медийного) пространства, но и социально-политической, экономической, социально-психологической и других ситуаций, которые также становятся объектами научных исследований. Следовательно, если из поля зрения сотрудников таких отделов выпадает крайне важная научная информация, то вряд ли их можно считать вполне компетентными специалистами.

Вклад самих научных журналов в создание и поддержание научной среды общения с государственными институтами также видится в обогащении редакционной политики методологией и технологиями связей с общественностью, целью которых является достижение согласия, взаимопонимания по различным общественно значимым проблемам. Способы решения таких задач известны. Прежде всего, необходимо создать постоянно действующие каналы коммуникации и регулярно предоставлять научную информацию по разным направлениям деятельности партнеров по общению, быть готовым выполнять социальный заказ и др.

В частности, освоение PR-инструментария непосредственно в деятельности редакций научных журналов даст возможность в превентивном порядке завоевать поддержку органов государственного и муниципального управления при выдвижении перспективных идей, проектов, в том числе активно включаться в обсуждение предстоящих реформ, кампаний. Постоянно находиться в авангарде событий и процессов, а не следовать за ними, быть в курсе стратегических и текущих планов, успешно продвигать продукты научных журналов позволит специальное направление деятельности в коммуникационной политике журнала — технологии связей с правительственными учреждениями и органами власти (government relations, GR).

Подведем итог.

Трансформации такого масштаба, как реформа сферы образования в России, уже не первый год осуществляются в рамках современного подхода — проектного управления. Сумма областей знаний по управлению проектами обязательно включает управление коммуникациями. Ведь своевременный учет содержания, направленности, характера внутренних и внешних связей осуществляемых реформ самым решающим образом влияет на успех проекта любого типа, вида, класса, масштаба и сложности, а особенно такого мегапроекта, каким является перевод отечественной системы образования на европейские стандарты. Исследование показало, что информационно-коммуникационное сопровождение модернизации образования в России само по себе нуждается в корректировке.

Официальное признание места и роли научных журналов в информационно-коммуникационной инфраструктуре реформы не только поможет повысить реальную отдачу публикуемых материалов, но и создаст благоприятные условия для дальнейшего осуществления реформы и развития научных коммуникаций

на уровне государства. Без активного учета органами государственного управления огромного массива экспертной информации, которая может быть использована в управлении процессом реформы образования, научные журналы остаются «вещью в себе и для себя».

По-прежнему актуальной является задача уточнения коммуникационной политики обоих субъектов потенциального общения и взаимодействия на принципах технологий public relations и government relations, которые выполняют в комплексе маркетинговых коммуникаций роль стратегических инструментов, напрямую связанных с формированием и поддержкой репутационных составляющих деловой политики и на уровне государственных органов, и на уровне самой научной периодики.

Как показывает первоначальный опыт развития ряда научных журналов, перспективы самого института научной периодики в России целиком будут зависеть от желания и готовности профессионального сообщества заниматься решением сложившейся в отрасли ситуации как задачи, стратегической по своему характеру.

1. Дзялошинский И. М. Медиапространство России: состояние и тенденции развития [Электронный ресурс]. URL: <http://mic.org.ru/phocadownload/dzyaloshinsky.pdf>

2. Гриб В. В., Абрамов Е. Г. О необходимости поддержки отечественных научных журналов // Научная периодика: проблемы и решения. 2016. Т. 6, № 1. С. 41–44. doi: 10.18334/nppir.6.1.35650

3. Мамаева С. А. Коммуникативные стратегии ученых // Научная периодика: проблемы и решения. 2011. № 3. С. 6–12.

4. Министерство образования и науки Российской Федерации: [сайт]. URL: минобрнауки.рф

5. Нишевые СМИ становятся перспективным направлением бизнеса в рунете: [новост. и аналит. портал «Время электроники»]. URL: <http://www.russianelectronics.ru/leader-r/news/russianmarket/doc/47848/>

6. Павленко А. В. Анализ особенностей формирования эффективного комплекса маркетинговых коммуникаций издательских компаний в условиях перехода к коммуникационной концепции маркетинга // Научная периодика: проблемы и решения. 2012. № 1. С. 24–29.

7. Рудницкий Г. Глоссарий Концепции развития ИКТ инфраструктуры и технологий в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://gosbook.ru/node/13120>

8. Скрынникова А. В. Научная журналистика в современной России [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nauchnaya-zhurnalistika-v-sovremennoy-rossii>

9. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/152234>

10. Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям. Российская периодическая печать: состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой докл. 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fapmc.ru/mobile/activities/reports.html>

11. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

12. Якубсон В. М., Райчук Д. Ю. Издание научного журнала в университете: новый взгляд // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 2. С. 57–64.

Статья поступила в редакцию 21.02.2017 г.

УДК 004.774.6GMS:070.1

В. А. Волкоморов
К. Г. Драницина

TILDA КАК ПЛАТФОРМА ДЛЯ ВЕРСТКИ ЛОНГРИДОВ В РЕГИОНАЛЬНЫХ СЕТЕВЫХ ИЗДАНИЯХ

Проанализированы причины обращения российских региональных изданий к сервису *Tilda* как к платформе для верстки лонгридов, а также степень использования его функционала при реализации подобных проектов. Выявлены основные технические требования к лонгридам. На основе результатов контент-анализа установлена степень соответствия исследуемых проектов этим требованиям. Исследователи приходят к выводу, что все лонгриды мультимедийны (т. е. в них использованы различные типы контента), однако большинство из них не соответствуют таким критериям, как интерактивность, адаптивный дизайн, грамотное использование типографики и возможность обратной связи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: журналистика; лонгрид; *Tilda*; региональные издания; верстка.

Возобновление интереса как аудитории, так и авторов к большим формам в сетевой журналистике, а также особенности восприятия информации современным читателем, которого мультимедийная подача информации привлекает больше, чем текст, приводят к появлению нового журналистского жанра — лонгрида (от англ. *long read* — буквально «долгое чтение»). Региональные издания, следуя интересам и потребностям читателя, вслед за федеральными ресурсами вынуждены апробировать новый для них формат. При этом они прибегают к максимально экономичным и легким в использовании и адаптации к текущим нуждам решениям и сервисам. Одним из наиболее популярных среди них в российском сегменте Интернета является *Tilda*.

Цель исследования — выявить причины обращения российских региональных сетевых изданий к платформе *Tilda* как к конструктору для создания лонгридов, а также степень использования предлагаемого ею функционала при реализации подобных проектов.

В данной работе мы будем пользоваться определением понятия «лонгрид», сформулированным Д. Ю. Кульчитской и А. А. Галустяном: «Это журналистское произведение, в основу которого заложен длинный текст, сопровождаемый насыщенным аудиовизуальным рядом» [4].

Мультимедийным (фотографии, галереи, графика, инфографика, видео, аудио) и интерактивным (карты, виртуальные туры, блоки, активизирующиеся

ВОЛКОМОРОВ Владимир Александрович — кандидат филологических наук, доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: vladimir.volkomorov@hotmail.com).

ДРАНИЦИНА Ксения Григорьевна — студентка 4-го курса департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: kseniya.drgr@gmail.com).

© Волкоморов В. А., Драницина К. Г., 2017

при скролле или нажатии, и т. д.) элементам в лонгриде, на наш взгляд, отведена важнейшая функция удержания внимания читателя. Нелинейность восприятия текста приводит к тому, что во многом именно эти элементы становятся причиной прочтения текста, заставляют читателя вернуться к началу, чтобы понять их значение в материале.

Также одним из основных элементов дизайна веб-страницы является типографика. Пользователь не обращает на нее внимания до тех пор, пока в верстке лонгрида соблюдаются элементарные правила дизайна. Основатель популярного сообщества PhotoshopSAFE и автор книг по дизайну Колин Смит отмечает, что оптимальное количество шрифтов для одного проекта — два или три, а расстояние между буквами и строками, цвета и изображение фона должны быть такими, чтобы текст можно было прочесть без усилий для глаза [13].

Важно, чтобы проект одинаково хорошо выглядел как на экране персонального компьютера, так и на мобильных устройствах. В рекомендациях по созданию сайтов от компании «Яндекс» говорится: «Поисковые системы улучшают выдачу результатов поиска для пользователей мобильных устройств (смартфонов, планшетов, телефонов). Таким пользователям, вероятнее всего, будет показан сайт с адаптивным дизайном, динамической версткой страниц или мобильная версия сайта» [9]. При этом исследовательская и консалтинговая компания Gartner в январе 2016 г. опубликовала отчет [16], который свидетельствует о существующем и прогнозируемом росте рынка мобильных телефонов (смартфонов) и в то же время — о падении рынка стационарных компьютеров (Traditional PCs), что в совокупности с особенностями выдачи результатов поиска поисковыми системами предполагает необходимость создания мобильной версии сайта, которая должна включать в себя и лонгриды.

Успех проекта в значительной степени зависит от его грамотного распространения. Традиционными инструментами здесь являются кнопки «поделиться в социальных сетях» и комментарии. С одной стороны, они привлекают трафик на сайт, с другой — дают возможность пользователям ориентироваться в материале посредством рекомендаций.

Таким образом, основными требованиями к оформлению лонгрида являются:

- большое количество мультимедийных и интерактивных элементов;
- грамотное оформление типографики;
- наличие мобильной версии;
- кнопки «поделиться в социальных сетях»;
- возможность комментирования.

Однако верстать проекты со сложным функционалом способен только специалист IT-отрасли, и это требует немалых финансовых и временных затрат. Редакции же региональных и городских СМИ, как известно, не всегда обладают большими бюджетами, поэтому на заре появления лонгрида они не могли его себе позволить. Сегодня ситуация кардинально изменилась.

В качестве анализируемого материала в нашей работе мы будем использовать лонгриды, сверстанные на платформе *Tilda* (tilda.cc). Разработчики сервиса предлагают «собрать» страницу из располагающихся по порядку во всю ширину экрана

кирпичиков-блоков, каждый из которых включает в себе определенный функционал: текст, изображения, кнопки, формы, таблицы, комментарии, карты, видео, музыку, элементы, в которые можно вписать собственный HTML-код, — всего более 350 всевозможных вариантов, более того, при необходимости можно создать и свой блок¹. Блочная верстка во всю ширину страницы делает работу с платформой простой и удобной, что сказывается на скорости решения поставленных редакцией задач и делает сайт удобным — логика взаимодействия с ним и навигация понятны пользователю на интуитивном уровне. Страница также автоматически адаптируется под мобильные устройства по правилам «адаптивного дизайна» [8].

Для грамотной работы со шрифтами платформа предлагает выбрать одну из разработанных дизайнерами шрифтовых пар или подключить свои шрифты. Разработчики Tilda отмечают, что максимальное количество шрифтов, которое можно использовать в проекте, — два: «С одной стороны, использовать небольшое количество шрифтов — хорошая практика с точки зрения визуального стиля в целом. С другой — каждый дополнительный шрифт сильно увеличивает вес страницы» [6].

Стоимость месячного абонемента на сервисе Tilda не превышает 1250 руб.² — сумма, значительно меньшая по сравнению с альтернативными вариантами.

Таким образом, выбор Tilda региональными изданиями как платформы для верстки лонгридов обусловлен следующими ее преимуществами:

- возможность создать проект, который отвечает всем основным современным требованиям к оформлению: грамотный подход к типографике, большие изображения во всю ширину экрана, функционал для размещения всевозможных мультимедийных и интерактивных элементов, реализация обратной связи, отзывчивый дизайн;
- простота использования;
- русскоязычный интерфейс;
- техподдержка, реализованная через диалоговое окно, где сотрудники готовы ответить на вопросы в режиме реального времени;
- сопровождение текстовыми и видеоматериалами обучающего и рекомендательного характера;
- невысокая цена сервиса.

Однако предоставление возможностей не означает их реализацию. В связи с этим возникает вопрос: насколько полно региональные редакции владеют функционалом платформы и умеют его использовать?

Нами было выбрано десять российских региональных и городских изданий, на сайтах которых присутствуют материалы, сверстанные с помощью сервиса Tilda. При отборе учитывались следующие критерии: региональность (не Москва и Санкт-Петербург) и независимость (т. е. в выборку попали медиа, не являющиеся агентами федеральной сети СМИ). Мы хотели показать, что относительно небольшие бюджеты сегодня не являются проблемой при создании привлекательного контента (табл. 1).

¹ По данным на 26.09.2016.

² По данным на 26.09.2016.

В табл. 1 представлены выбранные нами издания, соответствующие названия разделов сайтов с лонгридами и количество проанализированных материалов.

Таблица 1

Использование платформы Tilda региональными и городскими изданиями³

Ресурс	Название раздела	Количество лонгридов
mkset.ru ¹	«Лонгриды»	13
e1.ru ²	«Новости»	3
altapress.ru ³	«Лонгриды»	18
vs Luh.ru ⁴	То же	12
newsnn.ru ⁵	«Аналитика»	14
rostovgazeta.ru ⁶	То же	3
newstracker.ru ⁷	»	6
gorodche.ru ⁸	«Спецпроекты»	5
amic.ru ⁹	То же	16
itsmycity.ru ¹⁰	Специальный проект «Дело не в деньгах»	10

Примечание. Здесь и в табл. 2: ¹mkset.ru — сайт информационного агентства МедиаКорСеть (Уфа); ²«E1.RU Екатеринбург Онлайн» — сетевое издание Екатеринбурга; ³altapress.ru — сайт ИД «Алтапресс» (новости Барнаула и Алтайского края); ⁴vs Luh.ru — сайт тюменской интернет-газеты «Вслух.ру»; ⁵NEWSNN.RU — сайт информационного агентства «НьюсНН» (Нижний Новгород); ⁶rostovgazeta.ru — сайт информационного агентства RostovGazeta (Ростов Газета, Ростов-на-Дону); ⁷newstracker.ru — сайт информационного агентства NewsTracker (НьюсТрэкер, Ставрополь); ⁸GORODCHE.RU — современный городской портал Череповца; ⁹amic.ru — сайт информационного агентства Амител (Барнаул); ¹⁰It's My City («Это мой город») — сетевое издание (Екатеринбург).

Отметим, что на всех ресурсах, кроме vs Luh.ru, нами были проанализированы все присутствующие в разделе лонгриды. Сайт vs Luh.ru включает более ста таких проектов, и здесь для анализа были выбраны первые 12 материалов (самые новые в хронологическом порядке). Всего проанализировано 100 материалов.

Все публикации строятся по принципу чередования текстовых блоков и изображений в разных последовательностях. Все издания, кроме newsnn.ru, rostovgazeta.ru и newstracker.ru, используют галереи — на Tilda эта функция реализуется с помощью блоков, позволяющих включить несколько изображений одновременно, по которым пользователь может перемещаться с помощью навигации. Семь из десяти изданий использовали графику и инфографику. Вставка видео с хостингов YouTube или Vimeo в соответствующих блоках реализована

³ По данным на 02.10.2016.

в 30 проектах. Размещение аудиофайлов через онлайн-платформу SoundCloud было отмечено в двух проектах.

Что касается интерактивности, здесь следует подробно остановиться на барнаульских ресурсах altapress.ru и amic.ru, так как в их проектах мы обнаружили максимальное количество всевозможных интерактивных элементов, предполагающих определенный отклик на действия пользователя. Лишь эти два издания использовали блоки с отметками о местоположении на картах — всего 9 лонгридов. В частности, в трех из них блоки с картами созданы с помощью приложения StoryMapJS [14] и вставлены через HTML-код. Данное приложение позволяет не просто отметить точку на карте, но и привязать к ней изображение/видео, небольшое описание и составить маршрут, по которому читатель может перемещаться. Отметим, что карты также могли быть уместны, однако в проекте e1.ru «Элитные советские парадные» не используются [11], так как в нем указаны конкретные адреса.

Altapress.ru размещает в проекте «Какой была торговля на Алтае в Советском Союзе» [2] инфографику, созданную с помощью приложения Infogr.am. При наведении на ее столбцы отображаются дополнительные данные, а сам блок содержит две инфографики с различными данными на одну тему, между которыми можно перемещаться с помощью переключателя. В трех проектах издание использует интерактивные фотографии: изображения со специальными метками, при наведении на которые появляется небольшое текстовое сообщение. В проекты «Ставка на качество. “Домстрой-Барнаул” не изменяет славным традициям» [10] и «Мой квартал — моя крепость. “Алгоритм” — оптимальное решение квартирного вопроса» [5] включены панорамы, созданные с помощью приложения DMD Panorama.

Amic.ru в лонгридах использует тесты и мини-игры, вставленные с помощью HTML-кода. Кроме того, в проекте «“Этот день мы приближали...” Как Алтай ковал победу в тылу и на фронтах?» [12] есть интерактивный блок, созданный с помощью приложения Timeline JS [15]. Он представляет собой линейку с отмеченными на ней историческими фактами и привязкой фотографий к каждому из фактов, по которым пользователь перемещается с помощью навигации.

В вопросе анализа типографики мы будем опираться на статьи Н. В. Обухова, опубликованные в разделе «Tilda Education» [6, 7]. Учитывая, что сама платформа исключает большое количество шрифтов, можно сформулировать основные ошибки верстки лонгрида, которые делают текст неудобочитаемым: неуместно большой или слишком мелкий текст, черный текст на темном фоне, слишком яркое изображение или цвет фона для текста, слишком маленькие или слишком большие расстояния между текстовыми блоками и изображениями. Из десяти выбранных нами изданий эти ошибки так или иначе допускают шесть.

Кнопки «поделиться в социальных сетях» используют 8 из 10 изданий (в 63 из 100 проанализированных лонгридов). Как правило, это возможность поделиться в «Facebook» и «ВКонтакте», иногда в «Твиттере». Издание [newstracker](http://newstracker.ru).

ги также дает возможность рассказать о материале в социальных сетях «Одноклассники» и «Google+». Самое большое количество — более 20 всевозможных соцсетей и сервисов, кроме пяти вышеназванных, — встречается на сайте altapress.ru. Здесь эта функция реализована с помощью сервиса Uptolike.ru.

Возможность комментирования используют лишь три из десяти изданий: 15 проектов из 100, причем 10 из них — на ресурсе itsmucity.ru.

Из ста проанализированных лонгридов проблемы с отображением на мобильном устройстве с разрешением 720 пикселей по ширине были обнаружены у 49. Некорректное отображение страниц встречается у всех изданий, а на сайтах gorodche.ru, e1.ru, itsmucity.ru и newsnn.ru присутствует во всех проанализированных лонгридах. Можно выделить следующие основные ошибки в адаптации лонгридов для мобильных устройств: блоки с фотографиями или текстом некорректно выравниваются по ширине, это приводит к тому, что текст на фоне изображений становится неудобочитаемым или перенос слов на новую строку — некорректным; слишком мелкий текст, слишком крупный текст или обе эти проблемы в сочетании, а также слишком большие расстояния между блоками приводят к тому, что теряется целостность восприятия материала; блоки, где видео использовано в качестве фона, а не как самостоятельный элемент, не позволяют его воспроизводить на мобильных устройствах — об этой особенности говорят и в технической поддержке сервиса⁴, — в результате теряется часть контента, а текст отображается на белом или черном фоне.

Таким образом, в результате проведенного нами исследования выявлено, что причиной выбора платформы Tilda для создания лонгридов являются ее функциональность, соответствие возможностей актуальным тенденциям верстки веб-сайтов, широкий выбор средств для интеграции мультимедийного контента и одновременно простота и невысокая стоимость использования. Однако несмотря на перечисленные выше достоинства, российские региональные издания далеко не всегда оказываются в состоянии грамотно применять предоставляемые платформой возможности. В частности, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

- большинство лонгридов отвечают требованию мультимедийности и включают в себя не только текст и соответствующие ему иллюстрации, но и видео, графику и инфографику, значительно реже — аудиофайлы;
- интерактивными можно считать лишь лонгриды барнаульских изданий altapress.ru и amic.ru;
- большинство ресурсов допускают ошибки в оформлении текста, что говорит о недостаточном знании правил типографики;
- показатели по использованию функции «поделиться в социальных сетях» говорят о том, что большинство изданий понимают ее значимость для продвижения проекта;

⁴ Автор лично обращался в техподдержку Tilda.

- количество проектов с возможностью комментирования показывает, что далеко не все издания считают возможность обратной связи существенной для популяризации своих проектов;

- функционал отзывчивого дизайна платформы применяется недостаточно широко.

Результаты исследования можно представить в виде таблицы, где значение «+» говорит о присутствии критерия в большинстве проанализированных проектов издания, значение «+/-» — о частичном присутствии критерия, значение «-» — о полном отсутствии критерия во всех проанализированных проектах (табл. 2).

Таблица 2

Использование возможностей платформы Tilda в издательских проектах

Ресурс	Мультимедийность	Интерактивность	Грамотная типографика	Комментарии и кнопки «поделиться»	Адаптивный дизайн
mkset.ru	–	–	–	+/-	+/-
newsnn.ru	–	–	–	–	–
rostovgazeta.ru	+	–	+	+	+/-
newstracker.ru	+	–	+	+	+/-
itsmycity.ru	+	–	–	+	–
vsluh.ru	+/-	–	–	+	+/-
gorodche.ru	–	–	–	–	–
altapress.ru	+	+	+	+	+/-
amic.ru	+	+	–	+	+/-
e1.ru	+	–	+	+	–

Из табл. 2 видно, что наиболее удачными примерами региональных изданий, использующих платформу Tilda для верстки лонгридов, являются altapress.ru, amic.ru, rostovgazeta.ru и newstracker.ru. Значительно менее активно используют ее возможности — newsnn.ru, gorodche.ru и mkset.ru.

Результаты данного исследования могут быть полезны сотрудникам региональных и федеральных изданий, а также творческим и коммерческим объединениям для создания мультимедийных проектов на платформе Tilda.

1. Золотухин А., Мажарина Ю. Лонгрид, сноуфолл, мультимедийная история — как новые вершины журнализма? // Вестн. ВГУ. Сер. : Филология, журналистика. 2015. № 2.

2. Какой была торговля на Алтае в Советском Союзе [Электронный ресурс] // Altapress.ru. URL: <http://long.altapress.ru/ussrtrade/> (дата обращения: 16.10.2016).

3. Колесниченко А. Лонгрид как жанр журналистских материалов [Электронный ресурс] // Медиаскоп. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1691> (дата обращения: 16.10.2016).
4. Кульчитская Д., Галустян А. Лонгриды в онлайн-СМИ: характеристика особенностей и технология создания. М., 2016.
5. Мой квартал — моя крепость. «Алгоритм» — оптимальное решение квартирного вопроса [Электронный ресурс] // Altapress.ru. URL: <http://long.altapress.ru/gorod-iz-okna/algorithm/1/> (дата обращения: 16.10.2016).
6. Обухов Н. В. Как выбрать правильный шрифт для сайта и статьи [Электронный ресурс] // Tilda Education. URL: <http://tilda.education/articles-fonts> (дата обращения: 23.10.2016).
7. Обухов Н. В. Частые ошибки дизайна веб-страницы [Электронный ресурс] // Tilda Education. URL: <http://tilda.education/design-mistakes> (дата обращения: 23.10.2016).
8. Романов А. 9 основных принципов отзывчивого веб-дизайна [Электронный ресурс] // Хабрахабр. URL: <https://habrahabr.ru/post/243247> (дата обращения: 16.10.2016).
9. Сайты для мобильных устройств [Электронный ресурс] // Яндекс.Помощь. URL: <https://yandex.ru/support/webmaster/recommendations/mobile-site.xml> (дата обращения: 16.10.2016).
10. Ставка на качество. «Домстрой-Барнаул» не изменяет славным традициям [Электронный ресурс] // Altapress.ru. URL: <http://long.altapress.ru/gorod-iz-okna/domstroy/index/> (дата обращения: 16.10.2016).
11. Элитные советские парадные [Электронный ресурс] // E1.RU. URL: <http://www.e1.ru/longread/luxfront> (дата обращения: 16.10.2016).
12. «Этот день мы приближали...» Как Алтай ковал победу в тылу и на фронтах? [Электронный ресурс] // Амител. URL: <http://www.amic.ru/project/all/May-9/index.html> (дата обращения: 16.10.2016).
13. Smith C. Colin's 10 Principles for Better Type Design [Electronic resource] // PhotoshopCAFE. URL: <http://photoshopcafe.com/tutorials/typography/typography-tips.htm> (accessed: 23.10.2016).
14. StoryMapJS [Electronic resource]. URL: <https://storymap.knightlab.com> (accessed: 16.10.2016).
15. TimelineJS [Electronic resource]. URL: <http://timeline.knightlab.com/> (accessed: 16.10.2016).
16. Worldwide Device Shipments to Grow 1.9 Percent in 2016, While End-User Spending to Decline for the First Time [Electronic resource] // Gartner. URL: <http://www.gartner.com/newsroom/id/3187134> (accessed: 16.10.2016).

Статья поступила в редакцию 07.12.2016 г.

МНЕНИЕРОДНЫЕ ПОТЕНЦИИ КОММУНИКАЦИИ

В статье дается анализ факта и комментария в коммуникации как разных способов отражения действительности. Взаимоотношение факта и мнения, составляющего основу комментария, имеет несколько срезов, начиная с выбора фактов, выстраивания их в логическую, непротиворечивую цепочку, чтобы комментатор мог представить свою картину произошедшего. В определенной мере такой же путь проходит и потребитель информации: у него есть возможность узнать о факте из новостей, выйти на другие источники для обогащения фактологической картины, обратиться к одному комментарию или сравнить комментарии из разных источников. Мнения комментатора и аудитории существуют как некая оценочная аура, возникающая на основе оперирования фактами. Соотношение их количества и качества сегодня является признаком качества журналистики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: факт; комментарий; мнение; отбор фактов коммуникатором; выбор источников аудиторией; теория когнитивного диссонанса; исследования общественного мнения

...[Кутузов] знал, как способны люди, желающие чего-нибудь, группировать все известия так, что они как будто подтверждают желаемое, и знал, как в этом случае охотно упускают все противоречащее.

Л. Н. Толстой

История рефлексии общества по поводу самого себя (поиск ответов на вопросы «кто мы?», «какие мы?», версий и мнений по этому поводу) началась довольно давно. Такая надстроечная по отношению к фактологической картине мира функция коммуникации появилась не сразу. Начинать, по-видимому, надо с периода, когда единственным способом как-то ответить на эти вопросы были изображения. И до сегодняшнего дня идут споры о том, считать ли наскальные рисунки искусством или это неправомерный перенос наших представлений об искусстве на тот феномен, который мог иметь совсем другие функции. Но в любом случае отметим, что в том древнем способе отражения действительности преобладало «подражание натуре», когда автор действовал по образцу природы [1, 56].

Здесь предметность изображаемого создавала подобие живых существ, природы в их телесности, объектности, объективности, это было воплощением видимого. Н. Дмитриева отмечает, что именно таким образом эти рисунки служили познавательным и коммуникативным целям. И если пойти дальше за искусствоведами

ФЕДОТОВА Лариса Николаевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Московского государственного университета, профессор кафедры теории и истории журналистики филологического факультета Российского университета дружбы народов, г. Москва (e-mail: Fedotova117437@mail.ru).

© Федотова Л. Н., 2017

по этому пути, мы должны будем отдать должное тому моральному «посылу» живописи (мнениеродному, как бы сказали мы), который возник позднее. Так, Дж. Ломаццо в своем «Трактате об искусстве живописи» (1584) писал, что «...древние римляне в подражание грекам создавали свои эмблемы из фигур людей и животных и имели обычай помещать их в частных и общественных зданиях; в них были заключены могущественные стимулы, способные побуждать сердца к великодушным и смелым поступкам» [2, 276]. Пример, подходящий данному случаю, можно найти в одной из рецензий на выставку нидерландской живописи: «Мы простодушно любовались пейзажами, натюрмортами, жанровыми сценками малых голландцев и фламандцев маньеризма и барокко и даже не подозревали о том, что в самом крошечном натюрмортике с устрицами и лимоном заключена великая мудрость: эмблематическое послание о бренности бытия, смирении страстей и стоическом терпении. Гражданам XVII столетия эта мудрость была хорошо понятна. Целью организаторов выставки было пробудить спящую в сознании людей XXI века нидерландскую живопись от летаргического сна, заставить ее *поучать, нравоучать, глаголить...* (курсив мой. — Л. Ф.)» [5]. И если следовать по этому пути дальше, мы должны будем вспомнить импрессионизм (в буквальном смысле *впечатление*) или *исчезающую реальность* абстракционизма.

Но именно порождение *слова, речи* стало принципиально другим способом отражения действительности. Именно слова могли с величайшей тонкостью передавать впечатления от вещей, результаты их переработки в сознании. Как пишет Н. Дмитриева, слово само по себе есть мысль, оно освещает лучом интеллекта смутные глубины переживаний, стремлений, ощущений [1, 19]. В этом его природа: оно не может быть точным эквивалентом предмета, но оно может быть — и таковым является! — единственно точным эквивалентом наших мыслей и эмоций. Связь эмоций с мыслью становится художественным принципом в литературе. Действительно, с наступлением эры литературы сущностные признаки слова, речи стали эксплуатироваться писателями. Эта функция слова стала здесь доминировать, она — в интеллектуальном раскрытии человеческого эмоционального *отношения* к окружающему миру, всех сложнейших граней этого отношения. Появился принципиально новый эквивалент всех вещей — человеческие мысли и выражаемые ими переживания по поводу этих вещей. Нет ни одного явления, ни одного предмета, которые бы не могли не отразиться в этом универсальном зеркале. По словам Н. Дмитриевой, «...с наступлением эры капитализма мир стал так сложен, динамичен и драматичен, общественная жизнь так полна противоречий, психология индивидуума тоже столь сложна и противоречива, что только такое искусство, как литература, могло принять на себя миссию ведущего искусства эпохи, самого всеобъемлющего ее зеркала, и, по словам Чернышевского, “приговора над жизнью”» [Там же, 46].

Но мы-то хотели бы вернуться к универсальной характеристике *слова*, которую так хорошо и тонко проинтерпретировал исследователь — с привязкой к литературе. И тогда мы должны будем обратиться к еще одной сфере, пользующейся *словом* как своим инструментом. Это журналистика. Журналистика как профессиональная сфера возникла в XVII в., когда во многих странах стали появляться

газеты. И с самого начала они несли два принципиально разных взгляда на мир (пока проигнорируем смежные форматы): в основе первого была *фактография*, характерная для оперативных, репортажных, новостных жанров, в основе второго — *мнениеродное* творчество журналистов, где основную ценность материалу придает как раз мнение журналиста, оценки им происходящего, его анализ. Появились и по сей день благополучно существуют рубрики колумнистов в газетах, форматы «особого мнения» на радио, ток-шоу на телевидении, где высказывание мнения является самоценным. Прибавим письма, а сейчас и звонки на передачи, являющиеся *откликом* на происходящее, а значит, выражением чувств, оценки, мнения, сюда же можно отнести всю блогосферу. Последние примеры как нельзя лучше говорят о том, что вышеприведенные рассуждения характеризуют *слово* и в его повседневном бытовании.

Но развести факты и мнения не так просто, как кажется. В журналистской деятельности по производству информации вроде бы четко разделяются собственно факт и его комментарий. Профессиональной нормой считается закрепление этих разных подходов к описанию действительности в жанрах — новостях и аналитических статьях. Обратимся к конкретному случаю. Когда после появления журналистского материала *его герой*, недовольный оценками журналиста, захотел опротестовать ситуацию в судах («я такой?», «я совершил нечто?» или «вы считаете меня таким?»), появилась необходимость в определении различий между констатациями факта, утверждениями на этот счет автора и тем, что думает по этому поводу обороняющаяся сторона.

Приведем фрагмент статьи А. Рихтера [4, 22–34], посвященной тому, как разграничивают факт и мнение журналистов суды на Западе. В судебных разбирательствах, связанных с изложением в прессе фактов, главным является правдивость этих фактов. На основе прецедентного решения Верховного суда США удалось определить ту грань, которая позволяет с большой, хотя пусть и не стопроцентной ясностью отделить факт от мнения. Это решение было принято судьей Пауэллом по делу Герца.

В процессе были определены четыре основных отличия факта от мнения. Первый критерий *языковой*: используется ли в журналистском материале точный язык либо туманные выражения и напыщенный слог? Если в статье употребляются точные выражения, говорится о конкретных вещах, то можно утверждать, что статья содержит факты. Если же автор применяет напыщенный язык или туманные выражения, то, как правило, он выражает свое мнение.

Второй критерий — *проверяемость*. Если можно проверить, соответствует ли факт истине или нет, ложен или верен, то мнение можно характеризовать по принципу «справедливое» или «несправедливое». И не суд должен решать, насколько то или иное мнение справедливо.

Третий критерий — это *контекст*. Если статья помещена на странице новостей, то, скорее всего, в ней должны быть изложены факты, а если на странице с комментариями, скажем, на странице, где публикуют книжное обозрение, ресторанный рейтинг, театральное обозрение и т. п., то читатель и будет, вероятнее всего, воспринимать статью как мнение.

Четвертый критерий также имеет отношение к языку, он связан с употреблением *художественно-выразительных средств*. Здесь суд должен поставить вопрос: ясно ли читателю, что в материале использованы такие фигуры речи, как метафоры, гиперболы и другие формы, присущие именно выражению мнения, а не фактографии?

Если в статье сказано, что г-н N изнасиловал девушку, то речь, видимо, идет о факте, а если написано, что он изнасиловал землю-мать, то, естественно, это — гипербола, ни о каком факте здесь не говорится и этот журналистский материал должен квалифицироваться как выражение мнения.

Позднее был добавлен пятый критерий: если в журналистском материале наличествуют *политические обвинения* (типа «фашист», «Аль Капоне», «мафиози», «шарлатан», «бездарный политик» и т. п.), то в любом случае это будет выражение мнения. Но даже мнение должно быть основано на достоверных фактах, а не на слухах или фантастических умозаклчениях журналиста. Достоверность является в принципе важным элементом в западной журналистике, а нейтральность репортажа служит надежной защитой в тех случаях, когда истец пытается опровергнуть достоверность того или иного материала.

Судья Пауэлл сказал тогда еще одну важную вещь: не существует понятия *ложная идея*, и это выражение стало использоваться во всех последующих судах, когда речь заходила о факте и мнении. Сколь бы вздорным ни казалось мнение, не дело суда поправлять это мнение. Оно может быть оспорено лишь в конкуренции с другими мнениями. То есть здесь подчеркивается, что для демократического общества необходим *рынок идей*, на этом рынке идей, мнений должна существовать конкуренция, эту конкуренцию нельзя ограничивать. И в этом ценность демократии.

Но как мы видим, то, что позволено Юпитеру, не всегда позволено журналисту — и ему прямая дорога в суд...

Характерный пример связан с иском, по которому в начале 90-х гг. XX в. в США публично были обвинены ученые, работавшие в ряде химических компаний. Специалисты утверждали, что создаваемые в этих компаниях химикаты являются безвредными для людей. Но ученые были обвинены борцами за охрану окружающей среды в том, что они высказывают такое мнение только потому, что получают деньги от этих химических компаний. Газета «Нью-Йорк Таймс» опубликовала большой материал об этом конфликте, журналисты также взяли интервью у специалистов, которые были обвинены экологами, и, наконец, был опубликован краткий комментарий научного обозревателя газеты. Несмотря на кажущийся баланс, ученые, обвиненные в том, что «лгут за деньги», подали иск против «Нью-Йорк Таймс». И тогда впервые возник критерий «нейтральность репортажа». На стадии апелляции судья отклонил иск, основываясь на том, что при написании статьи журналисты не высказывали собственную точку зрения, не проводили собственного исследования и не становились на чью-либо сторону. Как видим, правдивость фактов и достоверность мнений являются не столь уж эфемерными понятиями.

В начале 2005 г. российская газета «Известия» анонсировала новую для себя практику и обещала отныне «мнения отделять от новостей» [3]. Как говорится

в этом анонсе, смысл нововведения заключается в том, что при освещении событий известинцы будут стремиться к максимальной объективности и беспристрастности, одновременно удовлетворяя потребность аудитории в комментариях данных событий. При этом газета ссылается на мировой опыт разделения в ведущих качественных изданиях именно на уровне рубричной маркировки таких разделов и утверждает, что «Известия» станут *первым* отечественным брендом, принимающим на вооружение этот опыт.

По-видимому, не все российские газеты согласятся с этими претензиями. Назвать разделы — это еще не значит обеспечить качество «начинки» этих разделов. Выше мы показали, что нормы называния тех или иных сообщений «новостью» или «мнением» достаточно суровы. Сами известинцы ставят весьма высокую планку для собственных редакционных комментариев или «оценки от “Известий”» на странице мнений: «С каких позиций будут даваться оценки? С позиций представлений о том, что процветающим может быть только такое общество, где гражданам обеспечена свобода слова, мысли, совести... Мы декларируем, что “Известия” независимы в своих взглядах от властных структур, политических партий, акционеров и рекламодателей. Мы не состоим на службе у или в оппозиции к власти или любой политической партии, но противостоям коррупции, дезинформации, экстремизму, расовой или национальной розни, экономической и политической некомпетентности на всех уровнях... При этом редакционные статьи не являются директивой для тех, кто собирает для вас информацию и кто превыше всего руководствуется профессиональным долгом своевременно и объективно информировать о событиях дня независимо от того, как они сами относятся к происходящему.

Редакционные оценки не исключают, а предполагают появление на наших страницах мнений, им противоречащих. Плюрализм тоже относится к числу основополагающих ценностей “Известий”» [3].

Время прошло — у читателей была возможность убедиться, в какой мере эти декларации подтвердились на практике.

Но и сами факты оставляют возможность быть *разными*.

Чтобы продемонстрировать это, обратимся к классике. В 70-х гг. прошлого века на наши экраны вышел фильм Акиры Куросавы «Расемон» по роману Акутагавы Рюноскэ (1950). Действие происходит в Древней Японии. В лесу изнасилована женщина, а ее муж убит. Есть четыре точки зрения — по числу свидетелей. Надо ли говорить, что у каждого из четырех свидетелей своя версия и каждая претендует на то, чтобы быть наиболее правдивой. Собственно, фильм и состоит из этих четырех версий. Но вопрос остается: какая же из них является истинной?

Остается проблема *выбора*. Чей это будет выбор?

Случай, когда принимает решение судья, мы уже рассмотрели (это может быть и всемирно известный сыщик типа Эркюля Пуаро, который всегда проверяет версии на истинность и выносит свой вердикт).

Но нам-то интересен субъект *воспринимающий*, участник этой коммуникативной цепи на другом ее конце. Он находится в плену фактов СМИ и каждый день так или иначе *принимает решение*: какой единичный факт можно считать

истинным. Суммируя ежедневный поток фактов, он формирует собственное *мнение*: доверять или не доверять политическому лидеру, журналистам или в целом информационному каналу. И хотя сегодня демократическая пресса декларирует стремление к беспристрастному освещению всех политических точек зрения, всех важных фактов в новостях, зачастую у аудитории существует мнение, что на самом деле, в реальности, это далеко не так.

Опрос, проведенный Левада-Центром, показал, какое мнение имеют россияне на этот счет [6]. Ответы на вопрос «Случается ли, что при просмотре телепередач, прослушивании радио, чтении газет у вас складывается впечатление, что вам что-то недоговаривают, не дают полной информации о происходящем?» распределились следующим образом (данные на октябрь 2016 г.), % ко всем опрошенным:

- очень часто — 11,
- довольно часто — 36,
- довольно редко — 28,
- очень редко — 15,
- затруднились ответить — 10.

Обратимся к недавним событиям. Так, 2017 г. привнес сюжет, над которым немало потешались в прессе (как в западной, так и российской). Появился даже термин, которым раньше не пользовались, — *альтернативные факты*. 21 января 2017 г. пресс-секретарь новоизбранного президента США Дональда Трампа Шон Спайсер впервые встретился с журналистами в Белом доме и сразу же отчитал их [7]: СМИ досталось за якобы неверное освещение инаугурации. Спайсер заявил, что состоявшаяся процедура оказалась самой популярной из всех предшествующих инаугураций, хотя в действительности на телевизионной картинке у Капитолия были видны пустые места. По словам пресс-секретаря, эти фотографии искажают действительность: так получилось из-за того, что на газон впервые постелили белое покрытие. Спайсер отметил также, что транспортом в Вашингтоне в день инаугурации воспользовалось больше людей, чем при инаугурации Обамы в 2013-м (данные о загруженности транспорта используют как одну из оценок популярности процедуры). Но пресса сразу же обратила внимание на то, что фотографии с инаугурации Барака Обамы в 2013 г. показывают, что белое покрытие на газонах уже тогда применялось. Данные о загруженности транспорта в Вашингтоне, которые привел Спайсер, также не соответствуют действительности: как подсчитала газета The Washington Post, в день инаугурации в 2013 г. было совершено 783 тыс. поездок, а четыре года спустя — 571 тыс.

Пресса не преминула назвать слова Спайсера ложью. За пресс-секретаря вступилась советник Трампа Келлиэнн Конуэй, одна из немногих женщин в его команде. Конуэй утром 22 января отвечала на вопросы ведущего программы NBC Meet The Press Чака Тодда. Когда Тодд спросил у нее, как же так вышло, что пресс-секретарь действующего президента в свой первый выход к прессе сообщает ложные данные, советник Трампа сказала: «Не драматизируй это так, Чак. Ты называешь это ложными утверждениями, но то, что сказал Шон [Спайсер], — это альтернативные факты». Телеведущий ответил, что «альтернативные факты» — это не факты, а ложь.

Сразу скажем, что проблема не нова — новость лишь в том, что подсчитывать число присутствующих взялись сами журналисты. В нашей стране таких ситуаций было множество, но всегда СМИ указывали источник — *кто* подсчитывал... Количественный мониторинг участников таких событий очень важен в современной структуре общественных отношений. Иногда на этой почве разгораются нешуточные страсти. Как правило, властные структуры склонны завышать размеры провластных акций и занижать размеры антивластных акций (вспомним ситуацию на площади Тахрир в Египте), и наоборот. Значит, потребителю остается выбор: верить или не верить тому или иному источнику. Факт перешел в разряд мнения, отношения.

Итак, мы можем определить *первый срез* проблемы порождения мнения у потребителя информации в коммуникативном процессе: наличие того или иного факта в контенте информационного канала. Потребитель может поверить или не поверить этому факту, в особенности если для самого потребителя доступна информация из другого источника (известны случаи, когда в ситуации войны правительства стран изымали у населения радиоприемники с широким диапазоном приема), но недаром в теории коммуникации есть понятие *чистого листа*: наш факт будет восприниматься как правдивый, если он будет *первым*.

Второй срез — потребитель получает факты из разных информационных источников; в этом случае рождается мнение не только по поводу самого факта, но и по поводу деятельности конкретных информационных каналов или конкретных журналистов.

Так, политологи, подытоживая результаты информационного обеспечения в 2016 г. предвыборной президентской гонки в США, утверждают, что три из четырех общенациональных телевизионных каналов (ABC, CBS, NBC) осуществляли поддержку Х. Клинтон и только один канал — Fox News был явно протрамповским. Эти факты комментировались ими как несомненно повлиявшие на исход выборов, на укрепление социальной платформы Х. Клинтон, получившей в ходе выборов на 1,9 млн голосов больше, чем Трамп.

Справедливости ради скажем (и это тоже следует из теории коммуникации), что потребитель редко *сличает* информационные каналы. В частности, теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера базируется на обобщении наблюдений за поведением индивида: автор утверждает, что человек стремится к установлению внутренней гармонии между своими мнениями, взглядами, знаниями, оценками и поведением. Существует согласованность между тем, что человек знает, чему он верит и тем, что он делает. Интересна аргументация автора, которая важна и для нас в данном случае: чтобы избежать диссонанса, люди стремятся изменить либо оценку услышанного ими мнения, либо оценку источника информации в том направлении, которое уменьшило бы диссонанс. При этом автор ссылается на исследования Купера и Ягоды, которые констатировали, что испытуемые предпочитают не сталкиваться лицом к лицу с идеями, противоречащими их собственным, чтобы им не пришлось ни защищаться, ни признавать ошибку: проблемы, освещенные в рамках противоположной для потребителя концепции, подвергаются преобразованию с тем, чтобы оказаться совместимыми с представлениями

этого потребителя. Совершенно не осознавая совершаемого им искажения фактов, субъект наделяет полученную информацию «чертами» собственной точки зрения. Как утверждает Фестингер, человеку свойственно вести поиски информации, уменьшающей диссонанс, и избегать сведений, его увеличивающих.

В случае если человек невольно сталкивается с информацией, способной увеличить диссонанс, в дополнение к обычным способам уменьшения диссонанса в его психике стремительно активизируются защитные механизмы, не позволяющие новому знанию упрочить свои позиции в когнитивной системе. Люди склонны осознавать и интерпретировать информацию, соответствующую уже существующим убеждениям.

Важно при этом иметь в виду, что если предметом суждения являются факты объективной реальности, диссонанс, порожденный открытым выражением несогласия, будет небольшим. Если человек придерживается широко распространенных взглядов, то диссонанс, вызванный выражением несогласия, также будет небольшим. Как только человеку становится известно, что кто-то еще независимо от него придерживается определенного убеждения, возрастает количество когнитивных элементов, совпадающих с этим убеждением (вспомним хорошо известную гипотезу Ноэль-Нойман). Чем более значима проблема для отдельного человека или целой группы, тем важнее будут когнитивные элементы, свидетельствующие о существовании иных взглядов на эту проблему, и тем больше будет диссонанс, вызванный выражением несогласия. Социальная поддержка позволяет принять новое мнение, убеждение, утверждение, что уменьшает диссонанс. Это познание может, например, принимать вид слуха. Существует огромное количество данных в области изучения процессов влияния и коммуникации, начиная с контактов двух людей и заканчивая влиянием массмедиа. Тот факт, что люди склонны общаться с теми, кто разделяет их взгляды, или читать газетные публикации, выражающие позиции, которых они сами придерживаются, может рассматриваться как пример редукции диссонанса и попытки избежать его увеличения.

Третий срез проблемы: в какой мере значима общая информационная инфраструктура общества? Сразу скажем, что она важна. В обострении какой-то ситуации человек прибегает и к другим источникам¹; сейчас мы знаем множество примеров, когда люди ищут альтернативную информацию в Интернете, в том числе в социальных сетях.

Мы привели пример с выводами политологов о картине, которую рисовали для американцев основные общенациональные телеканалы в ходе предвыборной борьбы Клинтон — Трамп. Политологи выступали тут в качестве экспертов, рассматривая телеканалы в их совокупности, так сказать, во времени и пространстве.

Но иногда нужны профессиональные, специализированные социологические исследования контента, чтобы за единичными случаями, мозаичной фактографией увидеть тренды, тенденции редакционной политики. Так, Крото и Хойнс

¹ См. статью автора о поведении американцев, когда они приняли радиопостановку по книге О. Уэллса «Борьба миров» за реальную высадку марсиан: Федотова Л. Н. О вкладе социологов в теорию коммуникации (по данным исследования в США в 1930-х гг.) // Меди@льманах. 2015. № 6. С. 12–20.

[8, 99], исследуя программы новостей в США, обращают наше внимание на то, что большинство СМИ декларируют свою идеологическую нейтральность, журналисты рассматривают свою позицию как неидеологическую. Поскольку в современной политической культуре *идеология* трактуется как нечто, чего надо избегать в пользу общественного консенсуса, то журналисты вынуждены придерживаться такой позиции, чтобы не упасть в глазах многочисленных зрителей и читателей. Однако, обозначая свою позицию как *нейтральную*, журналисты и ведущие программы новостей в то же время демонстрируют повышенное внимание к власти имущим, институтам и интересам истеблишмента; блоки новостей воспроизводят сложившийся социальный порядок и ценности, на которых он базируется. Концентрируясь на представителях верхов, медиа конструируют образ общества, лишённого видимого социального разнообразия. В результате этого политика предстает в виде внутреннего дела властвующей элиты. При подборе кадров обозревателей-аналитиков, экспертов также соблюдается этот принцип: статус экспертов-спикеров получают чаще всего те, кто имеет доступ к узкому кругу политиков. Поэтому в прессе и на телеканалах дискуссии ведутся фактически между представителями одних и тех же кругов, разделяющих одни и те же ценности традиционной политики и демонстрирующих публично верность этим традициям, а *чужие здесь не ходят*.

Крото и Хойнс показывают, как в 1999 г. дебаты в массмедиа относительно применения вооруженных сил США в Югославии развернулись преимущественно вокруг вопроса о том, использовать ли наземные силы или ограничиться воздушными операциями. Практически не обсуждался вопрос о самой *целесообразности* военных действий в той ситуации. Публика крайне редко имеет возможность узнать из выпусков новостей об альтернативных мнениях и оценках событий, выходящих за пределы общепринятого спектра.

Не меньшее значение имеют и экономические новости: большинство их касается в той или иной мере подробностей из жизни бизнес-сообщества. В то время как члены общества участвуют в экономической жизни в различных ролях, новости концентрируются прежде всего на действиях и интересах инвесторов и предпринимателей. Практически каждая американская газета имеет раздел, посвященный бизнесу, но там редки материалы, посвященные, например, рабочим. В результате экономические новости — это в основном бизнес-новости, ориентированные на интересы корпораций и инвесторов. Экономическое благополучие страны отождествляется с судьбами слоя инвесторов и демонстрирует идеологическую окраску. Это пример того, насколько сама практика массмедиа воспроизводит дискурсы, ориентированные на интересы верхов общества [8, 99].

Эти выводы исследователей обладают мощной доказательной базой. Многие аналитики утверждают, что в самой Америке в 2016 г. группы, в определенной мере *ущемленные* такой информационной политикой, стали ядром электората Трампа: это *люди от станка, интересы которых были за пределами актуальной политической повестки дня истеблишмента...*

То есть фактологическая составляющая массовых коммуникативных процессов стала основой формирования *мнения* и вытекающего из него *поведения*.

В данном случае мы констатируем устойчивую закономерность связи информации, доступной индивиду из наиболее распространенных в обществе информационных источников, с его поведением/мнением.

Но и в сфере профессиональной — журналистской — факты и комментарии не разделены каменной стеной. На чем строит свой комментарий современный журналист? Именно на фактах. Он может их просто *отобрать*; он может выстроить их в логическую цепочку — и вот вам причинно-следственная связь. А дальше — один шаг до ответа на вопросы *кто виноват?* и *что делать?*. И для этой сферы информационной деятельности есть подходящий термин — *качественная журналистика*.

В современных массовых информационных потоках есть область чистых мнений граждан того или иного общества. Мы говорим о результатах опросов общественного мнения, которые, начиная с 1935 г. (хотя исторически первые попытки публикаций газетами таких опросов зафиксированы еще на заре XIX в.), стали постоянным контентом сначала в газетах, а затем на радио и на телевидении. Сейчас желающие могут знакомиться с результатами опросов на сайтах профессиональных структур, которые поставляют обществу такую информацию.

Более того, по-видимому, можно утверждать, что вся эта область социально-экономической информации и существует в обществе только благодаря тому, что выявляется им или изучается. Результаты зондажей по той или иной социально-экономической проблеме часто являются единственно возможным *текстом* этой информации, если пренебречь в данном случае некоторой тавтологией этих терминов. И если мы по подшивкам старых газет сможем узнать, как у нас обстояли дела с промышленностью, с сельским хозяйством, с любой другой отраслью хозяйства во времена, отделенные от нас десятилетиями, то полностью понять духовную жизнь общества без знания о том, каково было мнение самых широких народных масс по самым различным злободневным вопросам, мы не сможем.

Сфера этих результатов сегодня практически безгранична. Дело в том, что многолетняя практика центров по изучению общественного мнения чрезвычайно расширила само понятие мнения. Исследователи имеют дело с широкой и почти неограниченной областью поведенческих фактов и собственно отношениями-мнениями. Действительно, исследователь мнений в области потребления определенного товара едва ли удовлетворится чистыми *мнениями* покупателей. Его внимание привлекает и поведение покупателей по отношению к этому товару: сам факт покупки. Исследователь отношения населения к печати в ряде случаев дополняет свой анализ установлением факта чтения (или подписки) той или иной газеты и т. д. Само понятие «мнение» стало очень многозначным². Кажется бы, достаточно принять в качестве определения отождествление этого понятия с суждением-мнением, суждением-оценкой, т. е. суждение «У меня вызывает тревогу степень распространения пьянства в нашей стране» будет мнением, а утверждение

² Т. Уайлдер в своем романе «Мартовские иды», который посвящен годам правления Цезаря, приписывает Цицерону такие слова: «Слово “мнение” надо употреблять с осторожностью. Имея доказательства, я отважусь сказать: это мне известно; имея ограниченное число доказательств, я отважусь сказать, что имею на этот счет мнение; обладая еще меньшими доказательствами, я отважусь лишь высказать предположение».

«Волга впадает в Каспийское море» таковым не будет. Но вспомним высказывания венгерского писателя Д. Микеша, который в своей книге об Англии, англичанах и их языке с юмором писал о том, что в Англии даже утверждение «мужа нет дома, он уже ушел на работу» умудряются произнести как «боюсь, что мужа нет дома, он, кажется, уже ушел на работу»³.

Но даже если оставить юмор юмористам, можно при известной доле фантазии придумать ситуацию, в которой исследователь поставит перед собой задачу выяснить, насколько общество информировано относительно того, что «Волга впадает в Каспийское море». Даже **поведение** (как индивидуальное, так и групповое поведение респондента) служит индикатором мнения. В эту область входит личный опыт опрашиваемого, его способности, уровень умственного развития, образованность, воспитание, коммуникабельность, психоневротические особенности — это все связано с индивидуальным поведением. Связи опрашиваемого с групповым поведением определяются исходя из его репутации, образования, дохода, семейного статуса, рода занятий, политических пристрастий, религиозности, хобби, членства в обществах, семиотического уровня. И все же фактологическая информация о поведении людей будет относиться к области *общественного мнения*, если эта информация получена от людей, которым свойственно подобное поведение, т. е. в отличие от других социологических процедур эта информация добывается в ходе зондирования самого общественного мнения. Можно даже утверждать, что само поведение людей предстает перед нами, так сказать, в *снятом* виде. Оно становится, по сути дела, *вербальным поведением в определенных условиях*.

Область чистых мнений составляют **отношения**: намерения респондента, заявления о том, как он намерен поступить по отношению к предмету опроса; заявления о его целях, ценностях, идеалах; планы респондента, полученные от него тем же путем; обязательства, согласие — несогласие с чем-либо, надежды; *чувства* — мнение «за» и «против», интенсивность мнения, получившая свое выражение в лексических средствах (прилагательных и т. п.), интенсивность желаний, выбор из альтернативы, удовлетворение — неудовлетворение, степень удовольствия — неудовольствия, интерес к предмету опроса, важность этого опроса для респондента, эмоциональность при выражении мнения «за» и «против», стойкость респондента при оказании на него давления с целью изменения его мнения, идентификация с проблемой опроса. Отдельно следует выделить и **знания** — так будет классифицироваться степень информированности по проблеме.

Отметим, что это лишь одна из возможных классификаций и группировок тех *объектов* изучения, с которыми имеет дело исследователь общественного мнения. Такая гибкая и оперативная социологическая методика, как опрос (зондаж), как нельзя лучше соответствует вышеприведенной информации о мнениях масс, которая носит ярко выраженные черты актуальности и злободневности.

Термин *зондаж* заимствован социологами у геологов. Подобно тому, как зондирование горных пород посредством разведывательного бурения дает возможность

³ А ведь именно в Англии родился сам термин «общественное мнение». Исследователи, специально занимающиеся этим вопросом, утверждают, что это произошло в 1159 г.

по вынутым образцам пород судить о строении горного массива, так и выборочный опрос населения позволяет *прозондировать* общественное мнение по тому или иному вопросу. И факт этого зондирования (и как результат — текст, представленный обществу) *стал практически равен самому факту существования феномена общественного мнения, понимаемого как набор всех альтернативных мнений, всех их составных частей и всех носителей этих мнений в лице социальных единиц всего универсума.*

Три кита, на которых стоит современное изучение общественного мнения: первое — это *кого спрашивать* для получения определенной информации, второе — *у какого количества людей* надо получать необходимую информацию и третье — *как их следует отбирать и как с ними надо при этом общаться.*

Мнениеродные потенции коммуникации общества сегодня ассоциируются и с понятием общественного мнения. Само оформление общественного мнения как некоей совокупности индивидуальных мнений прошло длительный путь. Поначалу индивидуального мнения как такового не существовало: сознание отдельной социальной особи было лишь слепком запретительно-разрешительной матрицы, которая диктовалась, насаждалась и контролировалась (вплоть до репрессий) единоличной властью. В этот первичный долгий период развития человечества отдельная единица общества была сколком традиций, норм, установлений этого общества как некоего монолита. Далее с появлением новых социальных институтов увеличилось число социальных субъектов, участвующих в создании картины мира; это привело к увеличению многообразия миропредставлений, и они даже вступали в противоречие с картиной мира, транслируемой властью. В ходе социальных трансформаций Нового времени (появление в XVII в. мануфактур, развитие процесса урбанизации, увеличение числа социальных ролей у отдельных индивидов, а также появление средств массовой коммуникации) индивид все больше становился частью социума, от которого многое зависит. В результате появления в обществе новых социальных структур, новых социальных слоев и, параллельно, индивидов, потенциально свободных экономически, политически, идеологически, возникло и разнообразие мнений, и заинтересованность новых структур в их изучении. Социум все больше проникался необходимостью изучать мнение людей, которое все больше становилось субъектом социальных процессов, но было и привлекательным полем воздействия — объектом для социальных институтов, заинтересованных в прагматическом его использовании. Изучение это стало практически равно самому факту существования феномена общественного мнения, понимаемого как набор всех альтернатив мнения, всех его составных частей и всех носителей этого мнения в лице социальных единиц всего универсума. Максимально *массовой* информационной площадкой для презентации результатов такого феномена сегодня являются медиа. Оттуда эти результаты перетекают в межличностную коммуникацию и в профессиональную рефлексию политологов, становясь для последних теми фактами, на базе которых они строят свои комментарии.

1. *Дмитриева Н.* Изображение и слово. М., 1962.
2. Мастера искусства об искусстве : в 7 т. М., 1969. Т. 2.
3. Мнения отделяются от новостей // Известия. 2005. 28 марта.
4. *Рихтер А.* Факт и мнение: взгляд западного правосудия // Законодательство и практика СМИ. 1998. № 9–10. С. 22–34.
5. *Хачатуров С.* Меланхолия Secunda // Время новостей. 2004. 18 февр.
6. [Электронный ресурс]. URL: http://www.levada.ru/2016/11/18/doverie-smi-i-tsenzura/?utm_source=mailpress&utm_medium=email_link&utm_content=twentyten_weekly_119854&utm_campaign=2016-11-19T13:00:07+00:00 (дата обращения: 05.10.2016).
7. [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2017/01/23/ne-vranie-a-alternativnyye-fakty> (дата обращения: 02.02.2017).
8. *Croteau D., Hoynes W.* Media and Ideology // Croteau D. (ed.) Media/Society: Industries, Images, and Audience. Pine Press, 2000. Реферативное изложение А. Тузикова см.: Контексты современности-2 : хрестоматия / сост. и ред. С. А. Ерофеев. 2-е изд., перераб. и доп. Казань, 2001.

Статья поступила в редакцию 06.03.2017 г.

УДК 070.1:81'42 + 070.1:81'38

Т. Г. Букина

ПАРАНЕЙМЫ В СОВРЕМЕННОМ ОТЕЧЕСТВЕННОМ НЕЙМИНГЕ: ОСНОВНЫЕ СПОСОБЫ СОЗДАНИЯ

Статья посвящена исследованию такого малоизученного в современной лингвистике явления, как паранейминг — использование недобросовестными производителями на современном рынке накопленной популярности чужих названий для имени своего продукта. В статье рассматриваются основные способы создания паранеймов: лексические, синтаксические, фонетические, морфологические.

К л ю ч е в ы е с л о в а: паранейминг; лексические способы; синтаксические способы; морфологические способы; фонетические способы; имитация; нейминг.

В декабре 2015 г. Росстат опубликовал ежегодный сборник «Малое и среднее предпринимательство в России». Согласно опубликованным данным, в Российской Федерации зарегистрировано 3 млн 985 тыс. 672 субъекта малого и среднего предпринимательства [7, 11]. Это огромное число фирм, каждая из которых нуждается в названии, способном привести к успеху, принести прибыль и прочно утвердиться в умах аудитории как часть качественного продукта. Многие из этих компаний, в свою очередь, производят продукцию, которой тоже нужно уникальное имя. Профессиональным маркетологам приходится приложить немало творческих усилий, чтобы создать качественное название, способное хорошо запомниться и вызвать положительные ассоциации. Такие коммерческие имена

БУКИНА Татьяна Григорьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Уральского юридического института МВД России, г. Екатеринбург (e-mail: tf30@rambler.ru).

© Букина Т. Г., 2017

уникальны, они могут рассчитывать на свою неприкосновенность и успешность среди целевой аудитории.

Однако некоторые игроки рынка игнорируют этот очень важный этап в выведении на рынок новой торговой марки. Иными словами, используют накопленную популярность чужих названий для своего продукта. В данной статье речь пойдет о таком малоизученном, но широко используемом методе создания коммерческих имен, как паранейминг.

В. С. Елистратов отмечает, что паранейминг (от греч. *para* — возле, при, вне и англ. *name* — имя) — это «нечестный», неофициальный нейминг, основная задача которого — «выйти» из правовой зоны и паразитировать на официальном нейминге» [3, 280]. Появление таких маскирующихся под другие марки продуктов может нанести фирме-оригиналу большой ущерб, как экономический, так и имиджевый.

Производители в большинстве своем прибегают к методу паранейминга для того, чтобы подстроиться под более известный товар и заработать на его известности. Однако паранейминг нельзя оценивать однозначно. Существует большой спрос на товары-имитации, и присутствие на рынке их производителей можно считать вполне естественным явлением. Стоит заметить, что имена, созданные методом паранейминга, не являются копиями чужих названий или так называемых протоимен. Производитель, который для продвижения своего товара имитирует известное имя, меняет в оригинале пару букв, переставляет слоги, добавляет второе слово, играет на созвучности названий и т. п. Главное — сохранить узнавание, прочитывание названия оригинального продукта в названии имитации. Создание подделок товаров известных брендов преследуется по закону, а имитация имен — нет. В российском законодательстве не существует статьи о том, что коммерческие имена, напоминающие или похожие на какой-либо прецедент, незаконны. А авторское право в данной ситуации не нарушается. Более того, регистрация товарного знака в одной товарной категории не исключает возможности появления двойников в другой категории. По мысли О. Б. Касплер, это не является пиратством или присвоением результатов чужой интеллектуальной собственности. Таким образом, своеобразные лазейки в законе позволяют производителям и их маркетологам паразитировать на чужой известности [4].

Отметим, что подвергнуться вирусной атаке может практически любая фирма, которая имеет устоявшиеся позиции на рынке. В современной России количество товаров-двойников является прямым показателем успешности бренда. Чем более лояльна целевая аудитория продукта, тем больше вероятность того, что он подвергнется имитации.

Преследуемых целей здесь может быть несколько: использовать накопленную другим брендом эффективность, паразитировать на информационно-имиджевом потенциале, попасть на рынок благодаря рекламному контакту бренда-оригинала или позиционировать свою торговую марку «рядом с лидером» [2]. Однако главной целью имитации имен является желание заработать. Покупатель может в спешке положить в корзину продукт, напоминающий тот, что он уже пробовал. Подделывают не только названия. Дизайн упаковки, цветовая гамма ее элементов, шрифты и рисунки могут практически повторять черты оригинального продукта,

и покупатель, не заметивший маленьких отличий, попадает на эту уловку. Именно эти неприметные детали, отличия помогают производителям имитаций избегать судебных разбирательств. Также нередка ситуация, когда покупатель ошибается по незнанию. Множество коммерческих имен постоянно на слуху у потребителей, однако человек может быть недостаточно знаком с оригиналом продукта. Таким образом, он покупает совершенно не то, думая, что берет продукт известной и проверенной марки.

Паранейминг появился в Китае, а в Россию пришел в начале 90-х гг. прошлого века, когда рынок начал насыщаться зарубежными товарами. Предшествующий этому товарный дефицит стал причиной того, что российский покупатель был недостаточно грамотен в выборе товаров, и практически любой товар с иностранным названием становился априори привлекательным. Вот как рассказывает о своем неудачном опыте приобретения магнитофона известный брендмейкер В. Н. Ляпоров: «На заре девяностых, помнится, я сам оказался жертвой такого обмана, купив в “Мелодии” на Новом Арбате свой первый двухкассетник под названием Akaiwa. Нечто среднее между двумя известными японскими марками Akai и Aiwa — показалось знакомым. Магнитофон, впрочем, прослужил всего пару месяцев: вскоре отлетела крышка, потом сломался один из двух кассетных приводов, и прибор был отправлен в бессрочную ссылку на дачу» [6].

Производители могут значительно снизить вероятность вирусных атак (появления своих двойников), зарегистрировав название своего товарного знака в Роспатенте в нескольких товарных категориях. Однако своеобразные лазейки в законе позволяют имитаторам зарабатывать.

Сегменты рынка, на которых чаще всего работает паранейминг, — продукты питания, алкоголь, бытовая химия, одежда и обувь.

Следует отметить, что бренды-имитаторы зачастую не работают дольше полутора лет. Некоторые производители, запуская продукт с неоригинальным названием, опираются на рекламу настоящего продукта и, как только она заканчивается, сворачивают производство.

Существует несколько моделей преобразования имен. Мы рассмотрим основные способы — лексический, синтаксический, фонетический, морфологический.

Лексический способ преобразования имен встречается достаточно часто. Например, название шоколада *Аленка* фабрики «Красный Октябрь» имеет несколько имитаций: *Алина*, *Олена*, *Алеша*. Условно этот прием можно назвать *лексическое созвучие*, так как имитированные имена созвучны с именем оригинала. Более того, упаковки товаров отличаются друг от друга лишь незначительными элементами. Все это и вводит потребителя в заблуждение.

Среди лексических способов можно также назвать *ассоциативную замену*. Так, название *Бабкины семечки* породило следующие паранеймы: *Дед Семён*, *Семечки от бабы Нюры*, *Баба Шура*, *Семечки от бабы Насти*, *Степановна*. Также оригинальное имя трансформируют, сохраняя стилистику: *Времонт* от *Вконтакте*, *Школьный дозор* от *Ночной дозор*.

Лексический способ создания паранеймов чаще используется с целью вызвать у потребителя «припоминание» названия товара-оригинала, замаскировавшись

под него, и таким образом оттянуть на себя часть его лояльной аудитории. Более того, данный прием позволяет придумать множество вариаций названия. Возможно, именно благодаря разнообразию паранеймов лексический способ популярен у производителей имитаций товаров.

Для создания имен-паразитов часто применяется **синтаксический** способ. Паранейм может представлять собой словосочетание или предложение. Когда в 2008 г. в силу вступили «авторские» поправки в Гражданском кодексе РФ, за известные еще с советских времен и любимые всеми названия на кондитерском рынке началась настоящая война. Практически все популярные советские бренды удалось запатентовать московскому холдингу «Объединенные кондитеры». Остальным производителям пришлось изменить названия конфет так, чтобы сохранить производство и не потерять свою потребительскую аудиторию. Например, название конфет *Белочка* неоднократно преобразовывалось в словосочетания. Вот неполный их список: *Сказочная белочка, Солнечная белочка, Белочка-затейница, Бабаевская белочка, Белочка-лакомка, Гостинчик от белочки, Белочка на сорбите, Шоколадная белочка, Сибирская белочка, Белочка лесная, Белочка в лесу, Белочка-волшебница* и т. д. Стоит отметить, что в этих случаях также наблюдается имитация фирменного стиля товаров. Упаковки всех «белочек» похожи друг на друга, и перепутать оригинал с имитацией очень легко.

На прилавках с алкогольной продукцией также можно найти паранеймы, созданные с помощью синтаксических моделей. Так, водка *Славянская* насчитывает несколько «клонов»: *Славянская душа, Славянская доля, Славянское застолье* и *Славянское золото*. Все эти паранеймы образованы с помощью добавления существительного.

Актуальна модель, при которой паранейм создается с помощью конкретизации места производства. Таким образом появилась водка *Узбекский стандарт*, имитация водки *Русский стандарт*.

И все же в большинстве своем синтаксический способ используется производителями на кондитерском рынке. К синтаксическим способам прибегают в том случае, если хотят избежать различных выплат: от покупки лицензии до компенсаций, которые хозяин бренда-оригинала может запросить при копировании имени его товара.

Названия, преобразованные с помощью синтаксического способа, имеют на рынке успех. Покупатели зачастую не замечают, что к слову в старом названии, как кажется, давно знакомых конфет добавлено еще одно или несколько слов. А отсутствие различий в рецептуре обеспечивает производителям-имитаторам стабильную прибыль и наличие лояльной аудитории. Сохранена узнаваемость старого нейма, а вместе с ней — доверие аудитории.

Однако если вкус конфет изменился, потребитель будет рассматривать этикетку более внимательно и обнаружит замену любимого продукта.

Фонетический способ создания паранейма строится на имитации звуков в названии оригинального продукта. Происходит замена, усечение или добавление звуков, которые позволяют избежать полного копирования протоимени, сохранив при этом его звучание или напоминая о нем.

В первую очередь выделим приемы *фонетического созвучия* и *графической близости* имитации и оригинала. К этим приемам часто обращаются китайские производители — имитаторы спортивных брендов. Достаточно вспомнить многочисленные «перепевки» названия *Adidas: Adidos, Adadis, Abibas, Adimas, Adasdas, Adinai, Kanidas, Adiclas, Didibao* и т. д.

Имя-имитация настолько близко по звучанию к имени-оригиналу, что потребитель с большой вероятностью ошибется при покупке. Примером фонетического созвучия могут послужить такие имитации, как *Levins* — имитация известного бренда одежды *Levis*, *Livea* — марки *Nivea*, *Roxana* — марки *Rexona*.

Прием графической близости достаточно часто используется на продуктовом рынке, например, у снеков и шоколада: *Alter Gold* от *Alpen Gold* и *Country* от *Bounty*. Этот прием достаточно удобно применять для имен-аббревиатур или коротких слов. Подмена букв в них практически не заметна. Так, у сока *J7* появилось несколько имитаций: *J8, 7Я, G8*. Конфеты *M&M's* превратились в *S&M's*. Появились заведения быстрого питания с названиями *KFG, OFG, OFC* — от названия сети ресторанов быстрого питания *KFC*.

Часто можно встретить такой фонетический способ преобразования нейма, как *транслитерация*. Весьма удачными оказались российские имитации газированного напитка *Coca-Cola* — *Кола* и *Бела-Кола*, созвучные с именем оригинального товара и приятные на слух. Также звучание названия газированной воды *Schweppes* полностью повторяется в звучании российской *Швенес*. Часто транслитерация применяется совместно с усечением или добавлением части оригинального названия. Так были созданы паранеймы *Корона* — имитация пива *Corona Extra* и *Сильвер Чипс* — имитация чипсов *Mega Chips*.

При обращении к фонетическим способам преобразования имен следует помнить о звуко-символизме. Звуко-символизм — это закономерная, произвольная, фонетически мотивированная связь между звуком и предметом. Звуком можно обозначить различные виды движения, световые явления, форму, величину, свойства поверхности объектов и т. п. [1, 32]. Звуко-символизм означает, что мы можем с помощью некоторых звуков обозначать смыслы, существующие в нашем подсознании. Для этого группе слушателей предлагают, например, представить себе ситуацию посещения ресторана с неизвестной, но экзотической кухней и ответить на вопрос: из каких продуктов сделано некое блюдо под названием «Чоффер»? Большинство (приблизительно от 75 до 95 % всех людей в любой аудитории) ответят, что это мясное, горячее и острое блюдо. Процентом 40–60 % скажут, что оно с сыром [5]. Важно не забывать о смыслах и коннотациях получившегося в результате паранейминга слова, а также о том, какие чувства может вызвать тот или иной звук или их сочетание. Так, имитация шоколада *Snickers* — *Hackers* обладает нежелательными для российского потребителя ассоциациями.

Самым непопулярным при создании паранеймов оказался **морфологический** способ. Основными моделями можно назвать *перестановку* или *замену* морфем (*Bucksstar Coffee, Sunbucks Coffee* вместо *Starbucks Coffee*); *аффиксацию* (коньяк *Лезгинка* преобразуется в *Лезгиночка* за счет добавления суффикса); *усечение* (магазин *Елисейский* становится *Елисейским* за счет усечения суффикса).

Цели создания паранеймов морфологическим способом остаются неизменны: привлечение внимания потребителя, маскировка названия под оригинал, сокрытие копирования и пр. Непопулярность данного способа, вероятно, связана с тем, что имитаторам не всегда удается искусно изменить само слово, не нарушив при этом нормы языка.

Очевидно, что тщательно продуманные с точки зрения словообразования и словоизменения неймы чаще являются исключением, чем правилом. Создатели имен-паразитов в большинстве своем ставят перед собой цель заработать, но не создать что-то оригинальное и качественное.

Итак, в зависимости от цели имитации неймеры используют те или иные способы преобразования первичных имен. Так, синтаксический способ используется производителями, которые стремятся избежать дополнительных или нежелательных выплат; фонетический способ — теми, кто хочет «поймать» потребителя на практически одинаковых звучаниях продуктов; лексический и морфологический способы — теми, кто хочет, чтобы их товар максимально соответствовал товару-оригиналу. Наиболее популярным можно назвать фонетический способ создания паранеймов, так как звучание названия довольно легко имитировать, а потребитель, который недостаточно хорошо знает внешнее оформление продукта, может легко принять имитацию за оригинал.

В заключение отметим, что паранейминг как явление требует дальнейшего тщательного изучения. Для того чтобы «заработал» имитированный нейм, необходимо знать потребности аудитории, принципы ее мышления. Имитируя какое-либо название, важно помнить, что имя из-за его трансформации может оказаться полисемантическим, вызвать отрицательные эмоции и нежелательные ассоциации, а в конечном итоге даже потерять связь с объектом номинации.

-
1. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики : учеб.-практ. пособие. Л., 1982. 244 с.
 2. *Долбежкин В. А.* Рекламная мимикрия: «паразиты» и «животворцы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/mimi.htm> (дата обращения: 12.02.2017).
 3. *Елистратов В. С.* Нейминг: искусство называть : учеб.-практ. пособие. М., 2014. 293 с.
 4. *Касплер О.* Похитители имен [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naming.ru/content/view/318/43/> (дата обращения: 10.02.2017).
 5. *Лебедев-Любимов А. Н.* Психологические проблемы нейминга, или Как убеждать названием [Электронный ресурс]. URL: http://www.rb-edu.ru/library/articles/articles_4890.html (дата обращения: 11.02.2017).
 6. *Ляпоров В. Н.* Бренды-имитаторы на массовом рынке [Электронный ресурс]. URL: <http://www.naming.ru/content/view/81/43/> (дата обращения: 12.02.2017).
 7. Малое и среднее предпринимательство в России. 2015 : стат. сб. М., 2015. 96 с.

Статья поступила в редакцию 14.02.2017 г.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННОГО МУЖЧИНЫ (на материале телепередачи «Давай поженимся»)

Рассматриваются результаты анализа мужских брачных объявлений, представленных в рамках телевизионного ток-шоу «Давай поженимся». Показана языковая репрезентация мозаичности гендерной картины мира современного мужчины в условиях постсоветской трансформации России. Выявлены ценностные предпочтения российского мужчины.

К л ю ч е в ы е с л о в а: брачные объявления; гендерные ценности; гендерная картина мира; маскулинность; метросексуал.

Коренные преобразования в России характеризуются трансформацией ценностной картины мира. На фоне сложившейся ситуации возникает необходимость лингвокультурологического анализа ценностных предпочтений современного носителя языка, в том числе и в области гендерных установок. Исследование гендера как социокультурного конструкта проводится на основе устных и письменных текстов различных жанров. Гендерно-релевантным является жанр брачного объявления. Анализ специфики этого жанра содержится в современных лингвистических работах, см., например: [1, 2, 8, 10, 13, 14].

Цель нашей работы — с опорой на материал брачных объявлений показать трансформацию ценностных предпочтений русского мужчины в новых социальных условиях постсоветской России. Объект нашего исследования — брачные объявления, представленные в ток-шоу «Давай поженимся». Материал хронологически ограничен — с ноября 2015 г. по декабрь 2016 г., из проанализированных 1226 объявлений количество мужских — 513. Передача выходит в эфир на «Первом канале» российского телевидения с 2008 г. и посвящена знакомству юношей и девушек, мужчин и женщин с целью поиска потенциального спутника жизни.

На основе заполненной анкеты редакторами программы составляется ролик-визитка, структурно построенная по модели брачного объявления. Текст содержит следующие части:

1. Презентация адресанта:

1.1. Объективная характеристика: пол (фотография), имя, возраст, знак зодиака, профессия;

1.2. Социально-психологический портрет адресанта, раскрывающий увлечения, умения, образ жизни в структурированном виде: субъект *мечтает* (о чем?); *предупреждает* (о чем?); *гордится* (чем?). В языковом плане рубрики формируют устойчивые сочетания, характерные для данного типа текстов, с неизменной левой

частью (*мечтает, предупреждает, гордится*) и меняющимся правым членом текстового фрагмента.

2. Портретирование партнера: внешность и идеальный образ партнера.
3. Желаемые отношения.
4. Причина расставания с предыдущим партнером.

Российские гендерные ценности во многом определяются патриархальным типом культуры с доминирующим мужским, маскулинным, и подчиненным женским, феминным, началом. Традиционная патриархальная маскулинность чаще всего ассоциируется «с силой, воинской доблестью и высоким социальным статусом» [4, 75]. Образ мужественности отражает такие маскулинные качества, как активность, независимость, компетентность и т. д. Исторически складывающийся мужской поведенческий стиль был назван гегемонной маскулинностью [5, 113]. В связи с изменением культурной и социальной среды меняются и типы современного мужчины [3, 4, 7, 9]. По мнению И. Кона, в настоящий период «ни единого мужского стиля жизни, ни единого канона маскулинности не существует» [4, 179].

В анализируемом корпусе брачных объявлений практически отсутствуют тексты, в которых жизненные ориентиры современных мужчин полностью отражают патриархальные нормы. Тем не менее покажем один тематически цельный текст, который максимально иллюстрирует традиционные установки русского мужчины:

Владимир, бизнесмен в сфере недвижимости, чемпион России 2010 года по гонкам на снегоходах. Мечтает о большой семье. Предупреждает, что сильно привязан к своим детям. Владимир не обратит внимания на меркантильную девушку, для которой карьера и личностный рост стоят на первом месте. Его избранница должна разделять его увлечения, быть мягкой, домашней женщиной, способной подарить ему радость отцовства (*эфир 14 октября 2015 г.*).

Текст демонстрирует сильного мужчину (*чемпион России*), для которого важны семейные ценности (*мечтает о большой семье*), он сторонник традиционных патриархальных отношений (*Его избранница должна быть мягкой, домашней женщиной, способной подарить ему радость отцовства*). Профессия мужчины — *бизнесмен в сфере недвижимости* — тоже относится к разряду мужских занятий, герой способен содержать большую семью.

При открытой и жесткой конкуренции женщин с мужчинами в области общественных отношений и трудовой деятельности [11] мужские брачные объявления демонстрируют новые ценностные ориентиры. Проследим формирование новой мужской идентичности, используя в качестве основы выделенные структурные части брачного объявления.

Распространенным является мнение о существовании так называемых «мужских» и «женских» профессий. В рубрике «профессия» представлен прежде всего набор типичных «мужских» профессий: *инженер, врач, охранник, грузчик, пожарный, водитель*, а также профессий и должностей, указывающих на высокий социальный статус: *президент компании, гендиректор, директор, руководитель проектов в строительной компании*. В условиях рыночной экономики появляются новые профессии, которые, с одной стороны, поддерживают статус «мужских»

(бизнесмен, индивидуальный предприниматель, риэлтор, тренер по пауэрлифтингу, маркетолог), с другой стороны, стереотипно считаются «женскими»: парикмахер, стриптизер, медбрат, стюард.

Обычно для мужских брачных объявлений типична прямая номинация профессии. Но в целях выгодной самопрезентации автор-мужчина прибегает к тактике отвлечения внимания. Чтобы скрыть негативное впечатление от реального социального статуса, адресант упоминает бывшую работу: **В прошлом** — капитан милиции и спасатель МЧС, **сейчас** зарабатывает на жизнь ремонтом компьютеров; **раньше** Роланд был тренером по каратэ и тайскому боксу, **на данный момент** является соблазнителем; Александр **раньше** работал в полиции, а **сегодня** работает стриптизером; Александр **раньше** был военным, **сейчас** является массажистом.

Рубрика «увлечение» заполнена в 252 текстах. В 52 текстах (20,6 % от общего количества) указываются традиционно мужские занятия и формы отдыха: увлекается (далее — **у.**) рыбалкой, **у.** охотой, **у.** садоводством, **у.** строительством собственного дома; любит (далее — **л.**) ходить в баню, **л.** отдыхать на природе, **л.** играть в шахматы. В 7 текстах (3,5 %) показаны увлечения феминного характера: **л.** готовить вкусные десерты, **л.** готовить мясо в горшочках, обожает печь блины.

Рубрика «увлечение» помогает выявить современный поведенческий тип мужчины-метросексуала [3, 95; 7, 28]. В 43 текстах (17 %) ценностными предпочтениями адресантов являются увлечение необычными видами спорта, поп-музыкой, страсть к путешествиям. Особое внимание метросексуалы обращают на свою внешность, им присущ светский лоск, их интересует мода: **у.** фитнесом; занимается дайвингом, катается на сноуборде и любит отдых в горах; обожает путешествия и фотосъемки; **л.** отдыхать с друзьями в джазовых и рок-н-рольных клубах; **л.** путешествия и автомобили; **л.** экспериментировать с прической; **у.** экстремальными видами спорта, обожает виндсерфинг.

Рубрика «мечтает» заполнена в 309 текстах. В 50 текстах (16,1 %) для мужчин приоритетными остаются семейные ценности: мечтает (далее — **м.**) о доброй жене; **м.** о семье; **м.** о дочке; **м.** о рождении сына; **м.** иметь много детей; **м.** встретить старость в окружении внуков; **м.** о семейном уюте.

В 124 текстах (40 %) реализованы традиционные ценностные предпочтения мужчин: стремление к профессиональному успеху и материальному богатству. Мечты постсоветского мужчины обращены к профессиональной самореализации, к достижению высокого социального статуса (73 текста, 23,8 %): **м.** создать свой оздоровительный центр; **м.** стать достойным врачом; **м.** стать рок-звездой; **м.** стать директором крупной компании; **м.** оставить свой след в истории; **м.** открыть свой спортивный клуб; **м.** открыть музей масштабных моделей. В 51 тексте (16,2 %) приоритетной ценностью для адресанта является материальное богатство: **м.** выйти на новый уровень материального дохода; **м.** приобрести дом за городом; **м.** купить микроавтобус; **м.** купить квартиру; **м.** выиграть большую сумму денег; **м.** о больших деньгах и богатстве; **м.** купить дом в Крыму; **м.**, что станет миллионером.

В 10 текстах мечта мужчины связана с «романтической маскулинностью», при которой отношение к женщине проявляется как преклонение перед ней, как почитание и уважение Прекрасной Дамы [7, 27]: **м.** отвезти любимую женщину

в Париж; **м.** познавать мир с любимой женщиной; **м.** с избранницей побывать на необитаемом острове; **м.**, сидя на пляже, играть на гитаре для любимой женщины.

Мужчины-метросексуалы (21 текст, 7 %) мечтают активно наслаждаться жизнью: **м.** научиться управлять самолетом и освоить игру на гитаре; **м.** побывать во всех странах мира; **м.** побывать в кругосветном путешествии.

Рубрика «предупреждает» (далее — **п.**) заполнена в 318 текстах. Адресанты демонстрируют привычные представления о гендерном превосходстве в семейных отношениях: **п.**, что в его семье главный — мужчина; **п.**, что в отношениях не потерпит равенства; **п.**, что он является хозяином в доме, что к нему следует прислушиваться; **п.**, что не готов никогда идти на компромиссы. В этой рубрике также реализуется тип романтической маскулинности (2 % от общего количества текстов): **п.**, что готов на любые компромиссы ради женщины; **п.**, что готов пойти на край света ради своей избранницы; **п.**, что его любимую ждут завтраки в постель и ужины при свечах. В 1 % от общего количества текстов мужчина берет на себя женские обязанности: **п.**, что возлюбленная не должна появляться на кухне, пока он готовит; **п.**, что воспитывает четырнадцатилетнюю дочь.

Автор текста может предупреждать о вредных привычках. Поэтому для этой рубрики характерно использование эвфемизмов [6], которые не только смягчают способ выражения, но и отчасти скрывают или вуалируют недостатки: **п.**, что из него можно вить веревки; **п.**, что тяжело расстается с людьми и любит раздуть из мухи слона; **п.**, что любит острить, валять дурака; **п.**, что в его доме царит творческий беспорядок.

В 320 текстах заполняется рубрика «гордится» (далее — **г.**). В 115 текстах (36 %) мужчина гордится достижениями в профессии и материальным достатком: **г.**, что у него есть титул «Мистер Химки-2005»; **г.** своей профессией; **г.** тем, что открыл свой бизнес с нуля и получил грамоту «Работник года»; **г.**, что выплатил полностью свой кредит за жилье; **г.**, что смог всех своих родных обеспечить хорошим жильем; **г.** тем, что построил дом и написал книгу. Гордость метросексуала (32 текста, 10 %) связана с его увлечениями: **г.** тем, что объездил весь земной шар; **г.** прекрасной спортивной фигурой; **г.** тем, что у него превосходная внешность.

В 10 текстах (3 %) показано изменение гендерных ролей: мужчина берет на себя женские обязанности воспитания детей: **г.** тем, что один воспитывает дочь; **г.** тем, что сам воспитывает двух дочерей; **г.** тем, что смог вырастить чудесных дочек.

В 171 тексте представлены портреты потенциального партнера, которые зеркально отражают ценностные предпочтения самого адресанта: мужчина ищет женщину, подобную себе. В 32 текстах (18,7 %) мужчина видит рядом с собой домашнюю, заботливую и скромную девушку: женится на скромной и заботливой девушке с серьезными намерениями и большим желанием создать семью; его избранница должна быть мягкой домашней женщиной, которая подарит ему радость отцовства; ищет в жены добрую девушку.

43 текста (25 %) рисуют портрет женщины «советского патриархата». Женщина должна обладать совокупностью достоинств (быть красивой и ухоженной, хозяйственной, материально независимой): женится на утонченной, ухоженной женщине с интересной работой, желанием развиваться и творческим подходом

к жизни; его избранница должна быть светской дамой с творческим началом, материнским инстинктом и кулинарными способностями; он готов жениться на скромной девушке, она должна блистать на мероприятиях и быть на кухне богиней.

В 9 текстах (5 %) современный мужчина предпочитает эффектных и сексуальных женщин: *не видит рядом с собой бесхарактерную невесту, ищет сексуальную образованную брюнетку; Виктору не нравятся женщины, которые много готовят; не станет женой героя домохозяйка, он ищет активную женщину, авантюристку; женится на девушке с вредными привычками, циничным взглядом на жизнь и свободной от стереотипов.*

Метросексуал предпочитает рядом с собой видеть спортивную интеллигентную девушку (24 текста, 14 %): *женится на интеллектуалке модельной внешности, которая знает себе цену и не умеет ревновать; женится на активной, подтянутой, спортивной женщине с большими планами на жизнь; ищет он спортивную девушку, которая много болтает и прекрасно выглядит.* Такой тип мужчины может искать девушку, красота которой создана при помощи пластической хирургии: *Леонид не заметит скромную девушку. Он ищет яркую девушку, которая будет совершенствоваться, прибегая к косметическим процедурам, пластической хирургии.*

Подведем итоги наших наблюдений. Анализ брачных текстов выявил наличие разных канонов маскулинности. В современном российском обществе гегемонная маскулинность занимает по-прежнему доминирующее место. Подавляющее большинство мужчин гордятся своими профессиональными достижениями и предпочитают образ «традиционной» жены. При сохранении патриархальных ценностных предпочтений одновременно формируется маскулинность с феминными чертами, появляется новый типаж метросексуала. Современный мужчина повышает уровень требований к женщине: кроме традиционных умений и навыков (следить за домом, ухаживать за детьми), женщины должны быть интеллигентны, спортивны, должны хорошо зарабатывать. Перекладывание груза ответственности на женщин формирует мужской тип «несостоявшейся» маскулинности. Трансформация традиционных для российской ментальности гендерных ценностей еще не закончилась, и язык отражает динамику этого процесса.

1. Акулова Е. В. Жанр «Объявления о знакомстве» как особый вид общения // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. Саратов, 2009. Вып. 9. С. 87–92.

2. Городникова М. Д. Гендерный фактор и распределение социальных ролей в современном обществе (на материале брачных объявлений) // Гендерный фактор в языке и коммуникации : сб. науч. тр. МГЛУ. М., 1999. Вып. 446. С. 39–40.

3. Здравомыслова Е. А. Трансформация гендерного гражданства в современной России // Куда пришла Россия? Итоги социальной трансформации : материалы Междунар. симпоз., 16–18 янв. 2003 г. М., 2003. С. 140–150.

4. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М., 2009. 496 с.

5. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнографическое обозрение. 2010. № 6. С. 99–114.

6. *Крысин Л. П.* Эвфемизмы в современной русской речи // Русское слово, свое и чужое. М., 2004. С. 262–286.
7. *Куимов В. С.* Проблема типологии маскулинности в гендерных исследованиях // Теория и практика общественного развития. 2015. № 4. С. 26–30.
8. *Ольшанский И. Г.* Тексты брачных объявлений как источник гендерной самоидентификации // Гендер: язык, культура, коммуникация : докл. Второй междунар. конф., Москва, 22–23 нояб. 2001 г. М., 2002. С. 243–247.
9. *Романовская В. С.* Гендерная идентичность и гендерные стереотипы (социологический анализ) // Теория и практика общественного развития. 2005. № 2. С. 64–67.
10. *Рысева У. А.* Брачные объявления начала XXI века и их лингвостилистические особенности // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та (Киров). 2014. № 11. С. 155–160.
11. *Сюй Шаньшань.* Вербальные знаки ценностных предпочтений современной женщины (на материале брачных объявлений) // Научный диалог. 2016. № 11 (59). С. 110–120.
12. *Царикевич Н. В.* Социопрагматика текста брачного рекламного объявления (сравнительно-сопоставительный анализ русских и немецких текстов брачных рекламных объявлений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2007. 23 с.
13. *Черкасова И. С.* Гендер как характеристика языковой личности: Опыт анализа объявлений о знакомстве // Единицы языка и их функционирование. Саратов, 2004. Вып. 10. С. 215–221.
14. *Шибанова Е. А.* Концептуальное пространство брачных объявлений (на материале русского и французского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Пенза, 2004. 154 с.

Статья поступила в редакцию 10.02.2017 г.

ПОЭТИКА

УДК 821.161.1-1 Мандельштам

Т. А. Снигирева
И. О. Эльстон-Бирон

ПОЗДНЯЯ ЛИРИКА О. МАНДЕЛЬШТАМА: ФОРМЫ АУТОДИАЛОГА

Статья посвящена исследованию форм и функций аутодиалога в позднем творчестве О. Мандельштама. Уточняются смысловые границы центрального термина: под аутодиалогом понимается обращение лирического субъекта к самому себе, оформленное местоимением «ты». Впервые исследуется интонационная вариативность поздней лирики О. Мандельштама и делается вывод о рецепционной результативности его активного включения в текст.

К л ю ч е в ы е с л о в а: поэзия О. Мандельштама; позднее творчество; поэтика противоречия; аутодиалог; интонация; интонационная вариативность.

Позднее творчество О. Э. Мандельштама, а именно период 1930-х гг., характеризуется чрезвычайной интенсивностью работы, формированием новой поэтики («третьей поэтики», по терминологии М. Л. Гаспарова). В это время появляется ярко выраженное авторское «я», и, как указывает исследователь, через это «я» в стихах распаивается расширяющийся мир с очень четкой структурой [3, 242]. Кроме того, это особый биографический этап, когда О. Э. Мандельштам разрывается между волей к жизни и волей к смерти, когда в полной мере воплощается мироощущение его как «виртуоза противочувствия» [1, 30]. С. С. Аверинцев прямо указывает: «Более чем когда-либо прежде, это поэтика противоречия» [Там же, 60].

СНИГИРЕВА Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX и XXI вв. Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета, ведущий научный сотрудник сектора русской литературы Института истории и археологии УрО РАН (e-mail: tas0905@gambler.ru).

ЭЛЬСТОН-БИРОН Инна Олеговна — магистрант департамента «Филологический факультет», лаборант кафедры периодической печати департамента «Факультет журналистики» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Shapelya@yandex.ru).

© Снигирева Т. А., Эльстон-Бирон И. О., 2017

Одним из проявлений внутренней борьбы, противоречия, а также усложнения поэтического зрения является аутодиалог.

Существует ряд близких понятий: автокоммуникация, аутодиалог, внутренний диалог, автоадресованность и др. Представляется рациональным использование данных понятий не как синонимичных, а как уточняющих и дополняющих друг друга. Автокоммуникация — форма коммуникации, при которой адресант и адресат совмещены [8, 426]. Аутодиалог в нашем понимании — частный случай автокоммуникации. Понятие же «внутренний диалог» шире, нежели «аутодиалог», поскольку внутренняя речь может быть обращена не только к самому себе, но и к отсутствующему или воображаемому лицу.

Автоадресованность — направленность речи адресанта на самого себя, что является главной характеристикой аутодиалога. Для возможности разграничения смежных явлений будем считать аутодиалогом только то обращение лирического субъекта к самому себе, которое оформлено местоимением «ты».

О семантике местоимения второго лица писали такие исследователи, как Ю. Д. Апресян [2, 152–153; 644–646], Ю. И. Левин [6, 470], Е. В. Падучева [10, 209–213] и др. Местоимение «ты» может обозначать в речи и субъекта говорения, и адресата, и третье лицо. Е. В. Падучева выделяет следующие типы употребления «ты» в лирике: обобщенно-личное, обычное адресатное (при этом адресат может быть диегетическим / внутренним или экзегетическим / внешним), обращение к самому себе. В стихотворениях Мандельштама «ты» употребляется и в обобщенно-личном значении и по отношению к себе. Но не всегда можно однозначно определить адресата указанного местоимения, иногда оба значения сосуществуют. И. И. Ковтунова поясняет это явление следующим образом: «...структура поэтического языка не рассчитана на победу одного определенного значения, но на колеблющееся равновесие между двумя или несколькими значениями» [4, 81].

Диалог с самим собой в поэзии встречается нередко, в том числе и в древних текстах (см. примеры: [4, 63–80; 6, 477]). Когда же он появляется и оказывается необходимым?

Аутодиалог — свидетельство напряженной внутренней работы поэта (наиболее очевидные ситуации — ситуация выбора, внутреннего противоречия, борьбы). В. А. Кухарченко пишет: «Семантическое наполнение его весьма устойчиво: это борьба эмоционального и рационального, выраженная двумя внутренними голосами. Каждая сторона вводит в конфликт свои аргументы: чувства, предчувствия, интуиция выступают против трезвой рассудительности и последовательной логики. Каждая сторона наделяется своим голосом и своими средствами выражения» [3, 168]. В стихотворениях Мандельштама аутодиалог свидетельствует не только о борьбе рационального и эмоционального, но вообще о столкновении, встрече разных граней личности. Аутодиалог позволяет соединить противоположные, взаимоисключающие состояния и чувства — вместить в себя всё, но при этом не потерять цельности, не допустить разрушения или уплощения.

Диалог предполагает наличие двух субъектов, аутодиалог — двух голосов одного субъекта, которые появляются в результате своеобразного расслоения

личности на сильную и слабую стороны. В стихотворениях О.Мандельштама обычно эксплицирован только один голос, другой — молчит, внимает первому, но есть два стихотворения («Ленинград», «Не искушай чужих наречий...»), в которых диалог в этом смысле полноценен.

Если же звучащий голос один, то это всегда голос более сильной ипостаси, которая воздействует на слабую, ее задача — преобразование своего «я». Ю. М. Лотман, характеризуя автокоммуникацию, говорит о том, что цель ее принципиально иная, нежели коммуникации с другим лицом: «Если коммуникативная система “Я — ОН” обеспечивает лишь передачу некоторого константного объема информации, то в канале “Я — Я” происходит ее качественная трансформация, которая приводит к перестройке самого этого “Я”». [8, 166]. Поэтому для аутодиалога характерен императивный тон. Аутодиалог необходим, когда нужно преодолеть нерешительность, страх, усталость — состояние душевной слабости, и тут на помощь приходит слово. Вербализованный приказ самому себе не оставляет возможности послушаться, обмануть себя, притворившись, что и не думал об этом. Слово будто собирает все интенции и закрепляет их.

Императивность, конечно, выражается с помощью формы глагола. В восьми из десяти стихотворениях Мандельштама, содержащих аутодиалог, присутствуют глаголы повелительного наклонения: **Не говори** никому, / *Все, что ты видел, забудь*; **Живи** спокоен и утешен; *Так затверди ж назубок*; **Молчи**, в себе **таи**, / **Не спрашивай**, как *набухают почки*; **Войди** в их хрящ; *Ты вернулся сюда, так глотай же скорей* / *Рыбий жир ленинградских речных фонарей*, / **Узнавай** же скорее декабрьский денек, / *Где к зловещему дегтю подмешан желток*; **Не искушай** чужих наречий, но **постарайся** их забыть; **Гуди**, старик, **дыши** сладко. Но интонации данных высказываний, при явном сохранении императивности, как и тональности стихотворений в целом, все же различны.

Это может быть бесстрастный приказ-предупреждение: *Не говори никому, / Все, что ты видел, забудь* — / *Птицу, старуху, тюрьму / Или еще что-нибудь*, где нет ни усилительных частиц, ни эмотивов, но нет и равнодушия, скорее усталость, смирение — перечисление заканчивается словами *или еще что-нибудь*, т. е. абсолютно всё нужно забыть, ничего нельзя помнить.

Совсем другой эмоциональный посыл в приказе: — *Так затверди ж назубок: / Шапку в рукав, шапкой в рукав* — / *И да хранит тебя Бог*. В нем ощущается и отчаянность, и озлобленность и некоторая торопливость: на это указывают частицы *так* и *ж*, модификация устойчивого выражения *знать назубок*. Характерно, что ритм и звукопись стихотворения также создают атмосферу торопливости и суеты («неудобное» произнесение строчки *Шапку в рукав, шапкой в рукав*, близкое расположение похожих в звуковом отношении слов *потоп, потом* буквально создают толкотню звуков, их смешение; множество глухих взрывных *т, п* напоминают топот).

В строчках *Ну как метро? Молчи, в себе таи, / Не спрашивай, как набухают почки* нет озлобленности, но чувствуется легкая ирония, которая создается благодаря снижению торжественности по сравнению с тютчевским стихотворением «Молчи, скрывайся и таи...» (интертекстуальная связь здесь очевидна). Также

присутствует намек на игру: обратим внимание на вопрос, заданный самому себе, и ответ, который не соответствует ему.

Вообще разговор с самим собой — всегда игра. Говорящий как бы разыгрывает сцену диалога, притворяется, что он не один. Это игровое начало особенно явно проявляется в стихотворении «После полуночи сердце ворует...»: на фонетическом уровне (обилие *ш*, ассоциирующееся с шорохом и тишиной, о которых идет речь в стихотворении), в употреблении гадательного выражения *любишь — не любишь* с последующим распространением и в обращении к себе — «ты».

Поскольку 1930-е гг. — один из самых тяжелых биографических периодов О. Э. Мандельштама, ожидаемо появление в стихах утешения самого себя, ободрения и даже сочувствия. В стихотворении «Дрожжи мира дорогие...» нет императивности, нет отстраненности и бесстрастия, наоборот, оценочные слова *нищей, немил, неведом, слепой* говорят о сочувствии к самому себе. Вторая строфа — это признание себе в нерадостной истине, печальная констатация фактов:

В нищей памяти впервые
Чуешь вмятины слепые,
Медной полные воды,—
И идешь за ними следом,
Сам себе немил, неведом —
И слепой и поводырь... [9, 230]

Лирический субъект соглашается с этой истиной. В стихотворении «Еще не умер ты...» голос звучит тверже, и хотя сначала речь лирического героя кажется простым утешением, самоугариванием: *Еще не умер ты, / Еще ты не один* — далее становится ясно, что это самоутверждение и уверенное оправдание своей судьбы.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен. [9, 231]

Примечательно использование кратких прилагательных *спокоен* и *утешен* (особенно редко употребляющейся формы *утешен*), появление книжной лексики: *благословенный, сладкогласный, безгрешен*, что в сочетании с размеренным ритмом создает ощущение величавости. Несомненна связь этих строк с пушкинским стихотворением «Поэту»: *Ты царь: живи один. <...> Они в самом тебе. Ты сам свой высший суд; / Всех строже оценить умеешь ты свой труд*. И в том, и в другом стихотворении представлено спокойно-мудрое, но в то же время гордое осознание своего места в мире и своей правоты как поэта. Схож с этой интонацией пророчески-повелительный тон другого стихотворения:

Нет имени у них. Войди в их хрящ —
И будешь ты наследником их княжеств.

И для людей, для их сердец живых,
Блуждая в их извилинах, развивах,

Изобразишь и наслажденья их,
И то, что мучит их, — в приливах и отливах. [9, 222]

Но иногда и в разговор с собой как с поэтом встраивается игровой тон, о котором говорилось выше. В строках: *Гуди за власть ночных трудов, / Садко заводов и садов.* <...> *Гуди протяжно в глубь веков, / Гудок советских городов* — сочетается и игра, и горькая ирония, и осознание того, что поэт недостижим для власти (ср. с хитростью Садко), это маскируется несколько панибратским обращением *старик*. Поэт гудит *в глубь веков*, его голос вечен.

Стоит отдельно рассмотреть стихотворения, в которых аутодиалог представлен двумя голосами.

Стихотворение «Ленинград» можно интерпретировать по-разному: как диалог между лирическим субъектом и родным городом, обернувшимся враждебной силой, и как диалог лирического субъекта с самим собой. Представляется, что второе понимание является наиболее верным, так как во второй и третьей строках:

Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей,

Узнавай же скорее декабрьский денек,
Где к зловещему дегтю подмешан желток. [9, 168] —

отражена точка зрения самого лирического субъекта: он видит город таким, именно в его восприятии речные фонари связываются с рыбьим жиром, а декабрьский денек кажется зловещим и черно-желтым.

В данном стихотворении два голоса лирического субъекта. Первый голос (произносящий «я») — голос уставшего, измученного страхом и скитаниями человека; в четвертой и пятой строфе он срывается на мольбу:

Петербург! я еще не хочу умирать:
У тебя телефонов моих номера.

Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса. [Там же]

Другой же голос беспощаден, в нем присутствует даже некоторое наслаждение беспощадностью, на что указывают повторяющаяся усилительная частица *же* и слово *скорей*.

Похожая субъектная организация представлена в стихотворении «Не искушай чужий наречий...», где также присутствует два голоса / две ипостаси лирического субъекта. И если допустить такую вольность — перестроить стихотворение, станет очевидно, что одному голосу принадлежат первая, третья и пятая строфы:

Не искушай чужих наречий, но постарайся их забыть:
Ведь все равно ты не сумеешь стекло зубами укусить.

Ведь умирающее тело и мыслящий бессмертный рот
В последний раз перед разлукой чужое имя не спасет.

И в наказанье за гордыню, неисправимый звуколюб,
Получишь укусную губку ты для изменнических губ. [9, 196] —

а между этими строфами прорывается второй голос, его жалобы и страхи:

О, как мучительно дается чужого клеткота полет —
За беззаконные восторги лихая плата стережет.

Что, если Ариост и Тассо, обворожающие нас,
Чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз? [Там же]

Первый голос обращен к самому себе, адресованность второго голоса определить сложнее: его можно рассматривать как обращение и к самому себе, и как к кому-либо вовне.

Первый голос снова безжалостен, он предупреждает о страшном конце, описывает его без всякого сочувствия. Второй голос неровен, в нем чувствуется неуверенность и страх (особенно — последняя строка — характерный для боящегося человека вопрос «Что, если...»), он жалуется на свои мучения, но не отрывается от них.

Аутодиалог — всегда свидетельство отстранения от себя (отстранения можно достичь посредством использования третьего лица: ср. строчки А. А. Ахматовой: *Эта женщина больна, / Эта женщина одна*, где само словосочетание *эта женщина* указывает на взгляд постороннего). У Мандельштама самоотстранение может обернуться самоутешением, сочувствием к себе, а также безжалостностью по отношению к себе и озлобленностью (ср. в другом стихотворении: *Довольно куку-ситесь!*). Зачастую обращение О. Э. Мандельштама к себе звучит как поучение или наставление: *Не говори никому, / Все, что ты видел, забудь; Так затверди ж на зубок; Молчи, в себе таи....* Но прослеживается следующая закономерность: если в стихотворении представлен только один голос, то какой бы интонацией он ни обладал, в нем чувствуется расположенность к адресату, он будто сильнее слит с ним. Если же в стихотворении представлен «полноценный» диалог, голос, принадлежащий более сильной ипостаси личности, жесток и отстранен от своей второй половины.

Ю. И. Левин указывает, что в позднем творчестве О. Э. Мандельштама «стихотворение из условного знака коммуникативного акта превращается в как бы непосредственно — *hic et nunc* — происходящее общение» [6, 130–131]. Эта актуализированность коммуникативности достигает максимума в «Новых стихах», что связывается исследователем с особенно острым в этот период сознанием социального отщепенства и желанием противопоставить ему чувство единства с близким «ты». В «Воронежских тетрадах» коммуникативность ослабевает в связи с окончательным обретением сознания своей правоты и возможности (поэтического) существования без опоры на «ты» и «мы» [Там же]. Но в то же время Ю. И. Левин характеризует авторскую речь Мандельштама как внутренне диалогичную [Там же, 131]. Количество стихотворений с аутодиалогом в «Новых стихах» и в «Воронежских тетрадах» равное. То есть актуализированность коммуникативности остается, но изменяется ее направленность: диалог с внешним миром превращается в диалог с самой собой.

Благодаря включению в текст аутодиалога в поэзии эксплицируется внутренний духовный путь поэта (от надежды к страху, отчаянию и — далее — к смирению, гордому принятию своей судьбы), его борьба с самим собой во всей ее сложности и противоречивости. «В этих стихах... возникает ощущение выпрямления, освобождения — поэт обретает внутреннюю свободу, ощущение правоты и уверенности, находит в себе силы, уже глядя в лицо смерти, подняться выше собственной судьбы» [7, 414]. Читателю предоставлена возможность стать свидетелем этого «выпрямления», того, как внутренней силой преодолевается внешняя несвобода.

Также появление в стихах диалога с собой приводит к некоторым изменениям поэтики. Это способствует тому, что лирика становится наиболее интимной, открытой до крайнего предела. Если при описании состояния представлено только то, что отобрал говорящий, что прошло его внутреннюю цензуру, то при аутодиалоге читатель проникает во внутренний мир лирического субъекта и оказывается свидетелем происходящего в нем, это уже не опосредованный кем-то рассказ, это обнаженная душа.

1. *Аверинцев С. С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. П. Нерлера ; вступ. ст. С. Аверинцева. М., 1990. С. 5–64.

2. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. 767 с.

3. *Гаспаров М. Л.* О русской поэзии: анализы, интерпретации, характеристики. СПб., 2001. 480 с.

4. *Ковтунова И. И.* Поэтический синтаксис. М., 1986. 206 с.

5. *Кухаренко В. А.* Интерпретация текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.». М., 1988. 192 с.

6. *Левин Ю. И.* Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М., 1998. 824 с.

7. *Левин Ю. И.* О некоторых особенностях поэтики позднего Мандельштама // Жизнь и творчество Мандельштама. Воронеж, 1990. С. 406–416.

8. *Лотман Ю. М.* Семиосфера. СПб., 2000. 704 с.

9. *Мандельштам О. Э.* Сочинения : в 2 т. Т. 1 : Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. П. Нерлера ; вступ. ст. С. Аверинцева. М., 1990. 638 с.

10. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996. 464 с.

Статья поступила в редакцию 28.01.2017 г.

ОСОБЕННОСТИ ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ УВЕРЕННОСТИ И ОТЧУЖДЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩИЕ НЕВРОЗУ И НОРМЕ

В статье впервые в теоретическом и эмпирическом плане с помощью авторского конструкта онтологической уверенности изучаются невроз и среднестатистическая норма, имеющие между собой условную границу. Данный конструкт восходит к концепции онтологической неуверенности британского экзистенциального психолога Р. Лэйнга и представляет собой континуум, полюсами которого являются отчуждение и феномен воплощенности, соответствующий психологическому здоровью.

К л ю ч е в ы е с л о в а: невроз; норма; бытие-в-мире; онтологическая уверенность; воплощенность; онтологическая неуверенность; невоплощенность; отчуждение; самоотчуждение.

В психоаналитической традиции, которая наиболее продуктивно разрабатывала проблему невроза, при разнообразии подходов, оснований для выделения конкретных типов, он рассматривается как состояние, трудноотличимое от нормы (З. Фрейд, Э. Фромм, К. Хорни, Ч. Райкрофт). Многие люди не свободны от тревоги, внутренних конфликтов, психологических защит, характеризующих невротика. Это справедливо и в отношении отчуждения, более или менее очевидными альтернативами которого являются экзистенциальные феномены, обозначающие высшие проявления психологического здоровья: онтологическая значимость, осмысленность жизни, исполненность (В. Франкл, А. Лэнгле), жизнестойкость (С. Мадди), поток (М. Чиксентмихйи). Среди них следует выделить онтологическую уверенность (*ontological security*), соотносимую Р. Лэйнгом с позитивной частью континуума состояний. Сам Р. Лэйнг занимался исследованием негативной части данного континуума. Принадлежащая британскому психиатру концепция

КОПТЕВА Наталия Васильевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры практической психологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета (e-mail: kopteva@pspu.ru).

онтологической неуверенности (ontological insecurity) шизоидов и шизофреников может быть идентифицирована как собственно концепция отчуждения. В статье предпринята попытка уточнить в теоретическом и эмпирическом планах особенности онтологической уверенности и отчуждения, соответствующие неврозу и норме.

Толкование самоотчуждения как частного случая отчуждения в концепции З. Фрейда можно соотнести с его учением о вытеснении человеком собственных желаний, несовместимых с сознанием и культурными нормами, прежде всего это касается эдипова комплекса. Неудача вытеснения приводит к образованию симптомов, предоставляющих больному возможность замещающего удовлетворения и уводящих его в мир инфантильных фантазий. Соответственно «следствием каждого невроза, а следовательно, и его тенденцией — является отдаление больного от реальной жизни, отчуждение его от действительности» [14, 98].

Э. Фромм дополняет представления об индивидуальной патологии, руководствуясь марксистским подходом к отчуждению как болезни общества. Самоотчуждение и отчуждение он связывает с характером продуктов труда и самого труда, которые не дают человеку быть хозяином своей жизни, разрывают его связи с близкими и природой. То, что у основоположника психоанализа было причиной, у Э. Фромма становится следствием, он утверждает, что в самом широком смысле любой невроз можно считать следствием отчуждения [16].

Отправной точкой для дальнейшего обсуждения проблематики отчуждения рядом исследователей послужила идея У. Джемса, который выделял в Я как единой сущности две стороны: чистое Я и эмпирическое Я [2, 81]. Эта идея нашла продолжение в учении З. Фрейда о более или менее очевидном расколе психической личности на две составляющие: собственно Я и Сверх-Я. Имелись также основания для рассмотрения приводимого в действие инстинктами Оно в качестве части Я, причем центральной [1, 6]. К. Хорни и Р. Лэйнг связывают выделяемые ими способы самоотчуждения с отстранением человека от различных аспектов собственного Я [5].

К. Хорни конкретизирует Фрейдово понятие слабости Я, относя его не к Я как таковому, а к отчужденному реальному Я, которое она понимает в духе чистого Я У. Джемса. С ее точки зрения актуальное Я, как все то, чем человек является в настоящее время (совпадающее с эмпирическим Я в концепции У. Джемса), отчуждается в меньшей мере и отстранение от него не является самостоятельным процессом. Базальная тревога, элементами которой являются переживания беспомощности, враждебности, изоляции, побуждает невротика к выбору одной из трех разнонаправленных защитных стратегий: движение к людям, против людей и от людей. Их глубинные основания директор Международного общества Карен Хорни Б. Перис усматривает в инстинктивных защитных механизмах животных: подчинении, борьбе и бегстве [12, 21]. Вынужденно следуя избранной стратегии, невротик пренебрегает побуждениями собственного реального внутреннего Я. Взамен он формирует идеализированный образ Я, который усиливает привлекательность принятого разрешения базального конфликта и трансформирует требуемые для его реализации качества в добродетели: уступчивость — в доброту,

любовь, святость; агрессию — в силу, лидерство, героизм; равнодушие — в мудрость, самодостаточность, независимость. Идеализированное Я приводит не только ко все большему отстранению от реального Я, время от времени с позором прерывающего «полет к славе», но и от актуального Я. Так в ходе созревания невроза отчуждаемая часть Я дополняется до целого отчужденного Я.

Самоотчуждение неизбежно предполагает отчуждение, соотношение которых у невротических типов различно. У отстраненного невротика отчуждение выступает в очевидной, открыто декларируемой форме движения от людей и несколько смягчает самоотчуждение, являющееся следствием избегания активности, как навязанной, так и отвечающей собственным желанием (иметь желанья для него значит быть зависимым). У уступчивого и экспансивного типов, напротив, на первый план выступает отказ от собственного Я ради воображаемого идеализированного Я. Их решения о движении против людей и в особенности к людям с трудом совмещаются с уходом, так как экспансивный и тем более уступчивый невротики нуждаются в других людях. Отчуждение этих типов от других людей в основном проявляется не в форме отсутствия отношений, а в форме их нарушения, по мнению К. Хорни, также сопутствующего любому неврозу. Характер этого нарушения Э. Фромм определяет следующим образом: «Отчужденный человек утратил связь с самим собой, как и со всеми другими людьми. Он воспринимает себя, равно как и других, подобно тому, как воспринимают вещи — при помощи чувств и здравого смысла, но в то же время без продуктивной связи с самим собой и внешним миром» [15, 373].

В подходе Ч. Райкрофта обсессивный, фобический и истерический типы невроза, понимаемые скорее как ситуативные, имеют значительное сходство с неврозами характера, о которых идет речь у К. Хорни: присущие им защиты рассматриваются в качестве аналогов все тех же защитных реакций животных, которые в опасных ситуациях проявляют агрессию, прибегают к бегству или демонстрируют покорность [13, 75]. При обсессивном неврозе агрессия обнаруживает себя в попытках контролировать всё и всех, при фобическом — преобладает избегание, имеющее, однако, частичный характер, связанное с ситуациями, вызывающими тревогу. Истерический невроз предполагает покорность или ее имитацию, так же как имитацию силы. Представления К. Хорни об отчуждении у экспансивного, отстраненного и уступчивого типов, таким образом, вполне приложимы к классическим типам невроза в концепции Ч. Райкрофта и могут рассматриваться как дополняющие ее.

Если Э. Фромм и К. Хорни связывают отчуждение и самоотчуждение, бегство от свободы с социокультурными факторами, то в экзистенциальном анализе эти явления, так же как и невроз, соотносятся, прежде всего, с собственными действиями человека: «Основной Dasein-аналитический критерий душевной болезни — это степень, в которой происходит отказ от свободы Dasein и передача ее власти другому. У невротика этот отказ только частичный; хотя его бытие-в-мире подавляется и управляется... Мир, которому он отдал свою свободу, это не мир “вообще”, а мир, структурированный самим Dasein. Этот парадокс несвободы, которая сама себя выбрала, капитуляции перед миром своего собственного структурирования,

это то, что для Бинсвангера наиболее существенно характеризует динамический порочный круг невротической тревоги» [9, 106–107, 110].

Один из возможных вариантов подобного структурирования бытия-в-мире Р. Лэйнг представил формулой Я ↔ (тело — другой) или Я ↔ (тело — мир) (английские аналоги: self ↔ (body — other), self ↔ (body — world)) [6, 80, 151; 18, 82, 143], соответствующей экзистенциальному положению (basic existential setting) онтологической неуверенности, невоплощенности (unembodiment) шизоида. Воспринимая мир как угрожающий самому его существованию, шизоид стремится сделать из себя неуязвимого субъекта, лишённого всякой объективной экзистенции, путем отчуждения доступного воздействиям извне тела. Со временем оно трансформируется в ядро системы ложного Я, состоящей из аспектов бытия, отвергнутых внутренним Я, которое шизоид считает истинным. Таким образом, в отличие от К. Хорни, Р. Лэйнг связывает слабость Я с отчуждением эмпирического Я. Невоплощенность подразумевает не только раскол Я, но и шире — отчуждение от поступков, действий, раскол бытия-в-мире, отсутствие в его пространстве надежных опор. Система ложного Я, разрастаясь, становится все более автономной и неподконтрольной, все более определяет поведение, теснит истинное Я. Оскудевая вне контактов с миром, оно само уподобляется ложному Я, с фрагментами которого обращается как с объектами контроля и манипуляций. В конечном счете и у Р. Лэйнга слабость Я выступает в качестве определения отчужденного Я в единстве его сторон. Ущербное Я испытывает дефицит автономии и в целях самосохранения прибегает в отношениях к крайностям изоляции и слияния.

В той части, в которой концепция Р. Лэйнга относится к шизоиду, различие между ним и невротиком представляется относительным. Характеризующие их взаимосвязанные самоотчуждение и отчуждение дают основания для заключения о недостаточности онтологической уверенности, воплощенности при обоих расстройствах. Подобно невротик, шизоид рассматривается как пограничная, а то и здоровая, хотя трагичная личность [6]. Их статус также не определяется психологами вполне однозначно: К. Хорни говорит о невротических характерах, личностях, а Ч. Райкрофт объясняет отсутствие шизоидного невроза в принятых классификациях чисто историческими причинами, тем, что термин «шизоид» был введен Э. Блейлером для описания личности (а не симптомов) [13, 110]. Он считает целесообразным выделить в качестве самостоятельного шизоидный невроз, одноименная защита которого представляет собой компромисс между фобической и обсессивной. Окружающий мир для шизоидного невротика лишен безопасных мест и опекающих материнских фигур. Единственным прибежищем является мир внутренний, в котором он воображает себя полновластным хозяином, не нуждающимся в защите [13, 85].

Большинство людей Р. Лэйнг относит к категории «погруженных в тело», «основательно находящихся в собственном теле», «подлинно основанных на собственном теле». При этом как состояния невоплощенности, так и состояния воплощенности неоднородны: это и пограничные с невоплощенностью, и присущие «обычному» человеку, и высшие, сближающиеся с другими известными в психологии проявлениям психологического здоровья, представляющие собой

скорее идеальный предел, чем реальность. Воплощенность ментального Я в теле, понимаемом как «проводник бытия в мир» [7, 186], находит свое продолжение в поведении, общении, соотносится с вовлеченностью, надежностью структурирования бытия-в-мире. Целостная личность автономна, ей доступны отношения, обозначаемые как экзистенциальная коммуникация, встреча, Я — ТЫ-общение, дуальный модус (К. Ясперс, М. Бубер, Л. Бинсвангер).

В общепсихологическом конструкте онтологической уверенности [3], основанном на подходе Р. Лэйнга, экзистенциальным положениям воплощенности — невоплощенности соответствует спектр переживаний уверенности — неуверенности. От них производны два уровня частных переживаний, связанных с основаниями уверенности:

— уровень менее дифференцированных базовых переживаний ценностного характера, отправной точкой которых служит переживание человеком собственного воплощенного Я; не являясь специфическими для элементов бытия-в-мире (Я, тело, мир, люди, значимое как индивидуальная ценность), они придают последним смысл бытийных опор, «сшивают» в одно целое пространство бытия-в-мире;

— уровень более дифференцированных переживаний человеком собственной автономии и одновременно связанности с другими людьми и миром.

Если учитывать известную условность выделения самих невротических типов, отмечаемую большинством исследователей, определенный уровень невоплощенности, самоотчуждения, отчуждения можно считать характеристикой невроза в целом. Вышеизложенное позволяет выдвинуть гипотезу о том, что в сравнении со среднестатистической нормой невроз предполагает снижение соответствующих воплощенности переживаний онтологической уверенности (далее — ОУ) обеих уровней, а также рост субъективного ощущения отчуждения.

Организация и методики исследования

В исследовании принимали участие две группы. Первая группа включала 98 человек (43 мужчины и 55 женщин), состояла из пациентов медицинских учреждений г. Перми, которым в соответствии с современными тенденциями диагнозов «невроз» заменен на диагноз «генерализованная тревожность», обозначающий психическое расстройство, характеризующееся общей устойчивой тревогой, не связанной с определенными объектами или ситуациями. Контрольная группа включала 66 человек (30 мужчин и 36 женщин). Возрастной состав всех групп был представлен диапазоном от 18 до 40 лет.

В ходе создания инструментария, предназначенного для диагностики ОУ на обеих ее уровнях, мы ориентировались на условно выделяемые способы описания Р. Лэйнгом феноменов онтологической неуверенности и уверенности: посредством набора определений, относящихся к переживанию отдельных элементов бытия-в-мире, а также с помощью законченных суждений. При подборе пунктов используемых методик — ОУ(СД), построенной по принципу *семантического дифференциала* и предполагающей оценку объектов, в отношении которых человек

испытывает уверенность, и *психометрической методикой ОУ(ПМ)*, с пунктами в виде суждений, использовались некоторые формулировки Р. Лэйнга.

В методике ОУ(СД) принцип семантического дифференциала применялся в целях выявления ОУ и ее измерений, соответствующих переживанию человеком основных элементов бытия-в-мире в качестве опор. В сокращенном варианте методики были оставлены 7 наиболее информативных оппозиций прилагательных (родной — чужой, безопасный — опасный, ценный — ничего не стоящий, надежный — ненадежный, родственный — чуждый, важный для меня — не важный, близкий — не близкий) [4, 150–152]. Из 5 первичных шкал *уверенность в ментальном Я* и *уверенность в теле* составляют уверенность в Я, «центральной анклав» индивидуального бытия; *уверенность в значимом*, *уверенность в людях*, *уверенность в мире* — уверенность в том, что относится к не Я. Частные шкалы суммирует общий показатель, характеризующий ОУ как переживание уверенности в собственном Я и за его пределами, переживание опор в пространстве бытия.

Методика ОУ(ПМ) включает 30 пунктов, образующих четыре первичные шкалы. Три из них являются измерениями ОУ: *автономия*, *витальные контакты с миром*, *витальные контакты с людьми*. Шкала *ложное Я* характеризует онтологическую неуверенность, невоплощенность как самоотчуждение и отчуждение. Общий показатель переживания автономии, отделенности от других людей, мира и одновременно связанности с ними вычисляется путем сложения первых трех шкал, из суммы которых вычитается показатель шкалы *ложное Я*.

В результате валидации эмпирических конструкторов методик ОУ(СД) и ОУ(ПМ) установлено, что их показатели образуют смешанный фактор до вращения, полюсы которого составляют измерения ОУ обоих уровней и показатель *ложное Я*. Выявились тесные, имеющие общую логику связи ОУ обоих уровней с такими конструктами, как осмысленность жизни, исполненность экзистенцией, жизнестойкость, оптимизм и т. д. Отметим, что абсолютное большинство исследований ОУ, проведенных к настоящему времени, выполнялось на выборках нормы, статья восполняет недостаток подобных исследований на контрастных группах, с привлечением выборок, статус которых может соотноситься с онтологической неуверенностью.

Помимо вышеназванных методик, в исследовании использовался также Опросник субъективного отчуждения (ОСОТЧ) Е. Н. Осина [11].

Результаты эмпирического исследования

По сравнению с контрольной группой (табл. 1) группу невротических пациентов в меньшей мере характеризует ОУ как переживание бытийных опор в собственном Я (ментальном Я и теле) и за его пределами — в значимом, в других людях (переживания единства своей сущности с тем, что составляет индивидуальную ценность, в качестве общей всем людям; переживание единоприродности с ними). Это относится также к ОУ как переживанию автономии и связанности, прежде всего ощущению себя в качестве независимой личности, способной к самостоятельному выбору, а также витальных контактов с людьми, подразумевающих интерес к ним,

переживание себя «вместе с другими людьми в этом мире» (Р. Лэйнг), удовольствие от общения, опыт диалогического общения Я–Ты.

Таблица 1

Различия показателей онтологической уверенности и отчуждения в группе невротических пациентов и в контрольной группе

Методика	Показатели	Группа невротических пациентов	Контрольная группа	<i>t-value</i>	<i>p</i>
ОУ (СД)	Переживание бытийных опор:				
	в значимом	5,2	6,3	-6,5	0,000
	в Я	5,0	6,0	-5,4	0,000
	в теле	5,2	6,2	-5,7	0,000
	в людях	5,0	5,5	-2,7	0,009
	в мире	4,9	5,1	-0,7	0,482
	Общий показатель	5,1	5,8	-5,4	0,000
ОУ (ПМ)	Переживания автономии, связанности:	25,2	26,5	-1,5	0,130
	витальные контакты с миром	31,6	33,3	-2,0	0,046
	витальные контакты с людьми	26,4	28,2	-2,4	0,016
	автономия	20,3	16,2	4,1	0,000
	ложное Я				
	Общий показатель	83,3	71,8	5,0	0,000
ОСОТЧ	Сферы отчуждения:				
	от работы	47,4	34,4	4,4	0,000
	от общества	46,9	35,8	4,0	0,000
	в межличностных отношениях	44,3	28,7	4,5	0,000
	в семье	36,6	21,9	4,7	0,000
	от собственной личности	36,0	23,3	4,5	0,000
	Формы отчуждения:				
	вегетативность	42,0	29,9	4,7	0,000
	бессилие	42,5	30,0	4,7	0,000
	нигилизм	39,8	25,0	5,9	0,000
авантюризм	45,4	30,9	4,4	0,000	
	Общий показатель	42,2	28,8	5,5	0,000

Лишь по двум показателям ОУ различия между группами не достигли значимого уровня — *уверенность в мире* и *витальные контакты с миром*. Эти показатели предполагают наличие соответствующей бытийной опоры (удовлетворенность жизнью, переживание своего мира как надежного) и находят свое выражение в метафорических образах «твердо стоять обеими ногами на земле» (Л. Бинсвангер), «чувствовать себя в мире как дома» (Э. Фромм, Р. Лэйнг). В соответствии с этими данными заключение Р. Лэйнга о том, что для шизоидов онтологическая уверенность более доступна в сфере выстраивания отношений с миром, в предметной сфере [6, 74], может быть распространено и на невроз.

Невротическим пациентам в большей мере свойственно отчуждение в форме ложного Я как важной характеристики онтологической неуверенности,

невоплощенности, отстраненности от собственного тела и поведения. Ложное Я обнаруживается в переживаниях неподлинности существования, разрыва между своей внутренней сущностью и маской, ролью, разобщенности с людьми и миром, которые передают метафоры «мир — тюрьма без решеток» (Р. Лэйнг), «ходить по тонкому льду» (Л. Бинсвангер).

В группе невротиков обнаружены также более высокие показатели отчуждения в разных сферах жизни, от частных (собственная личность, семья) до более публичных (работа, межличностные отношения, общество), а также в разных формах. С особенностями представленности смысла в каждой из форм отчуждения С. Мадди связывает степени проявления экзистенциального недуга:

— самая тяжелая — в случае вегетативности, «растительного» образа жизни: «На когнитивном уровне люди, страдающие вегетативностью, не могут найти ничего, что казалось бы им интересным и стоящим среди своих занятий — актуальных или возможных, которые они могут себе представить. На эмоциональном уровне вегетативность выражается в постоянной апатии и скуке, прерываемой периодами депрессии, которые возникают все реже и реже по мере того, как нарушение прогрессирует. На уровне действий люди, страдающие вегетативностью, демонстрируют низкий уровень активности, которая кажется им самим и внешне выглядит бессцельной, лишенной определенного направления» [8, 95];

— менее тяжелая — при *бессилии*, отличающемся утратой веры в свою способность влиять на жизненные ситуации, однако при сохранении ощущения их важности [10, 74];

— более легкая — в связи с *нигилизмом*, при котором активность, направленность на смысл приобретают характер отказа от него, парадоксального смысла или антисмысла. Э. Эриксон отмечал подобный феномен в период юношеского кризиса идентичности, когда настоятельная потребность молодых людей в вере выражается громким и циничным неверием [17, 140];

— наиболее легкая — при вантюризме («крусадёрство»). Своеобразный суррогат поиска смысла, соответствующий этой форме отчуждения, обнаруживается в активности, представляющей собой «компульсивный поиск жизненности, вовлеченности в опасные, экстремальные виды деятельности» [10, 74]. «На когнитивном уровне повседневная жизнь кажется авантюристу пустой; жизненностью и важностью обладает для него лишь экстремальный, необычный опыт. На эмоциональном уровне в повседневной жизни авантюрист апатичен и скучает, но возбуждается, тревожится и чувствует себя живым, идя на риск» [8, 95].

Установлено также, что более низкие значения показателей онтологической уверенности и более высокие — отчуждения у невротических пациентов (по сравнению с контрольной группой) проявляются относительно независимо друг от друга: выявлены немногочисленные, в основном слабые обратные связи (всего 10) показателей ОУ и отчуждения (табл. 2).

Переживания опор в пространстве бытия в целом, прежде всего в собственном теле, а также в людях и значимом как индивидуальной ценности (которые могут указывать на воплощенность) снижают субъективное ощущение отчуждения преимущественно в личностной сфере, составляющей ядро индивидуального

Таблица 2

**Взаимосвязи показателей онтологической уверенности с показателями отчуждения
в группе неврогических пациентов (N = 98)**

Методика	Показатели	Сферы отчуждения						Формы отчуждения				Общий показатель			
		от работы	от общества	в межличностных отношениях	от семьи	от личности	ветставность	бессилие	нигилизм	авантюризм					
ОУ (С1)	Переживание бытийных опор:														
	в значимом в Я	-0,07	0,01	-0,05	-0,18	-0,21*	-0,12	-0,12	-0,17	-0,01	-0,12	-0,01	-0,12		
	в теле	0,02	0,07	-0,03	-0,06	-0,12	-0,03	-0,01	-0,06	-0,02	-0,03	-0,02	-0,03		
	в людях	-0,22*	-0,14	-0,11	-0,18	-0,28**	-0,20*	-0,23*	-0,22*	-0,14	-0,22*	-0,14	-0,22*		
	в мире	-0,21*	-0,10	-0,04	-0,07	-0,24*	-0,16	-0,16	-0,15	-0,07	-0,15	-0,07	-0,15		
	Общий показатель	-0,15	-0,04	-0,02	-0,04	-0,18	-0,10	-0,10	-0,11	-0,04	-0,10	-0,04	-0,10		
	Общий показатель	-0,16	-0,05	-0,06	-0,13	-0,26**	-0,15	-0,16	-0,18	-0,07	-0,16	-0,07	-0,16		
ОУ (ПМ)	Переживания автономии, связанности:														
	витальные контакты с миром	-0,03	-0,03	-0,03	0,02	-0,08	-0,05	-0,02	-0,06	0,00	-0,05	0,00	-0,04		
	витальные контакты с людьми	0,05	0,00	0,08	0,01	0,00	-0,01	0,03	-0,02	0,14	0,03	0,14	0,04		
	автономия	-0,02	-0,02	0,01	0,03	0,02	0,05	0,01	-0,02	-0,02	0,01	-0,02	0,01		
	ложное Я (ОН)	0,07	-0,02	-0,05	0,12	0,09	0,04	0,07	0,14	-0,08	0,07	-0,08	0,05		
	Общий показатель	0,00	-0,02	0,02	0,03	-0,03	0,00	0,01	-0,04	0,04	0,01	-0,04	0,00		

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$.

Взаимосвязи показателей онтологической уверенности с показателями отчуждения в контрольной группе (N = 66)

Методика	Показатели	Сферы отчуждения						Формы отчуждения					Общий показатель		
		от работы	от общества	в межличностных отношениях	от семьи	от личности	вегетативность	бессилие	нигилизм	авантюризм					
ОУ (СЛ)	Переживание бытийных опор:														
	в значимом в Я	-0,21	-0,08	-0,32**	-0,27*	-0,27*	-0,24	-0,30*	-0,23	-0,34**	-0,29*				
	в теле	-0,13	-0,16	-0,33**	-0,36**	-0,37**	-0,31*	-0,33**	-0,33	-0,31*	-0,34**				
	в людях	-0,38**	-0,44**	-0,56***	-0,49***	-0,52***	-0,49***	-0,65***	-0,53	-0,58***	-0,60***				
	в мире	-0,12	-0,18	-0,35**	-0,32**	-0,44***	-0,25	-0,45***	-0,28	-0,32**	-0,35***				
Общий показатель	-0,27*	-0,52***	-0,42***	-0,46***	-0,48***	-0,46***	-0,61***	-0,48***	-0,47***	-0,54***	-0,54***				
ОУ (ПМ)	Переживания автономии, связанности:														
	витальные контакты с миром	-0,38**	-0,50***	-0,34**	-0,27*	-0,36**	-0,40***	-0,56***	-0,32**	-0,46***	-0,47***				
	витальные контакты с людьми	-0,27*	-0,07	-0,32**	-0,25*	-0,39**	-0,27*	-0,42***	-0,19	-0,35**	-0,33***				
	автономия	-0,26*	-0,11	-0,16	-0,12	-0,14	-0,13	-0,26*	-0,15	-0,23	-0,20				
	ложнос Я (ОН)	0,39**	0,17	0,64***	0,64***	0,65***	0,60***	0,52***	0,65***	0,62***	0,63***				
Общий показатель	-0,47***	-0,28	-0,58***	-0,51***	-0,60***	-0,54***	-0,64***	-0,51***	-0,63***	-0,62***					

Примечание. * $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$.

бытия. Опора в теле, которое является как частью Я, так и мира, помимо снижения самоотчуждения, предполагает также снижение отчуждения в целом и в ряде его форм (бессилие, нигилизм, вегетативность).

В ходе наблюдения не установлено значимых связей показателя *ложное Я* с отчуждением, что может указывать на специфику и возможное разнообразие его проявлений у невротических пациентов.

В контрольной группе (табл. 3), напротив, установлены множественные отрицательные тесные связи показателей ОУ с показателями отчуждения в различных сферах жизни и формах и положительные связи с ними показателя ложного Я (всего 76), причем 63 связи при $p < 0,001$. Соответственно, более высокие в контрольной группе, чем у невротических пациентов, показатели ОУ как переживания бытийных опор, а также ОУ как связанности с людьми и миром, предполагают снижение и без того менее выраженных в этой группе проявлений отчуждения.

Переживания ОУ обоих уровней в группе имели сходную логику связей с отчуждением в разных сферах жизни, они в первую очередь снижают самоотчуждение, отчуждение в семье и межличностных отношениях, а затем отчуждение в менее приватных сферах (работа и общество). Аналогично переживания ОУ обоих уровней, придающие силы и наполняющие жизнь смыслом, с их ресурсным и объединяющим характером в большей мере снижают бессилие и авантюризм. В несколько меньшей мере они снижают самую сильную форму отчуждения — вегетативность, а также негативизм, которому и без того свойственны пристрастность и вовлеченность (с отрицательным знаком). Из переживаний бытийных опор субъективное ощущение отчуждения более всего снижает уверенность в теле, с его пограничным между Я и не-Я положением.

Обращает на себя внимание, что в отличие от переживаний связанности (витальных контактов с миром и людьми), снижающих отчуждение, переживание автономии по отношению к нему в основном нейтрально. Это может указывать как на проблемный характер ощущения себя в качестве самостоятельной личности, так и на необходимость для подобного ощущения определенной меры отчуждения.

Показатель *ложное Я* также оказался значимо связан с большинством измерений отчуждения в различных сферах жизни и формах, что может свидетельствовать о большей однородности феноменов, соотносимых с отчуждением, которые представлены в контрольной группе.

Выводы

В ходе проведенного исследования нашла подтверждение гипотеза о том, что переживания онтологической уверенности обоих уровней в меньшей мере, а онтологической неуверенности, отчуждения в форме ложного Я в большей мере характеризуют группу невротических пациентов. Полученные в качественной форме выводы исследователей относительно более выраженного отчуждения при неврозе в сравнении с нормой нашли статистическое подтверждение по отношению к сферам жизни, различающимся мерой приватности, а также формам отчуждения, различающимся мерой серьезности экзистенциального недуга.

В группе невротических пациентов более низкие по сравнению с контрольной группой показатели онтологической уверенности и более высокие — отчуждения проявляются относительно независимо друг от друга, в то время как более высокие показатели онтологической уверенности в контрольной группе, вероятно, снижают и без того более низкие показатели отчуждения в разных сферах жизни и формах. Это позволяет заключить, что в основе невротических проявлений лежат онтологическая неуверенность, отчужденность, которые также обнаруживают большее разнообразие проявлений, чем в группе нормы. Сделанные выводы представляются важными для дальнейших исследований, а также разработки возможных направлений терапии и консультирования невротических пациентов.

1. Винникотт Д. Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я // Моск. психотерапевт. журн. 2006. № 1. С. 5–19.
2. Джемс У. Психология. М., 1991.
3. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность : дис. ... д-ра психол. наук. Екатеринбург, 2012.
4. Коптева Н. В. Онтологическая уверенность как экзистенциальное измерение психологического здоровья // Волочков А. А., Коптева Н. В., Попов А. Ю и др. Активность, ценностная направленность и психологическое здоровье студенчества. Пермь, 2015. С. 135–160.
5. Коптева Н. В. Два способа «не быть собой» в концепциях К. Хорни и Р. Лэйнга // Вопр. психологии. 2016. № 3. С. 127–137.
6. Лэнг Р. Д. Расколотое «Я». СПб., 1995.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
8. Мадди Сальваторе Р. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психол. журн. 2005. Т. 26, № 6. С. 87–101.
9. Нидлман Дж. Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Людвига Бинсвангера // Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. М. ; СПб., 1999. С. 17–132.
10. Осин Е. Н., Леонтьев Д. А. Смыслоутрата и отчуждение // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 68–77.
11. Осин Е. Н. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика : дис. ... канд. психол. наук. М., 2007.
12. Перис Б. Предисловие к русскому изданию // Хорни К. Невроз и личностный рост. Борьба за самореализацию. СПб., 1997. С. 5–25.
13. Райкрофт Ч. Тревога и неврозы. М., 2010.
14. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе // Очерк истории психоанализа. СПб., 1999.
15. Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура : избр. тр. Карен Хорни и Эриха Фромма. М., 1995. С. 273–596.
16. Фромм Э. По ту сторону порабащающих нас иллюзий. Дзен-буддизм и психоанализ. М., 2010.
17. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006.
18. Laing R. D. The Divided Self. An Existential Study in Sanity and Madness. Harmondsworth, 2010. 218 p.

Статья поступила в редакцию 16.02.2017 г.

РАБОТОСПОСОБНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЙ ПОКАЗАТЕЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ УЧИТЕЛЯ

В статье рассматривается проблема профессионального здоровья учителя, важным показателем которого является работоспособность. Целью работы было определение особенностей работоспособности учителя как показателя его профессионального здоровья. Результаты исследования могут быть использованы при создании программ повышения квалификации педагогов и организации курсов для студентов вузов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональное здоровье учителя; работоспособность.

Профессиональная деятельность учителя сегодня протекает в сложных условиях. Прежде всего, это высокая стрессогенная нагрузка, обусловленная возрастающими требованиями к личности учителя, изменением его роли в образовательном процессе, утверждением ориентации на творческий, проектный, новаторский подход к работе и т. д. Новые требования к учителю как к специалисту приводят к постоянно возрастающей информационной и интеллектуальной нагрузке. В результате к концу учебного года многие учителя ощущают усталость, опустошенность, раздражительность, социально-профессиональное одиночество, они чувствуют, что не реализовали свои возможности. Это является характерными признаками нарушения профессионального здоровья.

Понятие «профессиональное здоровье» в последнее время начинает активно входить в поле изучения психологии. Здоровье в настоящее время рассматривается как важный ресурс успешной жизни и основной показатель эффективности профессиональной деятельности работника (М. М. Безруких, Т. Н. Горобец, Е. Р. Калитеевская, Л. М. Митина, Г. С. Никифоров, Ю. М. Орлов и др.).

По мнению Г. С. Никифорова, профессиональное здоровье — это интегральная характеристика функционального состояния организма человека по физическим и психическим показателям, где главным показателем и ведущим критерием является работоспособность, отражающая указанные возможности человека [4].

Г. Г. Вербина определяет данный феномен «как систему основных психофизиологических функций, личностных качеств и деятельностных проявлений, сформированность которых является условием и предпосылкой сбалансированного развития профессионального здоровья, и одновременно как личностное качество,

ДОРОГИНА Ольга Ивановна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: dorogina_olga@mail.ru).

ПЕЧЕРКИНА Анна Александровна — кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии образования Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: 79apa@mail.ru).

© Дорогина О. И., Печеркина А. А., 2017

которое обеспечивает интеграцию всех уровней и модальностей внутренней организации человека как целостности» [1, 6].

По мнению Л. М. Митиной, профессиональное здоровье учителя определяется как многоуровневое построение, это «способность организма сохранять и активизировать компенсаторные, защитные, регуляторные механизмы, обеспечивающие работоспособность, эффективность и развитие личности учителя во всех условиях протекания профессиональной деятельности» [2, 117].

Учитывая вышесказанное, профессиональное здоровье учителя определяется нами как состояние организма, обеспечивающее оптимальный для данного вида деятельности уровень работоспособности, компетентность и конструктивное развитие личности на всех этапах ее профессионального роста.

Следует отметить, что работоспособность связывает в естественный комплекс функциональное состояние организма, его изменения в том или ином виде деятельности, физиологическую и психологическую цену этой деятельности, эффективность профессиональной деятельности и, соответственно, психическое, физическое и социальное благополучие [3]. Из этого следует, что работоспособность является важным показателем профессионального здоровья учителя.

В «Психологическом словаре» работоспособность определена как потенциальная способность человека на протяжении заданного времени и с определенной эффективностью выполнять максимально возможное количество работы [5].

В связи с этим мы определяем работоспособность учителя как его потенциальную способность на протяжении урока, учебного дня, недели, года с определенной эффективностью выполнять максимально возможное количество работы (проведение уроков, организация факультативных занятий, воспитательные мероприятия, организация классного коллектива и педагогически целенаправленное управление его деятельностью и т. д.).

В большинстве проанализированных нами теоретических и практических работ отечественных исследователей, посвященных изучению работоспособности, чаще всего рассматриваются профессии, где содержание деятельности носит либо экстремальный (А. А. Благинин, В. А. Бодров, И. Д. Кудрин, Ю. Е. Лях, В. А. Пономаренко и др.), либо монотонный (И. Ф. Сараев, Л. П. Степанова, М. В. Фролов и др.) характер. Применительно к образовательной среде большая часть работ посвящена изучению работоспособности не учителей, а учащихся (А. Ф. Лазурский, В. Г. Пускина и др.).

Анализ работ G. Freude, R. Seibt, E. Pech, P. Ullsperger показал, что в Германии работоспособность учителей изучалась в контексте исследований условий труда (чем лучше оснащение школ, тем больше удовлетворенность учителей и выше работоспособность), индивидуальных ресурсов (хорошая физическая форма учителей соответствует их высокой работоспособности, а плохая физическая форма и наличие лишнего веса — низкой работоспособности, особенно у возрастных учителей) [6].

В работах R. Seibt, D. Heduschka, S. Spitzer описана работоспособность учителей в связи с факторами их здоровья [9]. R. Seibt сравнивал работоспособность учителей с другими группами работающих [7]. При этом было установлено, что

у молодых учителей уровень работоспособности такой же, как и у других служащих, но у возрастных учителей отчетливо хуже. Для учителей в возрасте характерен синдром выгорания, испытывают постоянную усталость и недомогание. Из-за шумовой нагрузки у них быстро снижается слух, кроме того, они часто жалуются на высокую голосовую нагрузку [8].

Таким образом, в отечественной науке работоспособность учителей не является объектом пристального внимания. За рубежом основной акцент делается на анализе материального оснащения школ, дисбаланса между приложенными учителями усилиями и их вознаграждением, факторами соматического здоровья учителей. Достаточно много внимания уделяется рассмотрению здоровья учителей на законодательном уровне, но исследований по этой теме мало.

Методы и дизайн исследования. Цель исследования — определить особенности работоспособности как показателя профессионального здоровья учителя.

В эмпирическом исследовании были использованы следующие методики: методика диагностики работоспособности (тест Э. Ландольга) и таблицы А. М. Вейна для определения направленности вегетативных реакций и характера симпатико-парасимпатических взаимоотношений.

В исследовании принимали участие учителя общеобразовательных школ г. Екатеринбурга (360 человек). Все участники исследований — женщины в возрасте от 25 до 62 лет.

Результаты исследования. На первом этапе исследования определялся уровень работоспособности учителей. Установлено, что низкие параметры работоспособности выявлены у 26 % учителей, средние — у 42 %, высокие — у 32 %.

Учителя с низким уровнем работоспособности имеют различные сочетания низких или средних показателей продуктивности, выносливости, точности и надежности. Это проявляется в инертности нервной системы, в связи с чем учителя имеют ограниченные возможности работать с высокой скоростью, они могут действовать только в спокойной обстановке и допускают ошибки в работе.

Педагоги со средним уровнем работоспособности имеют различные сочетания низких показателей продуктивности, выносливости, точности и надежности. Это проявляется либо в высокой скорости работы и высоком уровне ошибок, либо в безошибочности работы и низкой скорости ее выполнения.

Педагоги с высоким уровнем работоспособности характеризуются различным сочетанием высоких и выше среднего показателей продуктивности, выносливости, точности и надежности. Это проявляется в способности выполнять большое количество работы в заданное время и высокой устойчивости к помехам в педагогической деятельности.

Продуктивность (Рт) — это количество работы (информации), выполненной (переработанной) в единицу времени. 32 % учителей, имеющих высокий уровень продуктивности, могут выполнять рабочие операции в повышенном темпе, успешно справляются со сложными алгоритмическими операциями, особенно скоростными. Учителя с низкой продуктивностью (4 %) со скоростной работой

справляются плохо. Им необходим индивидуальный подход к деятельности, включающий различные подготовительные приемы, позволяющие выполнять работу в не слишком быстром для них темпе. Проявить свои сильные стороны (способности, умения, навыки и др.) они могут только в спокойной обстановке, действуя в размеренном режиме.

Коэффициент выносливости (Кр) определяет способность человека к длительному поддержанию выявленного уровня продуктивности, без признаков утомления, снижающего скорость деятельности. Косвенно характеризует силу нервного возбуждательного процесса, выносливость нервных клеток к длительному действию раздражителя. У 24 % учителей определен высокий коэффициент выносливости, что проявляется в устойчивости к помехам в работе. 62 % учителей имеют низкий уровень выносливости, поэтому они более эффективно могут выполнять довольно стабильную, хорошо известную работу, при умеренной интенсивности поступления новой информации. Их низкую выносливость может компенсировать индивидуальный стиль деятельности, предполагающий многократный кратковременный отдых в течение рабочего дня, который будет препятствовать наступлению сильного утомления, а также ограничение физической активности, что вполне приемлемо для учителей.

Показатель средней точности (Ат) определяет способность человека к безошибочному выполнению деятельности и косвенно характеризует дифференцированное торможение в центральной нервной системе. У 12 % учителей уровень показателя средней точности высокий, у 58 % — низкий. Низкие значения этого показателя можно объяснить тем, что в педагогической деятельности он не имеет первостепенного значения, так как к урокам учителя готовятся заранее и допущенные ошибки могут скорректировать в процессе взаимодействия с учащимися.

Показатель надежности (Та) определяет вероятность поддержания заданной эффективности деятельности в течение заданного времени. У 8 % учителей показатель надежности высокий, у 62 % — низкий. Высокие показатели надежности проявляются в стабильной продуктивности, не изменяющейся до окончания работы, а низкие показатели надежности — в постепенном или резком ее снижении.

Таким образом, у 62 % учителей зафиксировано постоянное падение продуктивности, которое начинается практически с первых занятий, и при среднем или низком уровне точности это свидетельствует о раннем развитии признаков утомления.

На втором этапе с целью идентификации индивидуально-устойчивых физиологических свойств нервной системы проводилась оценка тонуса вегетативной нервной системы.

Энергетическое обеспечение психической деятельности на физиологическом уровне зависит от типа вегетативной регуляции. Все органы и системы организма находятся под регулирующим воздействием нервной системы, и прежде всего ее вегетативного отдела. Вегетативная нервная система вместе с корковыми структурами и рядом эндокринных желез (гипофиз, надпочечник и др.) принимает непосредственное участие в адаптации организма, регулирует реакции на любые стрессорные воздействия. Симпатический отдел вегетативной нервной системы

регулирует преимущественно адаптационно-трофические процессы в ситуациях, требующих напряженной психической и физической деятельности.

При стрессах, наряду с высокой активностью симпатической нервной системы, повышается активность гипофиза и надпочечников, активизируются процессы обмена, усиливается катаболизм, происходят мобилизация энергетических ресурсов, соответствующие сдвиги гомеостаза, сердечно-сосудистой, дыхательной и других систем. Все это направлено на адаптацию организма. Соответственно, расстройство вегетативного обеспечения нарушает адаптацию человека.

Парасимпатический отдел вегетативной нервной системы проявляет свою основную функцию вне периода напряженной активности организма, преимущественно в период «отдыха», и регулирует анаболические процессы, инсулярный аппарат, функции пищеварения, опорожнения полых органов, способствует поддержанию постоянства гомеостаза. Функционирование симпатического и парасимпатического отделов нервной системы происходит в тесном и постоянном взаимодействии.

Определение исходного вегетативного тонуса осуществлялось с помощью таблиц Вейна. Данные диагностики исходного вегетативного тонуса представлены в таблице.

Показатели исходного вегетативного тонуса по таблицам Вейна

Тонус вегетативной нервной системы	Количество респондентов, % от общего числа группы ($n = 360$)
Преобладание симпатического тонуса	46
Преобладание парасимпатического тонуса	34
Нормотония	20

В группе учителей высокий тонус симпатической нервной системы наблюдается у 46 %. Это указывает на напряженность в психической и физической деятельности, включение механизмов адаптации к стрессам. Нормотония определялась в 20 % случаев, преобладание тонуса парасимпатической нервной системы — в 34 %. Это указывает на более экономный, выгодный для организма режим жизнедеятельности.

Согласно полученным результатам, у учителей преобладает тонус симпатической нервной системы. Можно предположить, что определенные психофизиологические особенности организма могут быть характерны для различных типов профессий, а также вырабатываться в ответ на требования, предъявляемые той или иной профессией. У учителей с высоким уровнем работоспособности преобладание симпатического тонуса значительно выше ($z = 2,84$; $p = 0,005$), чем у учителей со средним и низким уровнем работоспособности. Таким образом, в нормализации эмоционального состояния нуждаются не только учителя с низким уровнем работоспособности, но и с высоким.

Выводы и рекомендации

На основании проведенного исследования установлено:

1. Учителя с высоким уровнем работоспособности характеризуются сочетанием высоких или выше среднего показателей продуктивности, выносливости, точности, надежности. Обладают высокой скоростью протекания мыслительных процессов, процессов переработки информации, способны выполнять большое количество работы в единицу времени, проявляют большую устойчивость к помехам в деятельности. Хорошая результативность по этим параметрам позволяет предположить наличие силы воли, внимания, а также способностей к длительному сосредоточению, саморегуляции и внутренней дисциплине.

Учителя с низким уровнем работоспособности характеризуются либо низкими показателями продуктивности, выносливости, точности, надежности, либо сочетанием высоких или выше среднего показателей точности, надежности с низкими показателями продуктивности и выносливости. Представители этой группы, скорее всего, не способны к волевому усилию, неаккуратны, внутренне неуравновешенны, не уверены в себе. Инертность их нервной системы ограничивает возможности формирования скоростного навыка, действовать они могут только в спокойной обстановке. Склонны допускать большое количество ошибок.

Учителя со средним уровнем работоспособности характеризуются средними показателями продуктивности, выносливости, точности и надежности. Сочетание таких параметров свидетельствует об ориентации преимущественно на высокую скорость, результативность работы или же на безошибочность работы. При наличии возможности работать в индивидуальном темпе они могут наиболее полно раскрыть свои способности.

2. У учителей преобладает симпатической тонус нервной системы, особенно у тех, у кого наблюдается высокая работоспособность.

3. Для обеспечения сохранения профессионального здоровья особое внимание необходимо обратить на учителей с низкой работоспособностью, так как они нуждаются в более частых перерывах, переключении внимания, в смене содержания деятельности, адекватной психологической разрядке. Следует способствовать развитию у них эмоциональной устойчивости, контролируемости эмоций, самоконтроля, уменьшать чувство тревожности.

1. *Вербина Г. Г.* Психолого-акмеологическая концепция развития профессионального здоровья специалиста : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Тамбов, 2011. 52 с.

2. *Митина Л. М.* Психология профессионального развития учителя. М., 1998. 200 с.

3. *Москвина М. В.* Теория и практика психологического здоровья для педагогов всех типов образовательных учреждений : учеб. пособие. М., 2013. 324 с.

4. Психология здоровья : учебник для вузов / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2006. 607 с.

5. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996. 440 с.

6. *Freude G., Seibt R., Pech E., Ullsperger P.* Arbeitsfähigkeit und Stress bei Lehrern – Untersuchungen zu arbeitsbedingten und individuellen Risiken und Ressourcen // Ergo Med. 2004. Vol. 1.

7. Seibt R., Steputat A., Druschke D., Scheuch K. Altersbezogene Effekte mentaler Leistungsfähigkeit und deren Zusammenhang zu personenbezogenen Merkmalen bei Lehrerinnen // Gesundheitswesen. 2014. Vol. 76. P. 1–7.

8. Seibt R., Spitze S., Druschke D., Scheuch K., Hinz A. Predictors of mental in female teachers // Int. J. Occup. Med. Environ. Health. 2013. Vol. 26, № 6. P. 556–869.

9. Seibt R., Spitzer S., Druschke D. Effects of work — and personal-related factors on mental health in the teaching profession // Eur. J. Pub. Health. 2013. Vol. 22, suppl. 2. P. 129–130.

Статья поступила в редакцию 02.03.2017 г.

УДК 159.9.072.53 + 378.115.15

И. В. Васильева
П. Е. Григорьев

ВОСПРОИЗВОДИМОСТЬ РЕЗУЛЬТАТОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ИНТУИЦИИ*

Изучалась воспроизводимость интуиционных феноменов посредством организации двух отставленных по времени замеров (3 месяца) на одной и той же выборке. Экспериментальное исследование организовано с использованием серий негативных, позитивных и эмоционально нейтральных фотографий. Экспериментальная выборка: 41 студент вуза. Выявлено сохранение тенденций в распределении интуитивно предсказываемых изображений. При этом в данной выборке девушки значимо чаще предсказывают позитивные стимулы, юноши — негативные. Полученные данные могут послужить отправным пунктом для дальнейших работ в области проверки воспроизводимости психических явлений, прежде всего интуиции.

К л ю ч е в ы е с л о в а: воспроизводимость; интуиция; студенты; аффективные изображения; пол; базовые потребности.

Постановка проблемы. Традиционными критериями научного исследования полагаются воспроизводимость, верифицируемость процедуры, размер эффекта и статистическая значимость полученных результатов. Однако несмотря на то,

* Авторы благодарят участников заседания лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН, г. Москва (18.01.2016) за ценные замечания относительно потенциальных рисков в проверке воспроизводимости исследований интуиции.

ВАСИЛЬЕВА Инна Витальевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета, доцент кафедры кадрового и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД РФ (e-mail: innavitalievnasilieva@gmail.com, i.v.vasileva@utmn.ru).

ГРИГОРЬЕВ Павел Евгеньевич — доктор биологических наук, доцент, заведующий кафедрой медицинской физики и информатики Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (г. Симферополь), профессор кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета (e-mail: grigorievpe@cfuv.ru).

что многие психологи-исследователи уже работают в постнеклассической парадигме, тем не менее к психологическим феноменам, механизмы которых до конца не ясны, по-прежнему применяются требования исключительно классической, картезианской парадигмы в ее наиболее строгом, ригидном варианте.

Недавно, в 2015 г., В. А. Nosek [16] реализовал крупномасштабный проект по репликации психологических исследований. Экспертами для дальнейшего анализа были отобраны исследования, опубликованные в журналах «Psychological Science», «Journal of Personality and Social Psychology», «Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition»; введены критерии оценки соответствия оригинального исследования и репликации. В итоге даже при условии сотрудничества исследователей, проводящих репликацию, и авторов оригинальной работы «средний размер эффекта эффектов репликации ($M_r = 0,197$, $SD = 0,257$) оказался в два раза меньше величины среднего эффекта размера исходных эффектов ($M_r = 0,403$, $SD = 0,188$), что представляет собой существенное снижение» [16, 5]. Несмотря на неутешительные показатели воспроизводимости, группа исследователей из организации «Center for Open Science» (США) сделала вывод о необходимости проведения репликаций, поскольку они указывают на потенциальные пути улучшения научных исследований. В частности, сделан вывод о том, что наиболее значимым параметром воспроизводимости является уровень статистической значимости, в сравнении с параметрами опыта и квалификации авторов эксперимента.

На данную работу поступили комментарии, защищающие психологию от обвинений в «кризисе воспроизводимости» [12]. Авторы указывают на то, что В. А. Nosek при проведении анализа использовал критерий, не учитывавший ошибки в данных; был выбран недостаточно мощный дизайн для оценки истинного размера эффекта репликации, допускались нарушения в организации экспериментальных процедур, приведшие к невоспроизводимости данных. W. Stroebe и F. Strack [18] полагают необоснованными заявления о «кризисе воспроизводимости», поскольку репликации в большей части ориентируются на воспроизведение собственно феномена, а не его механизмов.

Главный редактор журнала «Science» предложила внести в редакционную политику изменения, которые позволят убедить читателей в достоверности представляемой в журнале информации: во-первых, привлечь экспертов в области статистики для оценки качества статей; во-вторых, потребовать от авторов предоставления материалов, удостоверяющих приводимые в статье данные [14].

Исследователи предлагают следующие меры по улучшению воспроизводимости: отслеживание репликаций уже опубликованных исследований посредством создания базы открытого доступа к репликациям [12]; контроль над реализацией условий, отражающих измеряемый концепт [18]; использование подхода в мета-анализе, подразумевающего его постоянное пополнение данными (the continuously cumulating meta-analytic approach) [8].

В последние годы работы в областях, «заметавшихся» мейнстримной психологией и нейронауками «под ковер» и поэтому бывших в основном вотчиной парапсихологии (как то: прекогниция, некоторые аспекты явления интуиции

и т. п.), постепенно завоевывают статус научных [9], т. е. отвечающих традиционным критериям научного исследования, и в первую очередь воспроизводимости, на что сейчас направлены основные усилия академических исследователей (P. E. Tressoldi, D. J. Vem, L. Storm, J. Utts, J. Mossbridge и др.) [6, 7, 15, 17]. Такие исследования особенно актуальны сегодня, поскольку расширяют междисциплинарные связи физики, биологии, медицины и психологии, выводят последнюю на новый уровень общенаучного знания.

Так, один из выдающихся психологов современности, автор признанных работ в социальной психологии, в частности теории самопонимания, Daryl Bem реализовал следующий способ проверки воспроизводимости своих резонансных исследований в области прекогниции/интуиции. Независимые лаборатории из разных стран проводили исследования, основанные на парадигме D. Bem. В исследовании D. Bem [6] было реализовано четыре типа экспериментов для выявления особенностей интуитивных феноменов: прекогнитивное приближение — избегание (precognitive approach and avoidance), ретроактивный прайминг (retroactive priming), ретроактивное привыкание (retroactive habituation), ретроактивное облегчение припоминания (retroactive facilitation of recall).

В результате метаанализа 90 экспериментов было показано, что воспроизведение разных экспериментальных схем при исследовании прекогниции и других интуитивных феноменов было успешнее в том случае, если экспериментаторы не отклонялись от авторской процедуры [7].

Частично воспроизводимость интуитивной деятельности (как и других методик, в частности личностных опросников) может быть проверена, когда одна и та же выборка испытуемых выполняет экспериментальное задание повторно спустя достаточно длительное время, чтобы свести к минимуму эффект привыкания и сравнить полученные профили результатов. Это также позволяет нивелировать часть психологических индивидуальных эффектов, которые могут оказать влияние на воспроизводимость результатов в том случае, если сравнение проводится только между выборками, гомогенными по полу и возрасту. Однако при этом все равно остаются неучтенными такие параметры, как неповторяемость психических (эмоциональных и функциональных) состояний испытуемых, степень мотивированности на выполнение задания, а также крайняя степень изменчивости актуализации интуитивных эффектов, что не дает возможности ставить репликацию интуитивного эксперимента на одной выборке в один ряд с повторным прохождением стандартных методик (например, личностных опросников) и ожидать таких же показателей ретестовой надежности.

Есть указания на то, что для разных областей наук о человеке должны быть разные требования к воспроизводимости (например, в психологии развития и в поведенческих науках, в частности прикладной экономике); при этом речь идет не о снижении достоверности предоставляемых результатов, а о вариациях в размерах эффектов [11]. Все чаще можно встретить мнение, что воспроизводимость в психологических исследованиях не является тем критерием научности, на который необходимо приоритетно ориентироваться [5]; «...с методологических позиций постнеклассической науки можно говорить о новых нормах научности

в психологии, прежде всего таких, как диалогичность, плюралистичность, множественность истин, нестабильность как свойство систем» [3, 99].

В. Н. Бинги [1] вводит представление о методологии невоспроизводимости как в физике, так и в психологии на основе «неполной реализации методологического принципа объективности — разделения объекта и субъекта исследования... что означает допустимость влияния сознания экспериментатора на результат измерений» [1, 508]. В психологических исследованиях интуиции данная методология заслуживает особого внимания.

Цель экспериментальной части нашего исследования — анализ воспроизводимости исследования интуиции с определением возможности дальнейших перспектив использования и развития предлагаемого метода.

Под интуицией понимается интегральный психический феномен, который реализуется через активацию бессознательного мышления и восприятия доминирующими потребностями, модифицированными актуальными психологическими защитами, и обусловлен индивидуально-психологическими характеристиками субъекта и контекстно-ситуативными параметрами деятельности.

Проверяемая гипотеза: распределение интуитивных предсказаний аффективных стимулов будет иметь ту же форму во втором эксперименте, что и в первом.

Характеристика участников эксперимента. В эксперименте участвовали студенты Медицинской академии Крымского федерального университета. Исследование проводилось на выборке в количестве 41 испытуемого, из них 10 юношей, 31 девушка, возрастной диапазон — 19–21 лет.

Исследование проводилось посредством авторского программного обеспечения «Антиципация аффективных стимулов» (авторы П. Е. Григорьев, И. В. Васильева, программист А. А. Таратухин) [2].

В качестве показателя интуиции выступала частота интуитивного предсказания каждого типа стимулов: нейтральных, позитивных, негативных.

Временной интервал между измерениями интуиции составил около трех месяцев. Первое измерение производилось в сентябре 2015 г., повторное измерение — в декабре 2015 г.

В качестве математико-статистических методов обработки информации использовали описательные статистики, статистические критерии с двусторонней критической областью: биномиальный и угловое преобразование Фишера.

Результаты исследования и их обсуждение

Статистика и анализ данных. Результаты первого и повторного тестирования представлены отдельно для разнополюх испытуемых на рис. 1. В качестве признака воспроизводимости полагаем сохранение аналогичного распределения интуитивных выборов стимулов соответствующих категорий.

Среди девушек в первом и втором тестированиях минимальны частоты предсказаний нейтральных стимулов и максимальны — позитивных, при этом частота предсказаний негативных стимулов в обеих сессиях ближе к нейтральным показателям.

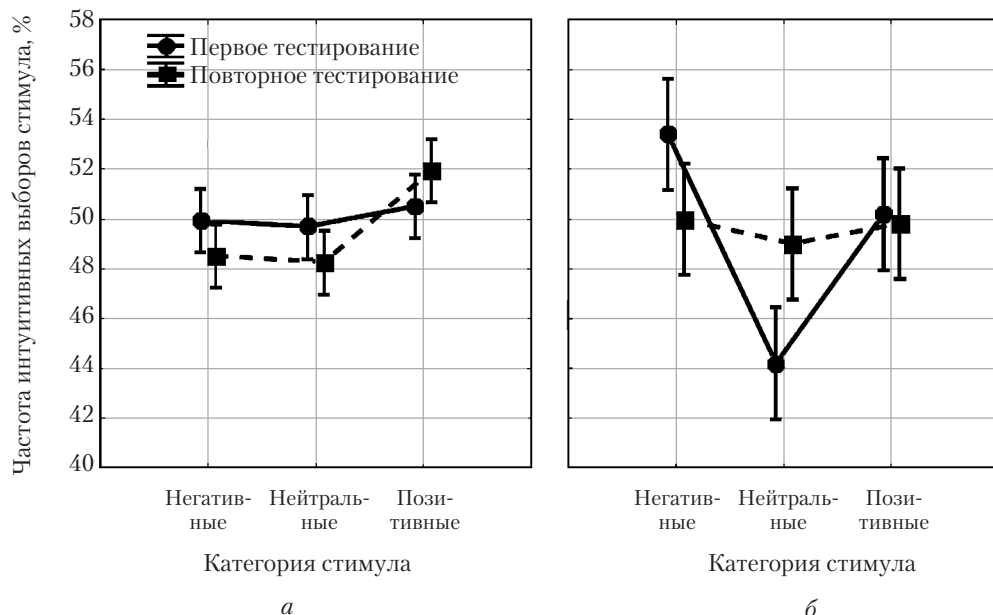

Рис. 1. Распределение интуитивных выборов стимульных фотографий разных категорий среди испытуемых разного пола в первом и повторном тестировании:

a — женщины; *б* — мужчины

Распределение в обоих тестированиях также сохраняется одинаковым для юношей. Минимальна частота предсказаний нейтральных стимулов, максимальна — негативных стимулов, и частота предсказания позитивных стимулов приближается к частоте предсказания негативных.

Несущественные различия в распределениях у лиц разного пола не следует считать фактором невоспроизводимости, поскольку мы изначально полагаем возможность получения разных результатов в зависимости от пола.

Неполное совпадение абсолютных значений частот предсказаний у лиц разного пола в обоих тестированиях, с нашей точки зрения, также вторично в оценке воспроизводимости, в сравнении с тем, что сохраняется их распределение. В этом состоит полуквантитативный характер оценивания интуиционных исследований, которые, как правило, показывают небольшой размер эффекта [7, 15]. Важнее всего именно сохранение его распределения, тенденций, что и показывает наш предварительный эксперимент по оценке воспроизводимости, также это было установлено в нашем исследовании с использованием других методик оценки интуиционной деятельности [4].

При объединении всех подвыборок и результатов обоих тестирований (рис. 2) получаем результат 50,93 %, подобный полученному D. Bem [6] в отношении максимальности частоты предсказаний позитивных (эротических) изображений на выборке американских студентов.

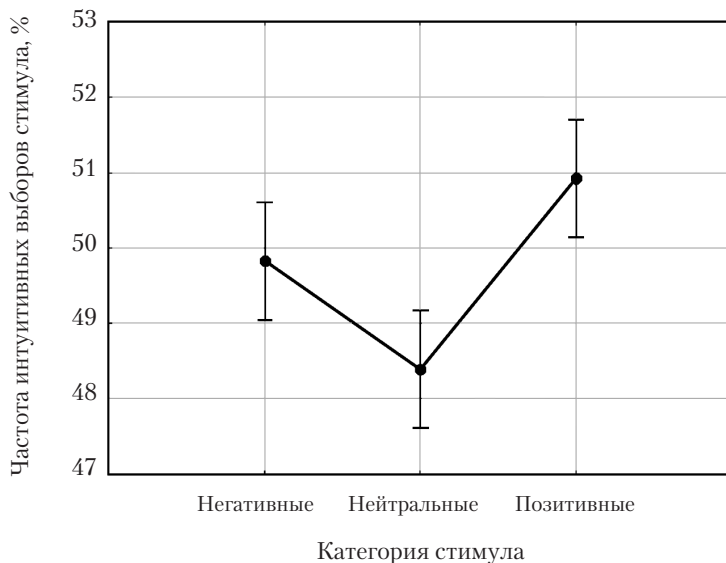

Рис. 2. Распределение интуитивных выборов стимульных фотографий разных категорий (объединенная выборка двух тестирований и всех испытуемых)

Меньший размер эффекта по сравнению с эффектом, установленным D. Вем [6], может отражать как особенности исследуемой выборки, так и влияние ситуативных факторов. Однако мы наблюдаем принципиально схожую тенденцию к максимуму предсказания позитивных изображений российскими студентами в обоих исследованиях по общей выборке.

При этом различия в долях предсказаний позитивных и негативных стимулов являются статистически значимыми по критерию «Угловое преобразование Фишера» на уровне значимости $p = 0,023$, а значения частоты предсказаний негативных стимулов (48,39 %) значимо отличаются от ожидаемых 50 % внутри категории ($p = 0,041$ по биномиальному критерию).

Оценивая результаты выборки в целом, можно сказать, что испытуемые реже предсказывают нейтральные изображения, поскольку, в отличие от аффективных стимулов, они не несут значимой прогностической информации для жизнедеятельности индивида, не требуют актуализации защитных возможностей или активации базовых потребностей, а значит, могут быть проигнорированы механизмами антиципации.

Что же касается аффективных изображений в данном случае, прежде всего — позитивных, то для молодого возраста такие изображения будут иметь притягательную силу и биологическую значимость, что, скорее всего, и объясняет их наибольшую относительную частоту предсказаний как в нашем исследовании, так и, в большей степени, — в экспериментах D. Вем. Вероятно, полученный им больший эффект связан с культурными и региональными различиями. В настоящем

исследовании на крымской выборке наблюдается следующий паттерн: девушки чаще предсказывают позитивные изображения. Возможно, это связано с региональными особенностями гендерного поведения. Так, М. Н. Дубовенко и В. М. Белов [5] в масштабном исследовании показали, что в юго-западном регионе бывшего СССР (в основном юг Украины, Крым) молодые девушки в целом более активны в отношении поиска партнера и в целом сильнее озабочены наличием романтических отношений с лицами противоположного пола, чем юноши.

Выводы

1. Мы предлагаем полуколичественный метод репликации исследований интуиции, основанных на анализе форм распределений и паттернов исследуемых показателей, при этом необходим дополнительный содержательный анализ причин кажущейся невоспроизводимости, которые на деле могут оказаться факторами, устойчиво влияющими на поведение исследуемой системы.

2. Показано сохранение тенденций в интуиционной деятельности в двух разделенных во времени на 3 месяца экспериментальных исследованиях предсказаний аффективных стимулов (негативные, нейтральные, позитивные) среди лиц юношеского возраста, гетерогенных по полу.

3. Независимо от пола, в обоих экспериментах частота предсказаний нейтральных стимулов значимо меньше как ожидаемых теоретически 50 %, так и частоты предсказаний позитивных стимулов в целом по группе, что в целом согласуется с результатами оригинального исследования D. Bem и метаанализа 90 экспериментов, реплицирующих его исследования.

-
1. *Бинги В. Н.* Принципы электромагнитной биофизики. М., 2011. 592 с.
 2. *Васильева И. В., Григорьев П. Е., Таратухин А. А.* Компьютерное обеспечение исследований интуиции // Современная психодиагностика России. Преодоление кризиса: материалы III Всерос. конф. по психол. диагностике, Челябинск, 9–11 сент. 2015 г. Челябинск, 2015. Т. 1 С. 45–48.
 3. *Вачков И. В., Вачкова С. Н.* Воспроизводимость психологических экспериментов как проблема постнеклассической науки // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 1. С. 97–101. doi:10.17759/chp.2016120110.
 4. *Григорьев П. Е., Васильева И. В., Заева М. А. и др.* Разведочный анализ факторов интуиции. Ч. 2 // Пространство и время. 2015. № 3 (21). С. 342–349.
 5. *Дубовенко М. Н., Белов В. М.* Концептуальный алгоритм классификации психологических проблем пользователей на основе приложений в социальных сетях // Кибернетика и вычислительная техника. 2011. Вып. 165. С. 3–15.
 6. *Bem D. J.* Feeling the Future: Experimental Evidence for Anomalous Retroactive Influences on Cognition and Affect // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. Vol. 100. P. 407–425. doi:10.1037/a0021524.
 7. *Bem D., Tressoldi P., Rabeyron T., Duggan M.* Feeling the future: A meta-analysis of 90 experiments on the anomalous anticipation of random future events // F1000Research. 2015. Vol. 4. P. 1188. doi: 10.12688/f1000research.7177.1
 8. *Braver S. L., Thoemmes F. J., Rosenthal R.* Continuously cumulating meta-analysis and replicability // Perspectives on Psychological Science. 2014. № 9. P. 333–342. doi: 10.1177/1745691614529796.

9. *Cardeña E.* A call for an open, informed study of all aspects of consciousness // *Frontiers in Human Neuroscience*. 2014. Vol. 8. P. 17. doi: 10.3389/fnhum.2014.00017.
10. *Hartshorne J. K., Schachner A.* Tracking Replicability as a Method of Post-Publication Open Evaluation // *Frontiers in Computational Neuroscience*. 2012. Vol. 6, № 8. doi.org/10.3389/fncom.2012.00008.
11. *Duncan G. J., Engel M., Claessens A., Dowsett C.J.* Replication and robustness in developmental research // *Developmental Psychology*. 2014. Vol. 50 (11). P. 2417–2425. doi: 10.1037/a0037996.
12. *Gilbert D. T., King G., Pettigrew S., Wilson T. D.* Comment on “Estimating the reproducibility of psychological science” // *Science*. 2016. Vol. 351, iss. 6277. P. 1037. doi: 10.1126/science.aad7243
13. *Lang P. J., Bradley M. M., Cuthbert B. N.* International affective picture system (IAPS): Affective ratings of pictures and instruction manual. Technical Report A-8. Gainesville, FL, 2008.
14. *McNutt M.* Reproducibility // *Science*. 2014. Vol. 343, iss. 6168. P. 229. doi: 10.1126/science.1250475.
15. *Mossbridge J., Tressoldi P. E., Utts J.* Predictive physiological anticipation preceding seemingly unpredictable stimuli: a meta-analysis // *Frontiers in Psychology*. 2012. Vol. 3. P. 390. doi: 10.3389/fpsyg.2012.00390.
16. *Nosek B. et al.* Estimating the reproducibility of psychological science // *Science*. 2015. Vol. 349, iss. 6251. doi: 10.1126/science.aac4716.
17. *Storm L., Tressoldi P. E., Di Risio L.* Meta-analysis of ESP studies, 1987–2010: assessing the success of the forced-choice design in parapsychology // *Journal of Parapsychology*. 2012. Vol. 76 (2). P. 243–274. doi: 10.1037/a0019457.
18. *Stroebe W., Strack F.* The Alleged Crisis and the Illusion of Exact Replication // *Perspectives on Psychological Science*. 2014. Vol. 9 (1). P. 59–71. doi: 10.1177/1745691613514450.

Статья поступила в редакцию 17.01.2017 г.

ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ ВАЛИДНОСТЬ МЕТОДОВ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

Целью работы является оценка прогностической валидности методов самоотчета, наблюдения и проективного тестирования при изучении связи между успешностью выполнения экспериментальных заданий и данными о текущем состоянии испытуемых, полученными с помощью этих методов. По результатам проведенного исследования были сделаны следующие выводы. Наименее полезными с точки зрения их прогностической ценности оказались данные, полученные с помощью метода самоотчета. Прогностическая валидность метода наблюдения оказалась тесно связанной с уровнем квалификации наблюдателя. Самой высокой прогностической точностью обладали результаты, полученные с помощью метода проективного тестирования.

К л ю ч е в ы е с л о в а: психические состояния; методы изучения психических состояний; наблюдение; эксперимент; самоотчет; проективные методы.

Постановка проблемы. Как отмечают Л. В. Куликов [5] и А. О. Прохоров [7], психические состояния являются важной частью психической регуляции и напрямую влияют на все стороны поведения и деятельности человека. Особенно важно изучение психических состояний человека, действующего в сложных условиях деятельности [9]. Это связано с тем, что состояния могут оказывать как положительное, так и негативное влияние на эффективность его деятельности. В одних случаях они мобилизуют, помогают справиться с трудностями, в других случаях оказывают противоположное влияние [3, 11]. Поэтому особое значение приобретают методы оценки и диагностики психических состояний, позволяющие спрогнозировать, как поведет себя в сложной ситуации человек, испытывающий то или иное состояние.

В целом по результатам анализа релевантной литературы методы оценки и изучения психических состояний могут быть объединены в следующие основные группы:

- 1) наблюдение и эксперимент;
- 2) методы самоотчета;
- 3) проективные методы [4, 6–8 и др.].

Эти методы, как по отдельности, так и в различных сочетаниях друг с другом, активно используются в целях диагностики психических состояний. Но здесь встает один важный вопрос: насколько результаты диагностики текущего состояния, полученные при помощи этих методов, способны помочь спрогнозировать последующее поведение и результативность деятельности человека, испытывающего это состояние? Иными словами, какова прогностическая валидность методов

изучения психических состояний, под которой понимается предсказательная сила этих методов [1]?

В связи с этим **целью** данной работы является установление прогностической валидности методов самоотчета, наблюдения и проективного тестирования при изучении связи между успешностью выполнения экспериментальных заданий и данными о текущем состоянии испытуемых, полученными с помощью этих методов.

Процедура и методы исследования

Выборку исследования составили курсанты юридического института МВД в количестве 37 человек. Возраст испытуемых — от 18 до 26 лет, средний возраст — 20 лет. Из них 14 мужчин и 23 женщины.

В соответствии с поставленной целью план исследования включал в себя следующие этапы и элементы:

1) на первом этапе моделировалась ситуация, в которой от испытуемых требовалось выполнять различные задания в сложных условиях деятельности;

2) перед началом выполнения заданий была проведена диагностика текущего состояния испытуемых с помощью перечисленных ниже методов;

3) далее испытуемые переходили к выполнению предложенных заданий, правильность выполнения которых тщательно фиксировалась;

4) на завершающем этапе были сопоставлены результаты диагностики состояний с результатами выполнения заданий.

В исследовании были использованы следующие группы методов изучения психических состояний.

1. *Эксперимент.* В строгом смысле этот метод использовался не для оценки состояний, а для моделирования сложной, эмоциогенно насыщенной ситуации. Было организовано испытание, в ходе которого от испытуемых требовалось выполнить ряд различных когнитивных проб и заданий на память, внимание, сообразительность на фоне интенсивной физической нагрузки — бега. Например, нужно было запомнить словесный портрет человека или набор не связанных между собой цифр, выполнить в уме ряд арифметических действий и т. п. Испытание проходило на стадионе. Испытуемым выдавались задания, после чего они должны были пробежать один круг по стадиону и за это время выполнить предложенные задания. По возвращении с круга испытуемые сообщали результаты выполнения заданий, получали новые задания и сразу уходили на следующий круг. Всего эксперимент включал в себя пять серий заданий. Для усиления сложности ситуации испытуемым не сообщалась информация ни о количестве заданий, ни о времени и дистанции бега. Показателем успешности деятельности выступало общее количество правильно выполненных экспериментальных заданий.

2. *Самоотчет.* Для субъективного отчета о текущем состоянии испытуемым было предложено оценить у себя степень выраженности следующих состояний:

1) уверенность;

2) сосредоточенность;

- 3) заинтересованность;
- 4) активность;
- 5) спокойствие;
- 6) усталость;
- 7) тревога;
- 8) печаль;
- 9) злость;
- 10) скука [10].

Состояния оценивались по 5-балльной шкале, где 1 балл означает минимальную, 5 баллов — максимальную степень выраженности состояния.

3. *Наблюдение.* Для проведения наблюдения за состояниями испытуемых была разработана карта наблюдения. В качестве категорий наблюдения были использованы критерии оценки состояний человека, которому предстоит действовать в сложных условиях деятельности [2]. В соответствии с этими критериями в карту были включены следующие категории и подкатегории:

1) мимика:

а) положительные мимические реакции (выражения лица, отражающие решимость, собранность, уверенность и т. п.);

б) нейтральные реакции (обычное спокойное выражение лица, отсутствие видимых изменений со стороны мимики);

в) отрицательные мимические реакции (выражения лица, отражающие страх, неуверенность, растерянность и т. п.);

2) пантомимика:

а) положительные реакции (позные и двигательные реакции, отражающие готовность к действию: сжатие кулаков, разминка и т. п.);

б) нейтральные реакции (обычная двигательная активность, отсутствие видимых изменений со стороны пантомимики);

в) отрицательные реакции (позные и двигательные реакции, отражающие скованность или, напротив, повышенную суетливость, и т. п.);

3) физиологические реакции:

а) положительные реакции (покраснение кожных покровов, видимое увеличение глубины дыхания и т. п.);

б) нейтральные реакции (отсутствие видимых физиологических сдвигов);

в) негативные реакции (побледнение кожных покровов, поверхностное или прерывистое дыхание и т. п.);

4) голос:

а) положительные реакции (более громкий и четкий голос, «стальной» отенок в голосе и т. п.);

б) нейтральные реакции (обычный спокойный голос без видимых изменений);

в) негативные реакции (тихий, дрожащий голос и т. п.);

5) речь:

а) положительные реакции (тщательное построение высказываний, связная, логически безупречная, четкая речь);

б) нейтральные реакции (обычная спокойная речь без видимых изменений);
в) отрицательные реакции («болтовня», «запинки», неуверенная, нескладная речь).

Наблюдение проводилось тремя наблюдателями непосредственно перед началом выполнения экспериментальных заданий. Мимика, пантомимика и физиологические реакции фиксировались непосредственно в ходе выполнения задания, а для оценки особенностей голоса и речи испытуемых им предлагалось сделать небольшой устный доклад о готовности к выполнению заданий.

Необходимо также отметить, что в качестве наблюдателей выступали курсанты 3-го курса, обучающиеся по специальности «Психология служебной деятельности».

4. *Проективное тестирование.* С этой целью был использован 8-цветовой тест Люшера, и прежде всего такие его показатели, как вегетативный коэффициент (ВК) и уровень тревоги [7, 12].

Вегетативный коэффициент характеризует энергетический уровень состояния испытуемого. Измеряется соотношением позиций теплых (красного и желтого) и холодных (синего и зеленого) цветов в цветовом ряду. Повышение вегетативного коэффициента проявляется доминированием на первых позициях цветового ряда теплых цветов, что отражает готовность к активным действиям, к затрате энергии. Понижение вегетативного коэффициента проявляется доминированием холодных цветов, что свидетельствует о неготовности к действиям в напряженных условиях, о потребности в покое.

Уровень тревоги является количественным показателем состояния испытуемого. Измеряется количеством основных цветов, находящихся на 6, 7 и 8-й позициях, и дополнительных (кроме фиолетового) цветов, находящихся на 1, 2 и 3-й позициях цветового ряда.

Также оценивались общие характеристики цветового ряда.

Тест Люшера, как и самоотчет, проводился до начала выполнения экспериментальных заданий.

Математико-статистическая обработка полученных данных осуществлялась с помощью корреляционного анализа. Были использована линейная (при сопоставлении результатов выполнения экспериментальных заданий с данными самоотчета, вегетативным коэффициентом и уровнем тревоги по тесту Люшера) и бисериальная (при сопоставлении результатов выполнения экспериментальных заданий с данными наблюдения и цветами теста Люшера на разных позициях цветового ряда) корреляции.

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты сопоставления успешности выполнения экспериментальных заданий и данных самоотчета представлены в табл. 1.

Таблица 1

Корреляции между успешностью выполнения экспериментальных заданий и данными самоотчета

Оцениваемые качества	Коэффициент корреляции	Оцениваемые качества	Коэффициент корреляции
Уверенность	-0,33 ²	Усталость	0,19
Сосредоточенность	-0,33 ²	Тревога	0,16
Заинтересованность	-0,22	Печаль	-0,04
Активность	-0,22	Злость	-0,25
Спокойствие	-0,15	Скука	0,1

Примечание. Здесь и в табл. 2, 3:

¹ — связи, значимые на уровне тенденции (при $p \leq 0,1$);

² — связи, значимые при $p \leq 0,05$ (табл. 1);

³ — связи, значимые при $p \leq 0,01$.

Как видно из табл. 1, на этом этапе работы были получены на первый взгляд довольно парадоксальные результаты: чем более уверенными и сосредоточенными ощущали себя испытуемые, тем хуже они выполняли экспериментальные задания. Но это, скорее всего, не означает, что состояния уверенности и сосредоточенности негативно влияют на результаты деятельности. Очевидно, что в действительности испытуемые могли испытывать иные состояния, но они исказили результаты самоотчета по субъективным причинам. Например, для того чтобы скрыть свое волнение как не соответствующее статусу будущего сотрудника полиции или для самоуспокоения, внушения себе «нужного» состояния и т. п. Но в любом случае данные субъективного самоотчета оказались непригодными и даже «вредными» для прогнозирования успешности деятельности испытуемых в экспериментальной ситуации.

На следующем этапе были изучены взаимосвязи между результатами выполнения экспериментальных заданий и данными наблюдения. Но перед этим были сопоставлены результаты наблюдения, полученные разными наблюдателями (табл. 2).

Как видно из табл. 2, наибольшая согласованность отмечалась между результатами наблюдения, полученными первым и вторым наблюдателями, в меньшей степени были согласованы результаты первого и третьего наблюдателей и практически несогласованные результаты были получены вторым и третьим наблюдателями. То есть наблюдатели по-разному оценивали, интерпретировали и фиксировали одни и те же события, наблюдаемые во внешнем поведении испытуемых. Они использовали совершенно идентичные карты наблюдения, но заполняли эти карты не всегда одинаково.

По итогам работы, проведенной наблюдателями, были получены следующие связи между данными наблюдения и результатами выполнения экспериментальных заданий (табл. 3).

Таблица 2

Согласованность результатов наблюдений за внешним поведением испытуемых

Наблюдатели	Мимика		Пантомимика		Физиологические		Голос		Речь					
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-				
1 и 2	0,62 ³	0	0,63 ³	0,61 ³	0	13	0,84 ³	0	0,69 ³	0,46 ³	13	0,68 ³	0,71 ²	0,70 ³
1 и 3	0,35 ²	0,06	-0,20	0,48 ³	0,52 ³	0	0,32 ¹	0,25	-0,03	0,11	0,17	0,60 ³	0,52 ²	-0,04
2 и 3	0,04	0,27	0	-0,07	-0,02	0	0,32 ¹	0,13	0	-0,03	0,17	0,19	0,19	-0,06

Таблица 3

Корреляции между успешностью выполнения экспериментальных заданий и данными наблюдения

Наблюдатели	Мимика		Пантомимика		Физиологические		Голос		Речь						
	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-					
1	-0,13	0,37 ²	-0,35 ²	-0,09	0,42 ³	0	0,31 ¹	-0,16	-0,20	-0,07	0,26	0,13	-0,39 ²	0,30 ¹	0,29 ¹
2	0,03	-0,03	0	-0,11	0,11	0	0,31 ¹	-0,31 ¹	0	0,14	-0,20	0,13	0,04	-0,14	0,22
3	-0,21	0,07	0,19	-0,24	0,30 ¹	0,01	0,32 ¹	-0,08	0,21	-0,13	0,42 ³	0,09	-0,39 ²	0,43 ³	-0,08

Как видно из табл. 3, с успешностью выполнения экспериментальных заданий обнаружили положительные взаимосвязи следующие параметры:

1) нейтральные мимические реакции (обычное спокойное выражение лица, отсутствие видимых изменений со стороны мимики);

2) нейтральные реакции со стороны пантомимики (обычная двигательная активность, отсутствие видимых изменений со стороны пантомимики);

3) нейтральные голосовые реакции (обычный спокойный голос без видимых изменений);

4) нейтральные речевые реакции (обычная спокойная речь без видимых изменений);

5) положительные физиологические реакции (покраснение кожных покровов, видимое увеличение глубины дыхания и т. п.).

То есть за исключением положительных физиологических сдвигов, все остальные видимые проявления состояния со стороны мимики, пантомимики, голоса и речи характеризуются сохранением признаков обычного спокойного состояния.

Напротив, при снижении результативности выполнения экспериментальных заданий на первый план выступили отрицательные мимические реакции (выражения лица, отражающие страх, неуверенность, растерянность и т. п.).

Наряду с этими логически объяснимыми корреляциями были также обнаружены и довольно противоречивые результаты.

Так, по оценкам первого и третьего наблюдателей, результативность выполнения заданий снижается в тех случаях, когда испытуемые демонстрируют положительные речевые реакции (тщательное построение высказываний, связная, четкая речь). Это можно объяснить тем, что испытуемые старались скрыть свое волнение или неуверенность перед началом испытания путем тщательного обдумывания своих высказываний. То есть здесь наблюдается тот же эффект, который был отмечен при анализе результатов самоотчета. В пользу такого предположения говорит то, что третьим наблюдателем была обнаружена положительная связь между положительными речевыми реакциями и состоянием сосредоточенности по самоотчету испытуемых ($r = 0,46$ при $p \leq 0,01$). Но, как было показано выше, высокие значения самооценки испытуемых по параметрам уверенности и сосредоточенности обнаружили отрицательные связи с успешностью выполнения экспериментальных заданий.

Вторым наблюдателем установлена отрицательная корреляция между успешностью выполнения заданий и отсутствием видимых физиологических сдвигов, а первый наблюдатель отмечает тенденцию к повышению результативности работы испытуемых при наличии негативных речевых реакций («болтовня», «запинки», неуверенная, нескладная речь). Очевиднее всего, что эти результаты явились следствием ошибок наблюдения.

Здесь необходимо отметить, что сами наблюдатели оценивали процедуру наблюдения как достаточно сложную для себя, требующую высокой степени концентрации внимания, точности фиксации наблюдаемых явлений и, главное, наличия опыта ведения наблюдения.

Таким образом, по результатам наблюдения были выявлены значимые, прогностически ценные признаки состояния испытуемых, показавшие значимые корреляции с успешностью выполнения экспериментальных заданий. Но наряду с этим сама процедура наблюдения оказалась для экспертов достаточно сложной, что привело к снижению согласованности результатов наблюдения, а также к ряду противоречивых результатов.

Наконец, на третьем этапе были сопоставлены результаты выполнения экспериментальных заданий с результатами проективного тестирования. Здесь были выявлены следующие взаимосвязи.

Вегетативный коэффициент обнаружил положительную корреляцию с успешностью выполнения экспериментальных заданий ($r = 0,35$ при $p \leq 0,05$). Как уже отмечалось, повышение вегетативного коэффициента отражает готовность испытуемого к затратам энергии, к активным действиям в напряженных условиях деятельности.

Напротив, повышение уровня тревоги отрицательно коррелирует с успешностью выполнения экспериментальных заданий ($r = -0,34$ при $p \leq 0,05$), т. е. чем выше уровень тревоги, тем хуже испытуемые справляются с выполнением заданий.

Наконец, были обнаружены отрицательные связи между успешностью выполнения экспериментальных заданий и следующими характеристиками цветового ряда:

1) сдвигом синего цвета на последние позиции цветового ряда ($r = -0,39$ при $p \leq 0,05$). Здесь на первый план выступает блокирование потребности в покое, стремление справиться с угнетенностью, беспокойная неудовлетворенность;

2) сдвигом красного и желтого цветов в различных сочетаниях на последние позиции цветового ряда ($r = -0,35$ при $p \leq 0,05$). Такое сочетание выявляет стресс, эмоциональную неустойчивость, тревогу, беспокойство;

3) сдвигом основных цветов в целом, как по отдельности, так и в различных сочетаниях друг с другом, на последние позиции цветового ряда ($r = -0,50$ при $p \leq 0,01$). Такой сдвиг означает блокирование основных потребностей — как в покое, так и в активности, — выявляемых этими цветами;

4) сдвигом черного и серого цветов в различных сочетаниях на первые позиции цветового ряда ($r = -0,37$ при $p \leq 0,05$). Это свидетельствует о напряженности, стрессе, усталости и пассивности в сочетании с негативно-протестными реакциями [12].

Таким образом, данные проективного тестирования показали достаточно тесные и логически непротиворечивые связи с результативностью выполнения экспериментальных заданий.

По итогам проведенного исследования могут быть сделаны следующие **выводы**:

1. Наименее точным для формирования прогноза о том, как поведут себя испытуемые в эмоционально насыщенной ситуации, оказался метод самоотчета. Очевидно, основная проблема здесь состоит в том, что испытуемые могут неадекватно оценивать свое состояние или сообщать о себе сознательно искаженную информацию, особенно в экспертных ситуациях, что ведет к неточным прогнозам.

2. Прогностическая ценность метода наблюдения оказалась неоднозначной. Неоднозначность эта выразилась в том, что проведение наблюдения опытным и квалифицированным наблюдателем позволяет получить высокий прогностический эффект, а менее квалифицированным — низкий.

3. Данные проективного тестирования показали наиболее высокую точность и прогностическую ценность. Кроме этого проведение проективного тестирования, в отличие от наблюдения, является более простым и менее затратным во времени методом.

В ходе проведенного эксперимента была дана оценка прогностической валидности методов самоотчета, наблюдения и проективного тестирования при использовании их для изучения связи между успешностью выполнения экспериментальных заданий и данными о текущем состоянии испытуемых. Наименее полезными с точки зрения их прогностической ценности оказались данные, полученные с помощью метода самоотчета. Установлено, что прогностическая валидность метода наблюдения связана с уровнем квалификации наблюдателя и наличием у него опыта применения данного метода. В связи с этим данные, полученные с помощью этого метода разными наблюдателями, отличались противоречивостью. Самой высокой прогностической точностью обладали результаты, полученные с помощью метода проективного тестирования.

Таким образом, наиболее эффективным с точки зрения изучения определенных психических состояний в текущий момент и прогнозирования на основании этого поведения человека в сложных условиях деятельности оказался метод проективного тестирования (в рамках данного исследования — тест Люшера).

-
1. Бурлачук Л. Ф., Морозов С. М. Словарь-справочник по психодиагностике. СПб., 2002.
 2. Вяткин Б. А. Диагностика и регуляция психического состояния спортсмена в соревнованиях. Пермь, 1974.
 3. Гагарин Ю. А., Лебедев В. И. Психология и космос. М., 1976.
 4. Куликов Л. В. Диагностика психического состояния // Психология состояний / под ред. проф. А. О. Прохорова. М.; СПб., 2004. С. 74–81.
 5. Куликов Л. В. Проблема описания психических состояний // Психические состояния / сост. и общ. ред. Л. В. Куликова. СПб., 2001. С. 11–42.
 6. Левитов Н. Д. О психических состояниях человека. М., 1964.
 7. Методики диагностики и измерения психических состояний личности / авт. и сост. А. О. Прохоров. М., 2004.
 8. Прохоров А. О. Модель изучения психических состояний. Теоретические и прикладные аспекты // Психология состояний / под ред. проф. А. О. Прохорова. М.; СПб., 2004. С. 82–85.
 9. Психологический словарь / под ред. В. В. Давыдова, А. В. Запорожца, Б. Ф. Ломова. М., 1983.
 10. Распопин Е. В., Васильченко В. Е. Практически значимые психические состояния в учебно-профессиональной деятельности // Достижения и проблемы современной науки : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 28 июля 2015 г. : в 2 ч. Уфа, 2015. Ч. 2. С. 206–208.
 11. Сверчков Р. Т., Путляева Л. В., Сосновикова Ю. Е. Психические состояния, возникающие при напряженной интеллектуальной работе // Материалы IV Всесоюз. съезда о-ва психологов (Тбилиси, 21–24 июня 1971 г.). Тбилиси, 1971. С. 431.
 12. Собчик Л. Н. Метод цветочных выборов — модификация восьмицветового теста Люшера. СПб., 2007.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ СУБЪЕКТИВНОГО КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

В статье представлен обзор современных теорий субъективного качества жизни. В психологических исследованиях качество жизни рассматривается в рамках трех подходов: потребностного, акмеологического и аксиологического. Центральная идея потребностного подхода: субъективное качество жизни зависит от степени удовлетворенности потребностей индивида. Акмеологический подход показывает актуальность стремления человека к самореализации и достижения последней как одного из необходимых условий повышения уровня психологического качества жизни. Аксиологический подход связан с рассмотрением субъективного качества жизни с позиции соответствия реальной жизни индивида его ценностным ориентациям.

К л ю ч е в ы е с л о в а: субъективное качество жизни; потребностный подход; акмеологический подход; аксиологический подход.

Понятие «качество жизни» относится к числу универсальных показателей, наиболее полно отражающих реальное социально-экономическое, экологическое, культурное и политическое состояние общества и учитывающих также значение субъективных оценок отдельно взятого человека или социальной группы относительно различных сторон своей жизнедеятельности.

Критерии оценки качества жизни подразделяются на объективные, субъективные и интегральные. Объективные показатели характеризуют уровень жизни социальных групп или конкретных людей, а субъективные — степень удовлетворенности субъектов качеством их жизни. Интегральные показатели представляют собой конгломерат объективных и субъективных характеристик [7].

Изучение качества жизни неизбежно происходит в контексте влияния на субъектов множества факторов внутренней и внешней среды. Основополагающим при этом является вопрос о восприятии конкретным субъектом тех составляющих среды, которые становятся значимыми для него в той или иной жизненной ситуации.

Восприятие именно этих элементов среды отражает не только их значимость для субъекта, но и его отношение к ним. Порой отношение к отдельным составляющим среды экстраполируется субъектом на окружающую действительность в целом. Следовательно, качество жизни можно представить как итог интеграции индивидом субъективных и объективных характеристик его повседневной жизни и деятельности [7].

Таким образом, все показатели, критерии и аспекты качества жизни подвергаются индивидуальной, уникальной интерпретации, что придает им несомненную психологическую подоплеку.

ЮДИНА Наталья Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института социальных и политических наук Упальского федерального университета (e-mail: yudinatalya@mail.ru).

© Юдина Н. А., 2017

Так, Г. М. Зараковский считает психологические явления общим знаменателем всех свойств жизни, определяемых как ее качество. Качество жизни оценивается людьми, следовательно, именно психологическая, или духовная, составляющая становится особенно важной для определения его критериев [9].

Американские исследователи А. Эбби и Ф. М. Эндрюс предлагают рассмотреть взаимосвязь между социально-психологическими характеристиками индивида и его качеством жизни [14]. Исследователи проследили связь между качеством жизни и такими свойствами личности, как экстернальность / интернальность, стрессоустойчивость, уровень тревожности и склонность к депрессивным состояниям. Установлено, что качество жизни связано с рядом индивидуальных характеристик, такими как копинг-стратегии, психогенные факторы (хроническое напряжение, стресс, преморбидный пессимизм), психосоматические симптомы (аллергические реакции, отклонения в кровеносном давлении и т. д.), «прогностические проявления» (эмоциональная уязвимость, отсутствие позитивного видения будущего), а также с наличием / отсутствием социальной поддержки. Естественным образом копинг-стиль, чувство подавленности и излишняя сензитивность отрицательно коррелируют с качеством жизни, в то время как уверенность в себе, эмоциональная устойчивость и независимость мышления — положительно.

Согласно мнению исследователей — представителей психологического направления изучения качества жизни, именно переживания субъектов жизнедеятельности, формирующиеся на основе жизненного опыта, культурного уровня, эмоционального и интеллектуального развития и т. п., могут и должны служить мерилем качества жизни. Только исходя из специфики переживаний каждым конкретным индивидом уровня удовлетворенности процессом и результатом своей жизни можно дать оценку состояния сознания субъекта, его представлений и понимания им степени собственной удовлетворенности [18].

Исследователи качества жизни единодушно определяют субъективное качество жизни как ощущение личностью удовлетворенности / неудовлетворенности жизнью в целом или частными ее аспектами. При этом анализ научной литературы, посвященной субъективному качеству жизни, показывает, что существует три основных подхода к изучению данной проблемы: *потребностный*, *акмеологический* и *аксиологический*.

Потребностный подход [2], на наш взгляд, является одним из наиболее перспективных в изучении субъективного качества жизни, так как именно качество удовлетворения потребностей лежит в основе структуры качества жизни в целом, создавая базу для более узких направлений исследования.

На современном этапе развития психологической науки не требует доказательств тот факт, что любое побуждение к действию происходит от неудовлетворенных потребностей и исчезает после их удовлетворения.

В контексте исследования субъективного качества жизни Э. Аллард выделяет три основные группы базовых потребностей: потребности «иметь», «быть» и «любить».

Потребности уровня «иметь» относятся к материальной составляющей жизни. Их удовлетворение обеспечивает физическое выживание человека

и поддерживает базовый уровень его жизни. Потребности блока «любить» обусловлены стремлением к социальной принадлежности, аффилиации. «Бытийные» потребности характеризуют стремление человека жить в гармонии с природой, социумом и самим собой [15].

Также, согласно А. Митчеллу, качество жизни суть «общее осознанное удовлетворение потребностей человека» [13].

По мнению Бен-Чи Лю, субъективное качество жизни для каждого индивида означает счастье в случае удовлетворения конкретного набора потребностей [13].

А. Тофлер предлагает рассматривать качество жизни в виде последовательной исторической смены индивидуального стандарта жизни. В процессе развития общества происходит перенос акцента с основных материальных потребностей на удовлетворение потребностей более «возвышенного» уровня (эстетических, статусных, потребности в самореализации, индивидуальных отношениях и т. п.) [13].

Изучение качества жизни как психологической категории в контексте потребностного подхода невозможно без обращения к понятию «удовлетворенность».

Понятие «удовлетворенность» практически не играет роли в экономической теории объективного качества жизни, тогда как в теории субъективного качества жизни оно выходит на первый план, становясь одним из ключевых в теориях мотивации. Действительно, любое действие происходит по причине неудовлетворенности стремлений (*drives*), и побуждение к действию исчерпывается с удовлетворением этих стремлений.

Так, в социально-психологических исследованиях качество жизни рассматривается как результат оценки индивидом реальных условий своей жизнедеятельности в связи с его социально-экономическим статусом. Человек вынужден постоянно адаптироваться к меняющимся условиям социально-экономической среды, оценивая ее при этом с точки зрения выбранных им критериев качества. От этой оценки зависит его удовлетворенность своей жизнью [3].

Уровень удовлетворенности проверяется как оценочными суждениями, так и эмоциональными состояниями, установками, а также неизбежно выступает мотивом деятельности.

В этом контексте интерес представляет выделение некоторыми исследованиями когнитивных и аффективных компонентов качества жизни.

Когнитивный компонент представлен оценками удовлетворенности жизнью как в общем, так и в рамках отдельных контекстов.

Аффективный компонент выражает баланс между позитивными (ощущение счастья, социальной защищенности, профессиональной компетентности) и негативными (депрессивные состояния, тревожность, стресс) аффективными состояниями [8, 11, 12].

Указанные компоненты субъективного качества жизни, взаимодействуя между собой, образуют различные типы комбинаций. Так, различный уровень притязаний при одинаковом уровне удовлетворенности жизнью дает в итоге существенное различие качества жизни людей по аффективному компоненту.

А. Мак-Кеннел предлагает своеобразную классификацию типов комбинаций аффективно-когнитивных компонентов:

1. «Достиженец» (счастлив и удовлетворен);
2. «Смирившийся» (несчастлив, но удовлетворен);
3. «Устремленный» (счастлив, но неудовлетворен);
4. «Несостоявшийся» (несчастлив и неудовлетворен) [17].

Таким образом, субъективное качество жизни, по мнению представителей потребностного подхода, зависит от того, насколько удовлетворены потребности индивида, а также от того, насколько удовлетворенные потребности соответствуют социальному и культурному контексту (нормы, обычаи, традиции) и насколько они соответствуют индивидуальным притязаниям (социальное положение, социальный статус, уровень образования и т. п.) [6].

Ключевым моментом *акмеологического подхода* в изучении качества жизни является активность творческого субъекта. Понятие «качество жизни» в отечественной психологии было введено в научный оборот К. А. Абульхановой-Славской, В. Г. Асеевым, Ш. А. Надирашвили, И. Т. Левыкиным и др., которые предложили рассматривать качество жизни в акмеологическом аспекте. Критерием оценки качества жизни выступает в этом случае саморазвитие, в основе которого лежат гуманистические ценностные ориентации [10].

Интерес в данном контексте представляет психолого-педагогическая теория С. Л. Рубинштейна и его концепция субъекта, в которой жизненный путь человека определяется не столько как движение вперед, сколько как движение «вверх», в направлении непрерывного саморазвития.

По мнению Н. Н. Вадковской, Рубинштейн невольно заложил основу теории качества жизни через категорию «направленности», «отношения человека к жизни», через переживание чего-то «лично значимого для индивида» [5, 21–22]. Это отношение формирует систему осознанных «жизненных отношений»: отношение к предметному миру, к другим людям и самому себе.

Активный творческий субъект самостоятельно строит свою жизнь и, что более важно, определяет свое отношение к ней. Раскрывая тему мотивации, Рубинштейн определяет в качестве мотива деятельности не само «стремление к счастью, удовольствиям», а чувство, вызванное соотношением между побуждением к действию и реальным результатом. Соответствие между первым и вторым прямо пропорционально уровню удовлетворенности своей жизнью и деятельностью.

К. А. Абульханова-Славская разрабатывает теорию жизненной стратегии и жизненной позиции (активной или пассивной) как ее основы. Активная жизненная позиция направлена на изменение и преобразование внешних условий в соответствии с внутренними убеждениями субъекта [1].

Внешние условия не всегда благоприятствуют удовлетворению потребностей, раскрытию способностей индивида, но постепенное саморазвитие, активная жизненная позиция способствуют преодолению внешних условий, раскрытию творческого потенциала и наработке умений «отстоять» способ достижения своих целей в соответствии со своим типом личности, индивидуальностью. Таким образом, мы приближаемся к уменьшению противоречия между внешним и внутренним [1].

На сегодняшний день не требует обоснования тот факт, что самореализация является искомым итогом жизнедеятельности каждого индивида. Самореализация и трансценденция, венчая пирамиду потребностей, играют ключевую роль в процессе формирования личности, расширения знаний индивида о мире и о себе, параллельно с ростом субъектных возможностей, актуализируя поиск человеком своего «места» в мире, активизируя процесс самоопределения, самопознания, самоутверждения, самораскрытия, самопонимания.

Таким образом, с позиций акмеологического подхода, деятельность и активность субъекта рассматриваются как условия формирования личности и ее качества жизни, а развитие личности и самосовершенствование — как такая жизненная стратегия, в которой осуществляется поиск наиболее адекватных своим возможностям путей их реализации.

В рамках *аксиологического*, или *ценностного*, подхода субъективное качество жизни рассматривается респондентами с точки зрения того, насколько реальные ценностные структуры соответствуют их представлениям об идеальных [7]. Данный подход раскрывает взаимосвязь субъективного качества жизни и ценностей человека.

Система социальных ценностей многообразна, отражает сложность и противоречивость социальных отношений, выражающих сущность жизнедеятельности конкретного социума, его исторического образа жизни. Члены социума в процессе социализации усваивают эти ценности и формируют лояльность к ним как необходимое условие успешной адаптации в социуме. В то же время социальные ценности интериоризируются индивидом избирательно.

Ценностные ориентации рассматриваются как отражение в сознании индивида ценностей, которые он принял как стратегические жизненные цели и мировоззренческие ориентиры, играющие ключевую роль в выстраивании иерархической структуры системы регуляции его жизнедеятельности [10].

Индивидуальная иерархия ценностей выстраивает связь между социумом и индивидом, общественным и индивидуальным аспектами бытия, служит социокультурным регулятором. Следовательно, отношение индивида к тем или иным ценностям, принятым в социуме, играет ключевую роль в формировании удовлетворенности / неудовлетворенности жизнью. При такой иерархии ценностей, когда индивидуальные ценности выходят на первый план относительно социально значимых, индивид сможет чувствовать себя удовлетворенным независимо от социально-политической ситуации.

Ценностный подход приобретает значение в контексте исследования качества жизни, так как он дает возможность увидеть, каким образом критерии отношения к жизни актуализируются на личностном, групповом или общественном уровне. Согласно различным трактовкам ценностей и ценностных ориентаций, представленным в психологической науке, последние коррелируют со «значимостью» (С. Л. Рубинштейн), «жизненной позицией» (Л. И. Божович), «значением», «личностным смыслом» и «регуляцией социального поведения» (А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев), «психологическими отношениями» (В. Н. Мясищев), «мотивами деятельности и поведения» (А. Г. Асмолов, Р. А. Назмутдинов) [4].

Структура ценностей напрямую связана с выбором жизненных целей. Так, Р. Инглхарт отмечает сильную корреляцию удовлетворенности жизнью с наличием целей (вкуче с принятием ответственности за осуществление этих целей), выбранных в соответствии с ценностями [16]. Речь, следовательно, идет об осознанных мотивах, направляющих жизнедеятельность людей.

Исходя из вышеизложенного, суть аксиологического подхода к изучению субъективного качества жизни можно охарактеризовать как выявление взаимозависимости основных параметров и условий жизнедеятельности индивида и его ценностей, а также зависимости субъективного качества жизни от представления субъекта об искомом уровне жизни.

Образуя иерархию с неким «жизненным идеалом» на вершине, ценности подразделяются на группы с точки зрения личных предпочтений и воззрений каждого индивида и вступают во взаимодействие с потребностным и акмеологическим планом: ценностные ориентации детерминируют направленность личности, т. е. совокупность ее доминирующих потребностей и мотивов деятельности.

Итак, современный этап исследования субъективного качества жизни в психологии представлен тремя самостоятельными подходами. Объединение этих подходов, например, выявление соответствия между уровнем удовлетворенности потребностей индивида и его иерархией ценностей, его представлениями о самореализации открывает новые возможности для теоретических и прикладных исследований в этой области знания. Таким образом, очевидна необходимость более широкого, мультипарадигмального подхода к исследованию проблемы субъективного качества жизни.

-
1. *Абульханова-Славская К. А.* Стратегии жизни. М., 1991. 299 с.
 2. *Баранова А. В.* Экономико-психологические детерминанты субъективного качества жизни : дис. ... канд. психол. наук. М., 2005.
 3. *Баранова А. В., Хащенко В. А.* Восприятие и оценка качества жизни // Экономическая психология: современные проблемы и перспектива развития : материалы ежегод. Всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2002. С. 36–39.
 4. *Безумова Л. Г.* Социально-психологические факторы соотношения и изменения личностных ценностей и потребностей студентов : дис. ... канд. психол. наук. Саратов, 2009.
 5. *Вадковская Н. Н.* Развитие духовных потребностей как условие повышения качества жизни : дис. ... канд. психол. наук. Тамбов, 2008.
 6. *Генкин Б. М.* Эффективность труда и качество жизни : учеб. пособие к курсу «Экономика и социология труда». СПб., 1997. 112 с.
 7. *Головина Г. М., Савченко Т. Н.* Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М., 2006. 176 с.
 8. *Давыдов А. А., Давыдова Е. В.* Измерение качества жизни. М., 1993. 53 с.
 9. *Зараковский Г. М.* Критерии качества жизни как ориентиры социально-экономического развития общества. М., 2000.
 10. *Нугаев М. А., Нугаев Р. М.* Качество жизни — базовая категория концептуальной модели социально-экономического развития // Науч. тр. Ин-та социально-экон. и правовых наук АН РТ. Казань, 1997.
 11. *Пермякова М. Н., Ершова И. А.* Субъективное ощущение счастья у верующих и атеистов // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2015. № 3 (141). С. 69–78.

12. Психология личности и образ жизни / под ред. Е. В. Шороховой и др. М., 1987. 217 с.
13. *Тодоров А.* Качество жизни: критический анализ буржуазных концепций. М., 1980. 224 с.
14. *Abbey A., Andrews F. M.* Modeling the psychological determinants of Life Quality // Research of the Quality of Life / by F. M. Andrews. Ann Arbor, 1986. P. 85–118.
15. *Allardt E.* Having, loving, being: an Alternative to Swedish Model of Welfare Research // The Quality of Life. Oxford, 1993. P. 73–94.
16. *Inglehart R., Rabier J.-R.* Aspiration Adapt to Situation // Research of the Quality of Life / by F. M. Andrews. Ann Arbor, 1986. P. 1–56.
17. *McKennell A. C.* Cognition and effect in perception of well-being // Social indicators research. 1978. Vol. 5, № 4. P. 389–426.
18. *Terhune K. W.* Probing Policy Relevant Questions of the Quality of Life // The Quality of Life Concept. Environmental Protection Agency. Washington, 1973. P. 11–22.

Статья поступила в редакцию 06.02.2017 г.

УДК 81:159.9 + 81'42 + 159.964.2

Э. В. Булатова
А. С. Алексеева
О. В. Ломтатидзе

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СПЕЦИФИКИ ВОСПРИЯТИЯ ЭМОЦИОГЕННОГО КРЕОЛИЗОВАННОГО МЕДИАТЕКСТА

В статье представлены результаты комплексного экспериментального исследования особенностей восприятия креолизованного медиатекста, обладающего эмоциогенным потенциалом. Выявлены тематические и композиционные стратегии чтения, отражающие субъективные предпочтения реципиентов и демонстрирующие характер их когнитивных процессов. Одновременное использование ряда психолингвистических методов, включающих анкетирование и айтрекинг, позволяет оценить характер воздействия медиатекста на аудиторию.

К л ю ч е в ы е с л о в а: эмоциогенный текст; креолизованный текст; медиатекст; зрительное восприятие; стратегии восприятия; нелинейное восприятие; айтрекинг; анкетирование.

Современную эпоху называют эпохой оптикоцентризма. СМИ учитывают данную тенденцию, состоящую в том, что визуальный канал становится наиболее

БУЛАТОВА Элина Валерьевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и стилистики Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: elina2824@yandex.ru).

АЛЕКСЕЕВА Анна Симховна — старший преподаватель кафедры клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: Nurochka_k@mail.ru).

ЛОМТАТИДЗЕ Ольга Валерьевна — кандидат психологических наук, доцент кафедры клинической психологии и психофизиологии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: olga.lomtatidze@urfu.ru).

© Булатова Э. В., Алексеева А. С., Ломтатидзе О. В., 2017

предпочтительным для аудитории каналом получения информации. В результате чего большая часть медийных материалов является креолизованной. Креолизованные тексты (КТ) очень часто создаются в расчете на эмоциональный отклик, являются эмоциогенными. Эмоциогенный текст — это текст, вызывающий у адресата эмоции, текст, обладающий эмоциогенным потенциалом. Эмоциогенность текста обуславливает его значительную воздействующую силу. Данное обстоятельство заставляет обратить пристальное внимание на практики производства и восприятия эмоциогенных КТ.

Существуют темы, которые по своей природе не могут оставить аудиторию равнодушной. К числу таких тем относится тема военных действий, которая широко освещается в СМИ. В связи с этим интересно проследить ее медийную текстовую и дискурсивную реализацию с помощью комплекса психолингвистических методов: оценки организации эмоционально-оценочной стороны текста, анкетирования и айтрекинга. Покажем этот процесс на примере анализа публикации «Одна секунда войны» (Русский репортер. 2014. 16 марта) [6].

Указанная публикация выполнена в жанре фоторепортажа и представляет собой интегративный креолизованный текст, в котором визуальная (70 фотографий) и вербальная (небольшой комментарий к ним) части тесно связаны (анализ концептуального плана данного медиатекста см.: [4]). Основными выразительными эффектами в материале являются эффекты напряжения (отвечает за поддержание интереса к тексту) и конвергенции (усиливает впечатление путем подбора одинаковых по эмоциональной окраске средств) [5]. Эффект напряжения создается композиционными приемами. В первую очередь — экспрессивным зачином, роль которого выполняет фото убитой девушки, предвещающее публикацию. Экспрессивный зачин моделирует эмоциогенные ситуации новизны, необычности, внезапности [8]. Еще одним композиционным приемом является дробная подача содержательного элемента, моделирующая эмоциогенную ситуацию избыточной мотивации. Представление мозаичного ряда фотографий из зон военных действий в совокупности рисует ужасы войны. Эффект конвергенции моделирует эмоциогенную ситуацию заражения эмоцией и создается композиционными приемами повтора (повторяется информация о Марше мира в вербальной части КТ, повторяется тема жизни и смерти на фотографиях) и контраста (антитеза «мир — война»), а также языковыми приемами экспрессии: эмоционально-оценочной лексикой («тоскливый», «пострадавшие», «страшный» и др.), синтаксическими фигурами парцелляции и инверсии («На всех этих снимках вы видите войну — тоскливую, грязную, подлую войну. И людей, от нее пострадавших»), накоплением синонимов («снимавших войну конкретно, вплотную, в лоб»), анадиплосисом («Мы сделали это вместе. И вместе повторяли...»), синтаксическим параллелизмом («Она нас калечит и выворачивает наизнанку. Привораживает и делает больными..») и др. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что данный креолизованный текст создан в расчете на эмоциональное прочтение. Обратимся к анализу специфики его восприятия аудиторией.

Форма выборки — кластерная: в исследовании приняла участие группа студентов — 15 респондентов в возрасте от 18 до 22 лет.

Одним из методов, позволяющих оценить особенности восприятия креолизованного текста, является метод айтрекинга. В работе использовалась система высокоскоростного удаленного бинокулярного трекинга глаз SMIREД 500. Для создания протокола предъявления стимулов и последующего предъявления материала применялся программный модуль ExperimentalCenter 2.x. После проведения эксперимента данные были экспортированы в программный пакет для анализа данных ВеGaze 2.x., при этом рассчитывалось среднее время первой фиксации, среднее время фиксации, количество фиксаций, количество саккад, общая продолжительность фиксации по следующим зонам интереса: изображение пострадавшей девушки, кровь, текст под изображением (в рамках настоящей статьи как наиболее показательные представлены данные айтрекинга, характеризующие восприятие начальной части фоторепортажа: вводной фотографии и вербального комментария, предваряющего фотосерию).

Анализ тепловых карт. На фотографии были выделены две зоны, на которые предположительно могли направить свое внимание респонденты, — тело девушки и кровь. Выборы зрительного внимания распределились следующим образом: значительное внимание (красные зоны тепловых карт) 100 % респондентов было сосредоточено на голове пострадавшей, 10 % — на ногах и корпусе. На изображении крови длительно фиксировались 30 % респондентов.

При восприятии вербального текста 100 % испытуемых читали первый текстовый блок — заголовок, первый подзаголовок и лидовый абзац (информация от лица редакции), свыше 50 % — второй подзаголовок и первый абзац второго текстового блока (цитата пояснений фотожурналиста — организатора акции). Происходила фокусировка на различных формах слова «война», в большей степени — на первом слове «война». Заголовки не привлекали особого внимания читателей, вероятно, в силу их лаконичности и простоты: только 30 % реципиентов длительно фокусируются на заголовке, 40 % — на слове «фотожурналист» во втором подзаголовке. Увеличение длительности фиксации на данном слове может быть связано не только с субъективным интересом к нему испытуемых, но и с величиной слова: «...длинные или незнакомые слова могут получать множественные фиксации» [3, 89].

Точки максимальной фиксации первого текстового блока (заметим, что, согласно R. Thorndyke [10], M. Just, P. Carpenter [9], точки наиболее продолжительной фиксации соответствуют наиболее важным смысловым единицам) расположены в начале текста: «Марш мира» — 85 % респондентов; «кадры» — 75 %; «секунда войны» — 67 %; «лозунги и транспаранты», «военные корреспонденты», «Москва», «25 лет» — по 30 %; «регионы», «выставка», «агитация» — по 25 %; «одно мгновение», «не зажмуриваясь» — 15 %. Значительная часть указанных слов является ключевыми концептами публикации.

По индивидуальным траекториям внимания можно выделить *две тематические стратегии* восприятия, соответствующие фиксациям на двух мысловых линиях: 1) преимущественная фокусировка испытуемых на лексике, связанной с представлением тематического поля «Антивоенная деятельность»: «Марш мира» — «рядовые участники» — «лозунги и транспаранты» — «выставка» —

«корреспондент» — «агитация» — «фотожурналист»; 2) преимущественная фокусировка испытуемых на лексике, связанной с представлением тематического поля «война»: «кадры» — «смотреть» — «вплотную» — «в регионах» — «одна секунда войны» — «не отворачиваясь и не зажимываясь».

Анализ видеозаписи айтрекинга. Указанный анализ также вносит вклад в исследование стратегий восприятия креолизованного текста, дающих представление о специфике когнитивной деятельности человека. Так, восприятие вербальной части публикации характеризуется такими параметрами, как степень полноты охвата текста при чтении, последовательность восприятия, внимание к сильным позициям текста (заголовочному комплексу, начальным и финальным фрагментам и др.).

При анализе публикации «Одна секунда войны» в первую очередь обращает на себя внимание то обстоятельство, что ни один респондент не дочитал вербальный текст до конца, в подавляющем большинстве случаев респонденты ограничивались его первым фрагментом, содержащим основную информацию, и пренебрегали комментариями к ней. Некоторые респонденты пропустили заголовки и начали знакомство с текстом сразу с его основной части. Кластерная выборка дает возможность оценить восприятие текста, характерное для однородной группы респондентов, в данном случае — студентов прикладной специальности. Можно предположить влияние профессии на стратегии обработки информации: респонденты нацелены не столько на длительную, вдумчивую работу с текстом, сколько на быстрое получение ядерной информации.

Характер саккад дает возможность выделить *два типа композиционных (структурных) стратегий* восприятия вербального текста:

1) **стратегии линейного восприятия** — предполагают соблюдение вербальной последовательности при чтении, которое осуществляется по вербальной оси от слова к слову;

2) **стратегии нелинейного восприятия** — допускают скачкообразность, отступление от вербальной последовательности при чтении. Для подобных стратегий характерно увеличение амплитуды саккад и их разнонаправленность.

Заметим, что скачкообразность восприятия не означает автоматически, что имеет место когнитивное нарушение, поскольку она может быть характерна для выборочного, а также беглого ознакомительного чтения. Вместе с тем можно говорить о том, что стратегии нелинейного восприятия, возможно, косвенно свидетельствуют о таком отмеченном исследователями изменении в когнитивной сфере человека, как клиповость сознания (см., например, [7]). Вероятно, они также могут служить показателем усталости реципиента или неготовности к сотрудничеству.

В рамках настоящего исследования нелинейное восприятие было зафиксировано у двух реципиентов, один из которых впоследствии затруднился с определением главной мысли текста и давал односложные ответы на остальные вопросы анкеты. Второй реципиент отметил в анкете, что «боится вида крови». Можно предположить, что фотография погибшей девушки, лежащей в луже крови, произвела сильное впечатление на читателя, что привело к трудностям с восприятием вербальной информации.

Необходимо отметить такой параметр характеристики восприятия, как **реверсивность** — возврат к уже прочитанному/просмотренному фрагменту креолизованного текста (в исследовательской литературе также используются термины «регрессивность», «возвратность», см.: [1–3]). У реципиентов чаще всего наблюдался возврат к ближайшему контексту (например, когда требовалось перечитать какое-то слово или фрагмент высказывания, чтобы переосмыслить его), значительно реже — к заголовкам. Реверсивность может сопровождать как линейное, так и нелинейное восприятие. Значительное число реверсивных саккад является свидетельством семантической или структурной сложности текста для реципиента (см. об этом, например, [2]). В данном случае, как мы покажем ниже, среднее количество саккад при восприятии вербальной части текста было невелико, что может служить показателем его простоты для читателей.

Продолжительность восприятия у 93,3 % реципиентов составила около 29 с, в то время как у одного реципиента (6,7 %) она была равна 9 с.

Представим количественные показатели, характеризующие стратегии восприятия вербальной части креолизованного текста, актуальные для указанной выборки респондентов (табл. 1).

Таблица 1

**Количественные показатели восприятия вербального элемента
креолизованного медиатекста**

Параметры восприятия	Количество респондентов, %
Восприятие выделенных элементов текста — фиксация на сильных позициях заголовочного комплекса:	
заголовок	86,7
1-й подзаголовок	93,3
2-й подзаголовок	53,3
пропуск заголовка	13,3
Восприятие текстовых блоков:	
первый	100
второй: 1) полностью	0
2) частично (подзаголовок и 1-й абзац)	40
3) только подзаголовок	13,3
Последовательность восприятия:	
линейное восприятие	86,7
нелинейное восприятие	13,3
наличие реверсивности	86,7

Анализ временных и количественных показателей восприятия по зонам фиксации. Показатель «общая продолжительность фиксаций» дает информацию о том, что в целом на кровь смотрят достоверно меньше, чем на девушку и на вербальный текст. На вербальном тексте общая продолжительность фиксаций в несколько раз выше, чем на изображении девушки, что может объясняться в том числе объемом данного элемента КТ. При этом значительных различий между

средним временем фиксации на девушке и на вербальном тексте нет — есть тенденция, что изображение девушки на фотографии рассматривают дольше (табл. 2).

Средняя продолжительность первой фиксации преобладает при прочтении текста, а затем идут показатели восприятия девушки, т. е. текст не менее важен и интересен, чем фотография девушки, или он необходим для понимания общей картины. При дальнейшем восприятии к прочитанному тексту возвращаются нечасто (среднее количество саккад 2,44), к изображению девушки — чаще (5,288), визуальный элемент «кровь» имеет самые низкие показатели.

Таблица 2

Исследуемые временные и количественные показатели восприятия по зонам фиксации

Зоны фиксации	Средняя продолжительность первой фиксации, мс	Средняя продолжительность фиксации, мс	Общая продолжительность фиксации, мс	Среднее количество фиксаций	Среднее количество саккад
Визуальный элемент КТ:					
девушка	199,72	322,59	4784,85	15	5,288
кровь	122,61	129,80	862	2,41	1,95
Вербальный элемент КТ:					
вербальный текст	225,64	274,12	25849,21	96	2,44

Таким образом, по данным айтрекинга наибольшее внимание среди выделенных зон интереса респонденты уделяли изображению девушки. Длительная и множественная фиксация испытуемых на тексте не противоречит данному утверждению и, по всей вероятности, связана с идущими параллельно зрительному восприятию процессами чтения и понимания текста. Такая выделенная зона внимания, как кровь, показала наименьшие значения по всем изучаемым параметрам, что, по всей вероятности, связано с простотой и малой дифференцированностью признаков объекта. Кроме того, можно предположить, что вид крови — неприятное, пугающее зрелище и реципиенты, стремясь избежать негативных переживаний, не задерживаются на ней взглядом. Высказанное предположение подтверждается данными опроса. Представим его результаты.

В ходе анкетирования респондентам предлагалось определить главную мысль публикации, назвать ключевые, наиболее значимые для выражения смысла элементы публикации, отметить возникновение эмоций при ознакомлении с текстом и определить их характер, а также назвать элементы публикации, которые вызвали эмоции.

Согласно данным опроса, 12 респондентов (80 %) определили главную мысль креолизованного текста в ключе «война и ее страшные последствия», 2 человека (13, 3 %) предложили вариант «призыв к миру», 2 человека (13, 3 %) — вариант «репортеры сделали фотографии войны», один человек (6, 7 %) — «за нас на войне умирали люди», один человек (6, 7%) указал, что в тексте содержится

«призыв к страху», один человек (6, 7 %) не определил главную мысль (заметим, что часть респондентов предлагала несколько формулировок главной мысли, каждая из которых была учтена отдельно). Таким образом, после ознакомления с публикацией для большинства респондентов наиболее значимой оказалась тематическая линия, связанная с представлением концепта «война», в то время как не менее значимая для автора тематическая линия «антивоенная деятельность» в сознании реципиентов отходит на второй план.

В ответе на вопрос о ключевых, наиболее значимых для выражения смысла элементах публикации респонденты проявили единодушие: 100 % опрошенных в качестве таковых назвали исключительно визуальную часть медиатекста в целом или ее отдельные фрагменты («жертвы», «фотографии», «люди страдающие», «жизнь человека на войне», «выражение лиц на снимках», «эмоции людей на снимках» и др.). Подчеркнем, что не было названо ни одного вербального элемента в качестве ключевого. Вероятно, мощная энергия визуализации последствий войны полностью захватывала читателей, оттесняя вербальный комментарий на второй план.

Испытали эмоции в момент ознакомления с текстом 14 человек (93, 5 % опрошенных), только один человек (6, 5 %) указал, что текст не вызвал у него эмоции. 11 человек (73, 5 %) отметили возникновение исключительно отрицательных эмоций, причем большая часть названных эмоций — сильной интенсивности («страх», «ужас», «гнев», «боль», «скорбь» и др.); отмечена одна физиологическая реакция на текст: «чувствовал себя плохо». Восемь человек из указанных одиннадцати испытали гамму отрицательных эмоций разной интенсивности («печаль, горе, стыд, страх, все тело напряглось», «гнев, страх, грусть», «ужас, боль, страх», «страх, ужас, сочувствие, печаль, гнев, обида, боль» и др.). 3 человека (20 %) отметили возникновение двойственных эмоций: ужас от созерцания последствий войны и одновременно гордость за военных, защищающих мирное население, или гордость за организаторов и участников Марша мира. Всего было зафиксировано 38 отрицательных эмоциональных реакций у 14 респондентов.

В качестве наиболее эмоциогенных элементов креолизованного текста также были названы исключительно визуальные его фрагменты, чаще всего — первое фото убитой девушки, а также другие фото, на которых была видна кровь пострадавших (слово «кровь» использовали 53 % респондентов (8 человек), «девушка» — 40 % (6 человек)). Вербальные элементы респондентами не упоминались. Таким образом, наименьшие значения временных и количественных показателей восприятия выделенной зоны «кровь» не свидетельствуют о низкой ее значимости для респондентов.

Всего в ответах было зафиксировано использование 145 отрицательно окрашенных оценочных слов. Слова с негативной окраской присутствуют в анкетах 100 % респондентов. Минимальное количество негативно окрашенной лексики в ответе — 1 слово, максимальное — 29 слов. Подобное количество оценочной лексики является свидетельством высокой степени воздействия текста на аудиторию. Характер использованной лексики свидетельствует о характере произведенного на адресата впечатления.

Соотнесение данных анализа эмоционально-оценочной стороны текста с результатами опроса и айтрекинга показало, что использованные автором выразительные приемы в данной выборке выполняют эмоциогенную и когнитивную функцию: вызывают эмоции, способствуют привлечению внимания к текстовому элементу и лучшему его запоминанию. При этом в той или иной степени «работают» все отмеченные выше приемы (табл. 3).

Экспериментальное исследование специфики восприятия медиатекста «Одна секунда войны» показало, что рассмотренная публикация обладает несомненным эмоциогенным потенциалом в первую очередь благодаря креолизации текста.

Таблица 3

Перлокутивный эффект креолизованного медиатекста

Выразительные приемы (вербальные и визуальные)	Сигналы «обратной связи» (маркеры привлеченного внимания, произведенного впечатления)
<i>Эффект напряжения</i>	
Экспрессивный зачин	Согласно данным айтрекинга, «вводной» фотографии респонденты уделили наибольшее внимание (максимальные показатели средней продолжительности фиксации и среднего количества саккад среди выделенных зон интереса). 40 % респондентов в ходе опроса упоминали ее как наиболее эмоциогенный элемент КТ
Дробная подача содержательного элемента (война) в виде серии фотографий	80 % респондентов определили главную мысль текста, опираясь на цикл фотографий. Для большинства респондентов наиболее значимой оказалась тематическая линия, связанная с представлением концепта «война». 100 % респондентов назвали фото ключевым смысловым и эмоциогенным элементом креолизованного текста
<i>Эффект конвергенции</i>	
Повтор информации о страшных последствиях войны	93, 5 % респондентов испытали эмоции сильной интенсивности. В анкетах 100 % респондентов присутствует отрицательно окрашенная эмоционально-оценочная лексика, для характеристики увиденного использовано 145 отрицательных оценочных слов
Контраст «мир — война»	Двойственные эмоции испытали 20 % респондентов. 13,3 % респондентов оценили фотографии войны как «призыв к миру»
Языковые приемы экспрессии	Вербальные элементы не упоминались респондентами в качестве ключевых для данной публикации. По данным айтрекинга, ни один из реципиентов не дочитал текст до конца, вместе с тем отмечена значительная фокусировка на слове «война» и других ключевых концептах публикации. 26, 7 % реципиентов сформулировали главную мысль текста на основе сведений, представленных в вербальной части публикации

Согласно данным айтрекинга и анкетирования, визуализация способна полностью поглотить внимание реципиентов и послужить причиной дискурсивного

смещения акцентов с одной смысловой линии медиатекста на другую. При восприятии вербальных и визуальных частей публикации действуют тематические и композиционные стратегии чтения, отражающие субъективные предпочтения реципиентов и демонстрирующие характер их когнитивных процессов.

1. *Анисимов В. А., Федорова О. В., Латанов А. В.* Параметры движений глаз при чтении предложений с синтаксической неоднозначностью в русском языке [Электронный ресурс] // Физиология человека. 2014. Т. 40, № 5. С. 57–68. URL: <http://istina.msu.ru/media/publications/article/c0a/918/17262382/CHF0057.pdf> (дата обращения: 21.01.2017).

2. *Анисимов В. Н.* Движения глаз при чтении предложений с синтаксической неоднозначностью в русском языке : автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 24 с. URL: http://www.bio.msu.ru/res/Dissertation/534/DOC_FILENAME/Anisimov.pdf (дата обращения: 21.02.2017).

3. *Безруких М. М., Иванов В. В.* Движения глаз в процессе чтения как показатель сформированности навыка [Электронный ресурс] // Новые исследования. 2008. Т. 1, вып. № 16–1. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/dvizheniya-glaz-v-protseste-chteniya-kak-pokazatel-sformirovannosti-navyuka> (дата обращения: 21.01.2017.).

4. *Булатова Э. В.* Текстовый концепт «война» и его дискурсивная реализация // Лингвокультура и концептуальное пространство языка : сб. ст. СПб., 2016. Вып. 10. С. 295–302.

5. *Майданова Л. М.* Очерки по практической стилистике. Свердловск, 1987. 184 с.

6. Одна секунда войны [Электронный ресурс] // Рус. репортер. 2014. 16 марта. URL: http://www.rusrep.ru/article/war_photos (дата обращения: 21.01.2017).

7. *Семеновских Т. В.* Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде // Наукovedение : [интернет-журн.]. 2014. Вып. 5 (24), сент. – окт. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf> (дата обращения: 15.01.2017).

8. Экспериментальная психология : пер. с фр. / ред.-сост. П. Фресс и Ж. Пиаже ; предисл. и общ. ред. А. Н. Леонтьева. М., 1975. Вып. 5. 282 с.

9. *Just M., Carpenter P.* A theory of reading: from eye fixations to comprehension // Journal Psychological Review. 1980. Vol. 87(4). P. 329–354.

10. *Thorndyke R.* Cognitive structures in comprehension and memory of narrative discourse // Cognitive Psychology. 1977. Vol. 9. P. 77–110.

Статья поступила в редакцию 10.02.2017 г.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 821.161.1-3 Толстой + 78.071.2

О. Л. Девятова

«ИСПОВЕДЬ» Л. Н. ТОЛСТОГО И КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Исследуется проблема творческих взаимосвязей художников. Представлен анализ «Исповеди» Л. Н. Толстого в восприятии П. И. Чайковского, чьи философско-эстетические и религиозные воззрения во многом совпадали со взглядами и нравственными принципами писателя. Рассмотрены волнующие Толстого и Чайковского вопросы, касающиеся вечных проблем человеческого бытия (веры, Бога, добра и зла, жизни, смерти и бессмертия). Сделан вывод о родстве душевных, психологических и философско-религиозных исканий двух гениев русской культуры.

К л ю ч е в ы е с л о в а: культура; философия; религия; эстетика; воззрения: нравственность; литература; музыка; писатель; композитор.

Толстой — громадный и в высшей степени симпатичный мне талант.

П. И. Чайковский

Проблема «Чайковский и Толстой» сложна и многоаспектна. В обширной литературе, посвященной великому композитору, этой проблеме уделяется большое внимание. Представляет ценность сборник статей «Чайковский и русская литература», раскрывающий разнообразные связи творчества композитора с русской литературной классикой (в том числе и с Толстым). Среди статей сборника интересна работа М. В. Блока «Неизданные пометы П. И. Чайковского на публицистическом произведении Л. Н. Толстого», в которой главный акцент сделан на пометах Чайковского в работе Толстого «В чем моя вера?». В своей монографии Е. М. Орлова рассматривает вопросы общения Чайковского с Толстым в русле многообразных литературных интересов Чайковского. В последние

ДЕВЯТОВА Ольга Леонидовна — доктор культурологии, профессор кафедры культурологии и социально-культурной деятельности Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: sonare-9@inbox.ru).

© Девятова О. Л., 2017

десятилетия появились работы П. Вайдман (статья «Чайковский и Толстой: еще раз о встрече художников»), книги А. Познанского («Чайковский в Петербурге» и др.), в которых есть упоминания о контактах с Л. Н. Толстым. Эта проблема затрагивается также в статье «Взаимоотношения Л. Толстого и русских композиторов его времени. Воззрения писателя на их творчество». Ее автор Н. В. Френкель убедительно раскрывает различные музыкальные интересы писателя, в частности, его восприятие музыки Чайковского и взглядов композитора. Но особо следует выделить кандидатскую диссертацию А. Г. Айнбиндер «Личная библиотека П. И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии». В главе под названием «Диалоги Чайковского в зеркале его библиотеки» рассматривается вопрос о чтении Чайковским Библии и размышлениях композитора над ее текстом, а также над текстами философских трактатов Л. Н. Толстого и А. Шопенгауэра. Ценность исследования заключается в точности фактологического материала, привлекаемого для подтверждения основных идей работы. Права А. Г. Айнбиндер и в том, что анализ круга чтения Чайковского помогает понять его ценностные ориентиры, выявить черты мировоззрения, позволяет «увидеть многообразие форм и сфер общения музыканта с миром как определяющего фактора его универсализма» [1, 22]. В статье А. Г. Айнбиндер «П. И. Чайковский — читатель Л. Н. Толстого» подробно, хронологически последовательно анализируется процесс чтения Чайковским сочинений Толстого, который продолжался с юности и практически до конца жизни композитора [2].

При всей ценности названных трудов большинство из них носят биографический или архивно-источниковедческий характер. Однако исследование этой проблемы требует применения более целостного, культурологического подхода, так как избранная тема выходит далеко за рамки собственно личных контактов двух художников и включает в себя многие вопросы, главный из которых, на наш взгляд, связан с культурфилософскими и религиозными исканиями Чайковского, которые по своим смыслам и направленности во многом совпадали с духовными, нравственными и творческими исканиями Толстого. Именно эти искания открывает для нас «Исповедь» Толстого, которая привлекла внимание Чайковского и оказалась созвучной его умонастроениям, мироощущению и душевным движениям. Культурологический подход в анализе «Исповеди» Толстого помогает нам глубже и объемнее понять философию культурного и художественного бытия Чайковского.

В письме к Н. Ф. фон Мекк от 13 марта 1884 г. Чайковский писал о своем неизгладимом впечатлении от «Исповеди» Толстого: «Читали ли Вы, дорогой друг, “Исповедь” графа Льва Толстого, которая несколько времени тому назад должна была быть напечатанной в журнале “Русская мысль”, но вследствие требований цензуры не сделалась публичным достоянием? Она ходит в рукописи, и мне только здесь удалось, наконец, прочесть ее (здесь и далее разрядка автора цитаты. — О. Д.)» [10, 175–176]. Силу своего впечатления Чайковский объяснял не только достоинствами самой «Исповеди», но и тем, что многое из того, что испытывал Толстой, было пережито и пережито им самим и нашло живой отклик в его душе: «Она произвела на меня тем более сильное впечатление, что

муки сочинения и трагического недоумения, через которые прошел Толстой, и которые он так удивительно хорошо высказал в “Исповеди”, и мне известны. Но у меня просветление пришло гораздо раньше, чем у Толстого, вероятно потому, что голова моя проще устроена, чем у него, и еще постоянной потребности в труде я обязан тем, что страдал и мучился менее Толстого» [10, 175–176].

Обратимся далее к основным идеям «Исповеди» Толстого, которые были близки Чайковскому. Главный пафос рассуждений писателя заключен в его отношении к вере, которое было неоднозначным и менялось со временем по мере его формирования как личности (от отрицания веры и ортодоксального вероучения к богоискательству и приятию Бога). Толстой, не щадя себя, писал о своих разочарованиях в жизни окружающего его общества, о тщетности и суетности того круга, к которому он принадлежал, о поиске совершенствования на пути к истинной вере. Если в отрочестве и юности он следовал заветам православной веры, то к восемнадцати годам, когда «вышел со второго курса университета, он, по признанию, “не верил уже ни во что из того, чему меня учили”» [15, 5]. «Сообщаемое мне с детства вероучение исчезло во мне так же, как и в других, с той только разницей, что так как я очень рано стал много читать и думать, то мое отречение от вероучения очень рано стало сознательным», — пояснял он [Там же, 7–8]. Причем его отречение от внешних атрибутов веры (хождение в церковь, говение и др.), по его словам, отнюдь не означало отрицания Бога: «Верил я и в Бога, или скорее, я не отрицал Бога, но какого Бога, я бы не мог сказать; не отрицал я и Христа и его учение, но в чем было его учение, я тоже не мог бы сказать» [Там же, 8]. Вспоминая это время много лет спустя, Толстой признавался, что «единственная истинная вера моя в то время была вера в совершенствование». Он совершенствовал себя умственно, физически, укреплял волю, но «началом всего» считал «нравственное совершенствование», которое, увы, подменилось постепенно «желанием быть лучше перед другими людьми», а затем — «желанием быть сильнее других людей, то есть славнее, важнее, богаче других». Такие устремления привели к обратному результату, который был продиктован господствовавшими в обществе нравами: «Всякий раз, когда я пытался высказать то, что составляло самые задушевные мои желания: то, что я хочу быть нравственно хорошим, я встречал презрение и насмешку; а как только я предавался гадким страстям, меня хвалили и поощряли <...> Честолюбие, корыстолюбие, любострастие, гордость, гнев, месть — все это уважалось <...> Сколько раз я ухитрялся скрывать в писаниях своих, под видом равнодушия и даже легкой насмешливости, те мои стремления к добру, которые составляли *смысл моей жизни*. И я достигал этого: меня хвалили (здесь и далее в цитатах курсив мой. — О. Д.)» [Там же, 8–9].

Думается, что читая эти строки Толстого, Чайковский невольно переносил его самобичевание и беспристрастное разоблачение, его переживания на себя, сопоставлял первые 26 лет жизни Толстого с началом своего формирования: годами отрочества, юности и ранней молодости, когда вопросы веры, собственного назначения в мире, смысла жизни, а также профессии его еще мало заботили, хотя внутри, так же, как и у Толстого, в нем всегда жила эта тяга к совершенствованию, добру, истинной вере. Известно, что по окончании Училища правоведения

в течение двух лет он вел весьма легкомысленный, светский образ жизни, любил прогулки и развлечения, встречи с друзьями, имел немалые денежные долги, хотя и исправно служил титулярным советником (об этом подробно пишет А. Познанский).

Переломным моментом в жизни Чайковского стало, как известно, его поступление в Музыкальные классы, открытые при Русском музыкальном обществе, хотя сомнения подчас и одолевали будущего композитора. Даже уже поступив осенью 1862 г. во вновь открытую Петербургскую консерваторию и приступив к занятиям теорией музыки, Чайковский еще был на перепутье, продолжая служить в Министерстве юстиции. О своих сомнениях и переживаниях он исповедывался в письмах к сестре, хотя его вера в собственное призвание все более крепла: «В прошлом году, как тебе известно, — писал он в письме от 10 сентября 1862 г., — я очень много занимался теорией музыки и теперь решительно убедился, что рано или поздно, но я променяю службу на музыку. Не подумай, что я воображаю сделаться великим артистом, — я просто хочу только делать то, к чему меня *влечет призвание*; буду ли я знаменитый композитор или бедный учитель, — но совесть моя будет спокойна, и я не буду иметь тяжкого права роптать на судьбу и на людей. Службу, конечно, я окончательно не брошу до тех пор, пока не буду окончательно уверен в том, что *я артист, а не чиновник*» [18, 15]. Напомним, что решающим для него во время учебы в консерватории стал совет обожаемого им А. Рубинштейна, что необходимо заниматься музыкой со всей серьезностью или оставить это дело совсем. Следуя этому совету, он окончательно порвал в те годы со светской жизнью, посвятив все время учебе. В результате упорный, подчас изнурительный труд и постоянная работа над собой превратили Чайковского из скромного дилетанта-любителя в настоящего музыканта-профессионала, а впоследствии великого композитора.

Возвращаясь к сопоставлениям с Толстым, отметим, что Чайковский, также воспитанный в православии, в молодости, поддаваясь господствующим в 1860–1870-е гг. материалистическим воззрениям, относился несколько формально к церкви, ее догматам, обязательным обрядам и т. д. (об этом писал брат композитора Модест Чайковский, отмечая «отрицательный характер» его религиозных воззрений в те годы). Чайковский, как и Толстой, по мере своего созревания как личности с интересом читал труды французских просветителей (Руссо, Вольтера) и других философов. Это дало повод многим исследователям, особенно советских времен (Е. Орлова, М. Блок и др.), считать Чайковского материалистом. По мнению М. Блока, Чайковский до последних дней жизни был верен материалистическим взглядам 1860-х гг. Однако с этим утверждением трудно согласиться, так как при всей своей убежденности «в прогрессивной роли науки и философии в развитии общества» он, задумываясь о вечных проблемах человеческого бытия, осознавал и чувствовал их как художник — романтик и идеалист.

Идеалистическим устремлениям не был чужд и Толстой. Многие страницы «Исповеди» писателя посвящены его мучительным поискам ответа на вопросы о смысле жизни, добре и зле, жизни и смерти: «Зачем мне жить, зачем чего-нибудь желать, зачем что-нибудь делать?», «Есть ли в моей жизни такой смысл, который

не уничтожился бы неизбежно предстоящей мне смертью?» [15, 22]. Ища ответа на эти вопросы, Толстой, так же как и Чайковский, обращался к научным знаниям, к философии, но не получал удовлетворения, сравнивая себя с заблудившимся в лесу человеком. Ответы ему не дали ни мудрости царя Соломона и Сократа, ни идеи Шопенгауэра, ни учение Будды. В результате в какой-то момент он даже пришел к выводу, что жизнь есть зло, бессмыслица, чья-то злая шутка, а потому надо покончить с ней самоубийством. Сопоставим эти метания Толстого с известным признанием Чайковского, сравнивающего себя с флюгером, который вертится между «традиционной религией и критическими доводами разума». «...Я весь состою из противоречий и, доживши до очень зрелого возраста, я ни на чем не остановился, не успокоил своего тревожного духа, ни на религии, ни на философии. Право, было бы от чего с ума сойти, если б не музыка. Вот в самом деле лучший дар неба для блуждающего в потемках человечества. Она одна только просветляет, примиряет, успокаивает. Но это не соломинка, за которую только едва хватаешься. Это верный друг, покровитель и утешитель, и ради его одного стоит жить на свете...» [11, 102].

В одном из писем к Н. Ф. фон Мекк Чайковский писал о своих религиозных метаниях так: «Я и забыл... что могут быть люди, как Спиноза, Гете... Кант, которые сумели обойтись без религии. Я и забыл, что, не говоря уже об этих колоссах, существует бездна людей, сумевших создать себе гармонический строй идей, заменивших им религию. Мне остается завидовать этим людям. Мне кажется, что я обречен целую жизнь *сомневаться и искать выхода их противоречий*» [17, кн. 1, 135]. В этих высказываниях Чайковский — типичный романтик: ищущий, сомневающийся, вечно неудовлетворенный, понимающий разумом возможность материалистического взгляда на мир, но не отказывающийся в своем вечном поиске от идеалистических воззрений, веры в Бога, в божественное предназначение человека и другие идеалистические идеи, которые его как творческую личность привлекали и притягивали, особенно в переломные периоды жизни. Как известно, потрясения конца 1870-х — начала 1880-х гг. (в связи с неудачной женитьбой и другими драматическими обстоятельствами, приведшими его к состоянию, близкому к самоубийству) заставили Чайковского все больше задумываться о Боге, вере, религии, в которых он искал спасения от трагических невзгод и страданий.

В своем споре-диалоге с Н. Ф. фон Мекк Чайковский пытался объяснить ей суть своих философско-религиозных исканий, которые удивительно совпадают с богоискательством Толстого, описанным в «Исповеди».

Размышляя об отношении к религии материалистически мыслящих людей, Чайковский писал, что «в том-то и состоит *трагизм человека, склонного к скептицизму*, что порвавши связь с традиционными верованиями и ища, чем заменить религию, *он тщетно кидается от одной философской теории к другой*, мечтая найти в ней ту непобедимую силу в борьбе с жизнью, которою вооружены люди верующие» [Там же, 110]. В этих суждениях, безусловно, Чайковский имеет в виду, прежде всего, самого себя, как уже отмечалось, ищущего постоянно точек духовной опоры. Чайковский считал, что «религия есть элемент примирения». Сопоставляя свои ощущения с сомнениями и переживаниями по этому поводу фон

Мекк, композитор писал: «И знаете что? Мне кажется, что Вы оттого сочувствуете моей музыке, что *я всегда полон тоски по идеалу*, так же точно, как и Вы. Наши страдания одинаковы, Ваши сомнения так же сильны, как и мои, *мы одинаково с Вами плывем по безбрежному морю скептицизма, ища пристани и не находя ее*. Не оттого ли моя музыка так родственна и так близка Вам?» [17, кн. 1, 110].

Эти мысли Чайковского резонируют, как отмечалось, с высказываниями Толстого в «Исповеди», его скептицизмом и поиском пристани, которую писатель тоже искал *в идеалах*, выработанных человечеством. «Эти идеалы. — писал он, — выражаются в религиях, науках, искусствах, формах государственности. Идеалы эти все становятся выше и выше, и человечество идет к высшему благу. Я — часть человечества, и потому призвание мое состоит в том, чтобы содействовать сознанию и осуществлению идеалов человечества» [15, 24–25]. Однако Толстой быстро разочаровался в этой теории и вновь стал искать ответа на вопросы «что я такое?», «зачем я живу?».

Чайковский (в письмах к фон Мекк) четко сформулировал *своеобразие* своей религиозности, которая обладала для него многими культурными и философско-эстетическими смыслами. И в самом церковном богослужении для него как музыканта были важны красота и проникновенность музыки, а также общехудожественное впечатление от обряда: «Для меня она [церковь. — О. Д.] сохранила очень много поэтической прелести. Я очень часто бываю у обедни; литургия Иоанна Златоустого есть, по-моему, одно из величайших художественных произведений. Если следить за службой внимательно, вникая в смысл каждого обряда, то нельзя не умилиться духом, присутствуя при нашем православном богослужении. Я очень люблю также всенощное бдение» [17, кн. 1, 112]. Композитор испытывает восхищение и благоговение от церковного обряда и, погружаясь в него, пытается найти ответы на мучающие его вопросы человеческого бытия: «Отправиться в субботу в какую-нибудь древнюю небольшую церковь, стоять в полумраке, наполненном дымом ладана, *углубляться в себя и искать в себе ответа на вечные вопросы: для чего, когда, куда, зачем*, пробуждаться от задумчивости, когда хор поет: “От юности моя мнози борют мя страсти”, — и отдаваться влиянию увлекательной поэзии этого псалма, проникаться каким-то тихим восторгом, когда отворятся царские врата и раздастся: “Хвалите Господа с небес!” — о, все это я ужасно люблю, это одно из величайших моих наслаждений!» [Там же, 112–113].

Восхищаясь самим обрядом и сопровождающей его музыкой, Чайковский в то же время, как отмечалось, не принимал многих догматов церкви, и в таком его отношении к религии проявилась типичная для романтика раздвоенность. Вот как формулирует ее сам композитор: «Итак, с одной стороны, я еще связан узами с церковью, с другой — я, подобно Вам, давно уже утратил веру в догматы. Догмат о воздаянии в особенности кажется мне чудовищно несправедливым и неразумным. Я, как и Вы, пришел к убеждению, что если есть будущая жизнь, то разве только в смысле неисчерпаемости материи и еще в пантеистическом смысле вечности природы, в которой я составляю одно из микроскопических явлений» [Там же, 113]. Эти размышления о своей религиозности выводили композитора на проблему жизни и смерти, которую поначалу он воспринимал материалистически,

не веря в личное бессмертие человека: «Словом, я *не могу понять личного бессмертия*. Да и как мы можем представить вечную загробную жизнь вечным наслаждением? Но для того, чтобы было наслаждение и блаженство, необходимо, чтобы была и противоположность его — *вечная мука*. Последнюю я отрицаю совершенно». Размышляя о загробной жизни, Чайковский выходил на познание диалектики жизни земной, ее контрастов, единства и борьбы противоположностей: «Наконец, я даже не знаю, следует ли желать загробной жизни, ибо жизнь имеет только тогда прелесть, когда состоит из чередования *радостей и горя*, из *борьбы добра со злом*, из *света и тени*, словом из *разнообразия в единстве*. Как же представить себе вечную жизнь в виде нескончаемого блаженства? По нашим земным понятиям, ведь и блаженство, если оно ничем и никогда не смущается, должно в конце концов надоесть. Таким образом, в результате всех моих рассуждений, я пришел к выводу, что *вечной жизни нет*» [17, кн. 1, 113]. Однако, по собственному признанию композитора, его разумные убеждения и «их победоносная сила» вступают в некоторое противоречие с его чувствами и инстинктивным желанием «продления жизни» после смерти: «Но убеждение — одно, а чувство и инстинкт — другое. Отрицая вечную жизнь, я вместе с тем с негодованием отвергаю чудовищную мысль, что никогда, никогда не увижу нескольких дорогих покойников» [Там же]. В этой борьбе разума и чувства вновь раскрывается романтическая натура композитора, его тоска по идеалу, его неприятие смерти как в физическом, так и в духовном смысле.

Подобная мучительная борьба между разумом и чувством была присуща и Толстому. В «Исповеди» он подробно описал свои состояния в процессе богоскисательства и приход к убеждению, что смысл жизни человека состоит именно в вере: «Где жизнь, там вера... *всякий ответ веры конечному* существованию человека придает *смысл бесконечного*, — смысл, не уничтожаемый страданиями, лишениями и смертью». По убеждению Толстого, «...вера есть знание *смысла человеческой жизни*, вследствие которого человек не уничтожает себя, а живет. Если человек живет, то он во что-нибудь да верит <...> он должен верить в бесконечное. *Без веры нельзя жить*» [15, 43]. Вполне резонирует с Толстым и высказывание Чайковского: «Что ни говорите, а верить, т. е. верить не вследствие рутины и недостатка рассуждающей способности, а *верить разумно, сумевши примирить все недоразумения и противоречия*, внушаемые критическим процессом ума, есть *величайшее счастье*. Умный и в то же время верующий искренно человек (а ведь таких очень много) обладает такой броней, против которой *совершенно бессильны всякие удары судьбы*» [17, кн. 1, 110].

Таким образом, оба художника приходят к близким мыслям о вере как сущностной составляющей земного бытия человека и своеобразном залоге его бессмертия, продолжения «в бесконечном», в случае следования нравственным законам христианского учения.

Размышляя о смысле жизни, оба художника обращались за ответами к работе Шопенгауэра «Мир как воля и представление». Сравним мысли писателя и композитора об идеях Шопенгауэра. Толстой в поисках истины сопоставляет в «Исповеди», как отмечалось, мысли Сократа, Шопенгауэра, Соломона и Будды

и находит общность у них в том, что приближение к истине ведет к удалению от жизни (т. е. к смерти). Толстой приводит слова Сократа: «Мудрец всю жизнь ищет смерть, и потому смерть не страшна ему». О том же, по мысли Толстого, размышлял и Шопенгауэр, который считал, что если «...нет воли, нет представления, нет и мира. Перед нами, конечно, остается только ничто <...> то, что остается по совершенном уничтожении воли для нас, которые еще полны волей, есть, конечно, ничто; но и, наоборот, для тех, в которых воля обратилась и отеклась от себя, для них этот наш столь реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями, *есть ничто* (курсив автора цитаты. — О. Д.)» [цит. по: 15, 29–30].

Чайковский, как и Толстой, с большим интересом изучал работу А. Шопенгауэра «Мир как воля и представление», хотя категорически не принимал пессимизм концепции Шопенгауэра: «Кто дошел до убеждения, что лучше всего *не жить*, тот должен был бы сам по возможности не жить, т. е. скрыться, уничтожиться, оставив в покое тех, *кому жить хочется*» [17, кн. 1, 237]. С присущей ему полемической горячностью Чайковский задает целый ряд вопросов: «Я до сих пор никак не могу понять, считает он для человечества услугой свою философию? Почему ему понадобилось доказать нам, что ничего нет безотраднее жизни? <...> зачем ему понадобилось отравить нас ядом своего пессимизма? Какая от этого польза? Казалось бы он хочет проповедовать самоубийство. Но оказывается, что он самоубийство порицает» [Там же].

Однако при всем совпадении многих мыслей в понимании *сущности* христианства, а также в восприятии проблем добра и зла, жизни и смерти Толстой и Чайковский делали разные акценты. Чайковский смотрел на это, как отмечалось, идеалистически, в свете эстетики романтизма, Толстой — как художник-реалист, исследователь социальных аспектов жизни общества. Говоря о сущности христианства, Чайковский восклицал: «О, если б люди могли быть христианами *не только по форме*, а и *по сущности*, если б все были проникнуты теми простыми истинами христианской морали, в которых заключается вся правда жизни». Однако далее он с горечью констатировал: «Увы, того никогда не будет, ибо тогда наступило бы царство вечного и совершенного добра, а мы по самой организации своей существа несовершенные, для которых *понимание добра возможно в смысле изнанки зла*». «Мы как бы специально для того только и созданы, чтобы *вечно бороться со злом, искать идеалов, добиваться вечной правды, но никогда не достигать цели*» [17, кн. 2, 183]. Такое романтически амбивалентное восприятие добра и зла Чайковским существенно отличается от более объективированной и жестко реалистичной точки зрения Толстого, который воспринимал эту проблему с социальных позиций, анализируя в «Исповеди» жизнь богатых и бедных людей. Он, как отмечалось, резко критично относился к жизни людей своего круга (и своей в том числе), которая «проходит в праздности, потехах и недовольстве жизнью», и противопоставлял им жизнь тысяч бедных людей, живущих в тяжелом труде и при этом спокойно принимающих болезни и горести, «с твердой уверенностью, что все это должно быть и не может быть иначе, что все это — добро». Он писал: «...в противоположность тому, что чем мы умнее, тем менее понимаем смысл жизни и видим какую-то злую насмешку в том, что мы страдаем и умираем, эти люди живут,

страдают и приближаются к смерти с спокойствием, чаще же всего с радостью... И я полюбил этих людей» [15, 49]. Далее он приводил свое понимание истины, изложенной в Евангелии: «...что люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы. Ибо всякий, делающий худые дела, ненавидит свет и не идет к свету, чтобы не обличились дела его» [Там же, 49–50].

Чайковский также в полной мере уверовал в христианское отношение ко злу и к людям, которые его творят. Однако в его взглядах на этот предмет произошла заметная эволюция. Если в 1870-е гг. он упрекал себя за неумение относиться по-христиански снисходительно «к порокам и недостаткам ближнего», то впоследствии писал о прощении и снисходительности к тем, кто творит зло, в чем он приближался к Толстому с его идеями о непротивлении злу насилием, высказанными писателем уже много позднее. Сравним высказывания композитора разных лет. В письме к фон Мекк от 5 декабря 1877 г. он писал: «...Я всегда заставлял себя смотреть на зло человеческой природы как на *неизбежное отрицание добра*. Исходя из этой (если не ошибаюсь, выясненной Спинозой) точкой зрения, мне бы следовало никогда не поддаваться чувствам злобы, ненависти. Между тем на практике оказывается, что я злюсь, ненавижу, негодую на людей так же точно, как человек, которому никогда не приходила в голову мысль о том, что каждый ближний действует согласно указаниям его фатума» [17, кн. 1, 138]. В этом высказывании вновь звучат ноты романтического мироощущения Чайковского, согласно которому жизнь человека подвластна непреложному закону фатума, судьбы, что, как известно, определило суть концепций его многих сочинений (симфоническая поэма «Фатум», тема фатума в Четвертой симфонии, роковые темы Графини, «трех карт» в опере «Пиковая дама» и др.). В письме от 16 марта 1881 г. Чайковский писал об отношении к людям, творящим зло, несколько иначе: «По крайней мере будем снисходительны к тем, которые в слепоте своей любят зло по врожденному инстинкту. Виноваты ли они в том, что существуют только для оттенка людей избранных? Имеем ли мы право отвечать им злом на зло? Нет, мы можем только повторять вместе с Христом: “Господи! Прости им, не ведают бо, что творят!”» [Там же, кн. 2, 183].

Сближает Чайковского и Толстого постепенное проникновение в их сознание и душу *света веры*. По признанию Толстого в «Исповеди», в результате молитвы он постепенно приходил к мысли, что Бог видит его «искания, отчаяние, борьбу. Он есть». «...Но тут я оглянулся на самого себя, на то, что происходило во мне; и я вспомнил все эти сотни раз происходившие во мне *умирания и оживления*. Я вспомнил, что я жил только тогда, когда верил в Бога... Так чего же я ищу еще? — вскрикнул во мне голос. — Так вот он. Он — то, без чего нельзя жить. Знать Бога и жить — одно и то же. Бог есть жизнь... И сильнее чем когда-нибудь все *осветилось* во мне и вокруг меня, и *свет* этот уже не покидал меня» [15, 54–55].

О том же «свете веры» писал и Чайковский, когда он тяжело переживал смерть Н. Г. Рубинштейна (в 1881 г.). По его признанию, тогда он услышал «голос божественной правды» и вплотную приблизился к пониманию «неразрешимых» вопросов бытия, которые мучали в то же время и Толстого: «...В голове темно, да иначе и быть не может, ввиду таких *неразрешимых для слабого ума вопросов*,

как смерть, цель и смысл жизни, бесконечность или конечность ее; но зато в душу мою все больше и больше проникает свет веры... я чувствую, что более и более склоняюсь к этому единственному оплоту нашему против всяких бедствий. Я чувствую, что начинаю уметь любить Бога, чего прежде я не умел». Чайковский, как и Толстой, не отрицал, что «сомнения еще посещали его» вследствие попыток «своим слабым и жалким умом постигнуть непостижимое...». Но тем не менее он утверждал: «Я уже часто нахожу неизъяснимое наслаждение в том, что преклоняюсь перед неисповедимою, но несомненною для меня премудростью Божьею» [17, кн. 2, 184]. Чайковский верил, что «...наступит час, когда разрешатся все недоступные нашему уму вопросы и когда мы поймем, почему Бог находит нужным посылать нам испытания. Мне хочется верить, что есть будущая жизнь. Когда хотение обратится в факт, тогда я буду счастлив, насколько счастье на земле возможно» [Там же]. В этих суждениях он предстает перед нами вновь в типичной для него раздвоенности: и как идеалист-романтик, мечтающий о недостижимом, но столь желанном «вечном счастье», и как реалист, сознающий тщетность этих стремлений в земной жизни.

Толстой взирал на мир и на возможность «счастья» на земле, как уже отмечалось, еще более трезво и объективно, что выразилось в его дальнейшей оппозиции к ортодоксальной церкви, отлучении от нее и заострении внимания на остро социальных и нравственных проблемах в жизни России начала XX в. Это проявилось в его статьях «Неизбежный переворот», «О воспитании», «Единая заповедь» и др.

Таким образом, философско-религиозные взгляды Чайковского и Толстого, при некоторых различиях, совпадали. В процессе мучительного богоискательства они оба пытались постичь смысл жизни и такие загадки человеческого бытия, как смерть и бессмертие. Этим во многом обусловлено взаимопротивление двух гениев. И в этом ключе значение «Исповеди» Толстого для Чайковского трудно переоценить, исследование ее открывает нам поистине универсальные культурно-философские и религиозные смыслы, в равной мере волнующие обоих гениев земли русской.

1. Айнбиндер А. Личная библиотека П. И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010. 25 с.

2. Айнбиндер А. П. И. Чайковский — читатель Л. Н. Толстого // Л. Н. Толстой и судьбы современной цивилизации. Тула, 2003. Ч. 1. С. 238–252.

3. Блок М. Неизданные пометы П. И. Чайковского на публицистическом произведении Л. Н. Толстого // Яснополянский сборник : лит.-крит. ст. и материалы о жизни и творчестве Л. Н. Толстого. Тула, 1955. С. 214–225.

4. Будяковский А. О творчестве и музыкально-эстетических воззрениях Чайковского. СПб., 2008. 352 с.

5. Вайдман П. Чайковский и Толстой: еще раз о встрече двух художников // Толстой — это целый мир. М., 2004. С. 144–167.

6. Захарова О. Религиозные взгляды П. И. Чайковского // П. И. Чайковский. Забытое и новое : альманах. М., 2003. Вып. 2. С. 162–166.

7. Неизвестный Чайковский. М., 2009. 358 с.

8. Орлова Е. П. И. Чайковский. М., 1980. 271 с.

9. П. И. Чайковский и русская литература : сб. ст. Ижевск, 1980. 232 с.
10. П. И. Чайковский об искусстве : избр. фрагменты писем, заметок, статей. Ижевск, 1989. 368 с.
11. П. И. Чайковский — Н. Ф. фон Мекк : переписка : в 4 т. Челябинск, 2007. Т. 1. 704 с.
12. Познанский А. Чайковский : в 2 ч. М., 2010. Ч. 1. 647 с.
13. Познанский А. Чайковский в Петербурге. СПб., 2011. 544 с.
14. Ручьевская Е. Чайковский. СПб., 2010. 140 с.
15. Толстой Л. Исповедь. Тайный дневник // Толстой Л. Избранное. Ростов н/Д, 1998. С. 3–70.
16. Френкель Н. Взаимоотношения Л. Толстого и русских композиторов его времени. Воззрения писателя на их творчество [Электронный ресурс]. URL: [http://www. Art-in school.ru](http://www.Art-in school.ru)
17. Чайковский П. И. Переписка с Н. Ф. фон Мекк : в 3 кн. М., 2004. Кн. 1. 624 с.; Кн. 2. 688 с.; Кн. 3. 736 с.
18. Чайковский П. Избранные письма. М., 2002. 455 с.
19. Чайковский П. Дневники. Москва ; Екатеринбург, 2000. 304 с.

Статья поступила в редакцию 27.01.2017 г.

ОБРАЗОВАНИЕ: ВЫЗОВЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 378.1(470.5) + 378.4(470.5)

Г. Е. Зборовский
О. В. Власова

СЕТЕВОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВУЗОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ*

Рассматривается проблема сетевого взаимодействия вузов как элемента трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную. Характеризуются понятие сетевого взаимодействия, его теоретико-методологические основания и функции. Показывается специфика сетевого взаимодействия вузов. Дается трактовка его ресурсного обеспечения и возможных моделей. Конкретизация сетевого взаимодействия университетов в Уральском федеральном округе осуществляется на примере анализа взаимодействия Уральского федерального университета и Сургутского государственного педагогического университета в области подготовки социологов и специалистов по организации работы с молодежью, а также проведения научных исследований в социальной сфере.

К л ю ч е в ы е с л о в а: сетевое взаимодействие; высшее образование; университеты; сотрудничество; линейная и нелинейная модели высшего образования.

Постановка проблемы и актуальность исследования. Инновационные процессы, которые в настоящее время происходят в системе российского высшего образования, требуют изменения его парадигмы. Линейная модель высшего образования, которая существует в России, не соответствует потребностям и ожиданиям значительной части научно-педагогического и студенческого сообществ

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

ВЛАСОВА Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, декан факультета управления Сургутского государственного педагогического университета (e-mail: surgut_vlasov@mail.ru).

© Зборовский Г. Е., Власова О. В., 2017

и населения страны в целом. Современным реалиям больше соответствует нелинейная модель высшего образования, которая, на наш взгляд, может решить основные проблемы в этой сфере.

Для трансформации линейной модели российского высшего образования в нелинейную особое значение приобретают позитивные образцы взаимодействия университетов, повышающего их гибкость, открытость, адаптивность. Формирование нелинейной модели высшего образования означает установление реального сетевого сотрудничества университетов в различных сферах. Это такое сотрудничество, которое осуществляется без давления «сверху», по инициативе самих образовательных институций.

Предметом нашего исследования явилось взаимодействие Уральского федерального университета и Сургутского государственного педагогического университета в области подготовки социологов и специалистов по организации работы с молодежью, а также проведения научных исследований в социальной сфере. Объектом исследования стали два университета уральского макрорегиона — федеральный и региональный.

Цель исследования состояла в изучении характера и особенностей сетевого взаимодействия двух университетов, расположенных на территории Уральского федерального округа, выступающего в качестве пространства трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную. Эта цель конкретизирована в таких задачах, как выявление структуры взаимодействия федерального и регионального университетов, его результатов и перспектив.

Выдвинутая нами гипотеза заключалась в том, что в ходе сетевого взаимодействия университетов разных типов возникают новые структуры, которые обеспечивают трансформацию системы высшего образования макрорегиона в драйвер его экономического и социокультурного развития.

Методология и методы исследования. Методологические основания исследования сетевого взаимодействия образовательных организаций формируются на базе различных теорий — сетевого взаимодействия в обществе и его структурах, структурно-функционального анализа, обмена, нелинейности социальных систем, современного развития высшего образования.

Сетевое взаимодействие университетов представляет собой явление, в котором образовательные организации связываются в сеть, а в рамках сетевого пространства имеет место движение экономических, социальных, образовательных, культурных, научных потоков, представляющих собой доминирующие процессы, происходящие в обществе [7].

При рассмотрении сетевого взаимодействия университетов с позиций структурного функционализма имеет смысл интерпретировать его как систему, каждый из элементов которой вносит свой вклад в ее функционирование. В этом взаимодействии, с позиций концепции Т. Парсонса, реализуются четыре базовые функции [9]. Первая функция — *адаптация*. Система должна справляться с носящими случайный характер требованиями, адаптироваться к внешней среде и приспосабливать ее к своим потребностям. Система сетевого взаимодействия

образовательных организаций должна быть чувствительна не только к требованиям процессов, происходящих в стране, но и к интересам регионов, в структуру которых включен каждый из элементов системы. Вторая функция — *целедостижение*. Система должна определять свои первичные цели и достигать их. Третья функция — *интеграция*. Система должна координировать взаимоотношения своих элементов. Сетевой характер изначально имеет некий уровень интеграции между элементами. Кроме того, система взаимодействия университетов обеспечивает интеграцию системы высшего образования с другими системами общества — экономической, политической, культурной и социальной. Четвертая функция — *латентная*. Система должна питать, поддерживать и возобновлять как мотивацию индивидов, так и культурные образцы, создающие и поддерживающие мотивацию. Примером такого свойства системы взаимодействия университетов в рамках высшего образования может быть создание связанного, общего образовательного и научного пространства.

Еще одной теорией, важной, на наш взгляд, для понимания особенностей сетевого взаимодействия университетов, является парадигма обмена [8]. В рамках этой теории можно говорить о том, что появление сети взаимодействия университетов — это результат обмена действующих акторов на разных уровнях сотрудничества и важный фактор существования системы в целом. На макроуровне взаимодействия осуществляется обмен между экономическими, социальными, культурными, научными системами. На мезоуровне взаимодействия — это обмен между университетами. На микроуровне взаимодействия происходит обмен между образовательными общностями. Обмен на этом уровне выражается в активизации процесса академической мобильности.

В теориях сравнительного исследования национальных систем высшего образования отмечается неоднозначность термина «система высшего образования» и возможность его использования как в узком, так и в широком смысле. В узком — для обозначения совокупности формальных организаций, в широком — для включения в нее всех, кто так или иначе связан с работой высшей школы [11, 12]. Система высшего образования в последнее время начинает в корне изменяться практически во всех странах. Оценке подвергается ситуация неравенства и социальной стратификации в образовательных системах разных стран. Сравняется эффективность национальных систем образования по степени, в которой они помогают людям развивать возможности, необходимые для их успешной социальной интеграции (качество образования) и социального продвижения (образовательное равенство) [10].

Российские исследователи также уделяют внимание вопросу сетевого взаимодействия образовательных организаций. Их работы посвящены проблемам социального партнерства в рамках профильного обучения [2], корпоративной среде в границах сетевого взаимодействия [1], изучению структуры вузовской сети [3], практикам социального взаимодействия вузов [4, 5] и др.

В качестве основных методов эмпирического исследования были использованы глубинные полуструктурированные экспертные интервью и опросы представителей научно-педагогического и студенческого сообществ Уральского федерального

университета и Сургутского государственного педагогического университета. В качестве экспертов выступили ректоры и проректоры университетов, директора институтов и деканы факультетов, заведующие кафедрами, ведущие профессора и научные сотрудники. Общее количество опрошенных — 30 человек.

В ходе проведения глубинных полуструктурированных интервью эксперты ответили на вопросы, разделенные на несколько групп: 1) принципы организации сетевого взаимодействия между вузами в России; 2) характерные свойства и основные черты сетевого взаимодействия; 3) модели взаимодействия образовательных организаций; 4) региональные аспекты организации сетевого взаимодействия.

Применение вышеуказанных методов позволило ответить на три вопроса: «Какие модели сетевого взаимодействия образовательных организаций приемлемы в настоящее время?», «Какова специфика организации сетевого взаимодействия в Уральском федеральном округе?», «Каковы возможности трансформации линейной модели высшего образования в нелинейную благодаря использованию сетевого взаимодействия между университетами?».

Результаты анализа позволили выявить основные направления взаимодействия двух университетов. В образовательном процессе основная линия сотрудничества шла по пути оказания помощи в проведении занятий ведущими профессорами федерального университета, написания ими современных учебников и методических пособий. Важной формой сетевого взаимодействия явилось создание условий для академической мобильности студентов и преподавателей Сургутского педагогического университета, подготовки и защиты докторских и кандидатских диссертаций. В научной работе доминировали совместные исследования актуальных социальных проблем, молодежи, ее культуры, допрофессионального и профессионального образования, в первую очередь высшей школы. Большое внимание уделялось изучению педагогического образования. Особое место в исследованиях заняли работы, выполненные по заказу органов государственной и муниципальной власти. Они касались изучения миграции и обучения детей мигрантов.

Материалы исследования свидетельствуют о значительных перспективах перехода к нелинейной модели высшего образования в макрорегионе посредством многостороннего сотрудничества университетов, локализованных в нем.

На основании анализа практик сетевого взаимодействия и экспертных интервью мы пришли к выводу о том, что в современных условиях развития российского общества и его высшего образования перспективными являются сетевые механизмы взаимодействия университетов, используемые с целью организации совместной деятельности с партнерскими структурами для подготовки кадров, реализации научных и инновационных проектов. Сетевая среда выступает в качестве «кровеносной системы», обеспечивающей успешное и устойчивое коммуникационное взаимодействие и информационный обмен между университетами как субъектами совместной деятельности.

Необходимо отметить, что сетевое взаимодействие не является чем-то абсолютно новым для системы образования в целом и университетов Уральского

федерального округа в частности. Вместе с тем существенное значение для успешности этого процесса имело его нормативное закрепление при реализации образовательных и научных программ, которое стало возможным благодаря статье 15 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [6]. В законе предусматривается сетевая форма взаимодействия для любого вида образовательных программ, в том числе и дополнительного профессионального образования, что делает сетевую подготовку оптимальной для реализации непрерывного образования.

Сетевым мы считаем устойчивое, организационно оформленное и реально осуществляющееся взаимодействие образовательных учреждений и организаций с целью повышения эффективности использования их потенциала. Оптимизация ресурсов и достижение необходимого качества подготовки выпускников, соответствующего требованиям потребителей и заказчиков, являются неотъемлемыми условиями эффективного сетевого взаимодействия.

Сетевая форма реализации образовательных и научных программ применяется в целях повышения качества образования и научных исследований, расширения доступа студентов к современным образовательным технологиям и средствам обучения. Существенное значение имеет предоставление студентам возможности выбора различных профилей подготовки и специализаций, углубленного изучения учебных курсов, предметов, дисциплин, модулей, формирования актуальных компетенций. Для преподавателей немаловажно совершенствование профессиональных компетенций за счет изучения и освоения опыта ведущих образовательных организаций, более эффективного использования имеющихся образовательных ресурсов, повышения конкурентоспособности выпускников образовательной организации на российском и международном рынках образовательных услуг и труда.

Сетевое взаимодействие позволяет:

- опираться на инициативу каждого конкретного участника образовательного и научного процесса;
- осуществлять прямой контакт участников этого процесса друг с другом;
- выстраивать многообразные возможные пути решения конкретных задач при достижении совпадающей цели;
- создавать условия для координации совместных усилий образовательных и иных организаций, в том числе работодателей, в процессе подготовки кадров;
- рационально распределять ресурсы при выполнении общих задач деятельности;
- использовать общие ресурсы сети для нужд ее каждого конкретного участника.

Типы образовательных ресурсов, которые могут быть использованы как сетевые, можно представить в виде пяти обобщенных групп.

1. Кадровые ресурсы — высококвалифицированные преподаватели и научные работники, владеющие современными производственными, исследовательскими и педагогическими технологиями; специалисты по образовательным технологиям, методикам обучения, частным методикам в подготовке кадров технической направленности; эксперты в области оценки профессиональных квалификаций.

2. Информационные ресурсы (включая электронные библиотеки) — базы данных, аккумулирующие информацию о новейших производственных технологиях, тенденциях и разработках в различных областях производства товаров и услуг, о рынках труда специалистов и тенденциях их развития, об изменениях требований работодателей к качеству профессиональной подготовки в конкретных сегментах рынка труда.

3. Материально-технические ресурсы — лабораторная база, специализированные помещения, учебно-производственное оборудование, инструменты и материалы, в том числе реальное производственное оборудование, используемое в образовательных целях, а также учебные аналоги оборудования (компьютерные модели, тренажеры, имитаторы и т. д.).

4. Учебно-методические ресурсы — основные и дополнительные профессиональные образовательные программы, профессиональные модули по современным производственным технологиям и методам их освоения; методические материалы (пособия, рекомендации для педагогов и учащихся и т. д.); диагностический инструментарий для оценки уровня освоения учебного материала; компьютерные обучающие и диагностирующие программы.

5. Социальные ресурсы — налаженные партнерские связи с предприятиями и организациями реального сектора экономики макрорегиона; «горизонтальные» связи в профессионально-педагогическом сообществе макрорегиона; связи с общественными объединениями и организациями, выражающими интересы работодателей, профессиональных сообществ и т. д.

Эксперты выделяют несколько основных моделей организации сетевого взаимодействия:

1. Модель реализации совместных образовательных и научных программ путем исследований, сетевой подготовки и переподготовки, в том числе в виде консорциума, ассоциаций, кластеров образовательных, научных и производственных организаций.

2. Модель междисциплинарного обучения и выравнивания качества обучения за счет «подтягивания» к уровню более «сильных» университетов в отдельных областях знаний. В результате предметно-тематического сотрудничества университетов существует два варианта реализации «подтягивания» — по горизонтали (междисциплинарная подготовка) и по вертикали (выстраивание вертикально-интегрированной системы подготовки).

3. Модель «мягкого» сетевого объединения путем развития горизонтальных (межкафедральных) связей по созданию научно-образовательного пространства для междисциплинарной подготовки студентов старших курсов и переподготовки слушателей по ряду специальностей.

4. Модель взаимодействия «образовательная организация — образовательная организация». В этом случае обе организации имеют лицензии на реализацию как программ высшего образования, так и дополнительных профессиональных программ. Виды деятельности, по которым возможно сотрудничество между двумя образовательными организациями, предполагают: теоретическое обучение; научно-исследовательскую работу; обучение в виде стажировки; практику в виде

стажировки; научно-исследовательскую работу в виде стажировки; выполнение выпускной квалификационной работы. Указанные виды взаимодействия (приобретающие порой асимметричный характер) ориентированы на повышение мобильности преподавателей и студентов.

5. Модель взаимодействия «образовательная организация — организация, осуществляющая обучение». В этом случае одна организация имеет лицензии на реализацию как программ высшего образования, так и дополнительных профессиональных программ. Вторая организация имеет лицензию на реализацию только дополнительных профессиональных программ. Виды деятельности, по которым возможно сотрудничество между двумя университетами, могут включать: теоретическое обучение; научно-исследовательскую работу; обучение в виде стажировки; практику в виде стажировки; научно-исследовательскую работу в виде стажировки.

6. Модель взаимодействия «образовательная организация — ресурсная организация». В этом случае только одна организация имеет лицензии на реализацию как программ высшего образования, так и дополнительных профессиональных программ. Вторая организация предоставляет свою ресурсную базу для обучения. В качестве ресурсных организаций могут выступать научные организации, медицинские организации, организации культуры, физкультурно-спортивные и т. д. Эта модель предназначена для подготовки квалифицированных кадров для приоритетных секторов отраслевой и региональной экономики и рынка труда. Деятельность, в рамках которой возможно сотрудничество между двумя образовательными организациями, включает в себя: теоретическое обучение; научно-исследовательскую работу; практику; выполнение выпускной квалификационной работы.

Совершенствование образовательной деятельности университетов в условиях их сетевого взаимодействия является ключевым фактором в создании единого научно-образовательного пространства и приводит к усилению эффективности их совместной деятельности, к опережающему характеру исследований и образовательных программ, ускорению внедрения результатов работ, достижению положительных социальных эффектов, совершенствованию нормативно-правовой базы образовательной среды.

Подготовка современных специалистов требует организации сетевого взаимодействия и подразумевает развитие академических связей между образовательными организациями, возможность привлечения дополнительных ресурсов для реализации образовательных задач, а также использование опыта передовых университетов при разработке учебных планов, образовательных программ и организации учебной и научной деятельности.

Сетевое взаимодействие двух университетов УрФО. Далее остановимся на анализе сотрудничества двух университетов Уральского федерального округа — Уральского федерального университета (УрФУ) и Сургутского государственного педагогического университета (СурГПУ). Это сотрудничество отражает, по нашему мнению, четвертый тип модели сетевого взаимодействия. В 2013 г. между

университетами было заключено соответствующее соглашение, подтверждающее согласие сторон на осуществление определенных видов деятельности, способствующих развитию академического сотрудничества. Документ представляет собой нормативно-правовые и методологические основы сетевого взаимодействия и включает в себя следующие его формы:

- обмен профессорско-преподавательским составом, специалистами, делегациями в учебных и практических целях;
- обмен научной информацией, книгами, учебниками, изданными в обеих образовательных организациях;
- участие в научной, образовательной, просветительской и культурно-воспитательной деятельности университетов;
- реализацию совместных образовательных программ;
- участие в организации и проведении конференций, тематических симпозиумов, коллоквиумов и т. п.;
- предоставление научных материалов преподавателей, сотрудников, студентов вузов для публикации в сборниках, журналах и других изданиях в научных целях, сотрудничество между редакционно-издательскими центрами и редакциями университетских журналов;
- участие в научных, образовательных, сетевых и иных проектах;
- обмен научными и методическими работами, выполненными совместно преподавателями, сотрудниками, студентами образовательных организаций.

За несколько лет до принятия названного документа, в 2010 г., «снизу», по инициативе отдельных профессоров и преподавателей обоих университетов, началось их реальное взаимодействие в области подготовки социологов и специалистов по организации работы с молодежью, а также в проведении научных исследований в социальной сфере. Несмотря на сравнительно непродолжительный срок сотрудничества между этими образовательными организациями (7 лет, с 2010 г. по настоящее время), удалось достичь весомых результатов.

Были открыты образовательные программы для бакалавров по направлениям подготовки 39.03.01 «Социология» и 39.03.03 «Организация работы с молодежью», для магистров — 39.04.01 «Социология», направленность «Социология региональных процессов», для аспирантов — 39.06.01 «Социологические науки», направленность «Социология культуры» и «Социальная структура, социальные институты и процессы». В рамках организации образовательного процесса по указанным выше программам ведущие профессора УрФУ привлекаются для проведения занятий по основным учебным дисциплинам. Ими разрабатываются современные учебники и методические пособия по истории социологии, эмпирической социологии и др. Осуществляется научное руководство исследованиями, включая написание диссертаций. В указанный период времени под руководством ведущих ученых федерального университета преподавателями СурГПУ были написаны и успешно защищены докторские и кандидатские диссертации по социологии. В рамках подготовки аспирантов организована работа научно-методических семинаров по социологии образования, социологии молодежи, социологии города и прикладной социологии.

Благодаря сетевому взаимодействию студенты педагогического университета успешно принимают участие в конкурсах на получение грантов для поддержки своих научных исследований. Так, студентам СурГПУ регулярно оказывает поддержку Фонд Михаила Прохорова в рамках открытого благотворительного конкурса тревел-грантов для участия в научных конференциях и семинарах. Поддержку получают аспиранты и молодые преподаватели (в возрасте до 35 лет), это касается их работы в архивах и библиотеках, стажировок в научных учреждениях страны и за рубежом, рекомендации которым дают профессора федерального университета. Большую роль в этом плане играет и Департамент образования и молодежной политики Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО-Югры) в рамках регионального конкурса программ и проектов, направленных на создание площадок для самовыражения и общения представителей молодежных неформальных субкультур и ряда организаций.

В ходе выполнения указанного выше соглашения был организован академический обмен преподавателями и студентами по направлению подготовки «Организация работы с молодежью». Студенты педагогического университета проходили стажировку на кафедре организации работы с молодежью федерального университета. В процессе стажировки они имели возможность посетить учебные занятия ведущих преподавателей кафедры, познакомиться с актуальными научными работами по молодежной проблематике, поработать в библиотеке федерального университета, а также принять участие в мероприятиях, организованных Управлением по социальной и воспитательной работе Уральского федерального университета.

Студенты СурГПУ регулярно принимают участие в конкурсах профессионального мастерства на базе УрФУ. Всероссийский фестиваль студентов направления подготовки «Организация работы с молодежью» предоставляет уникальную возможность студентам СурГПУ для расширения спектра их компетенций. Участие в международном конкурсе научно-исследовательских работ студентов на тему «Профилактика экстремизма в молодежной среде» и в международной молодежной научно-исследовательской конференции «Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция» дало возможность студентам-социологам СурГПУ успешно представить результаты своих научных исследований.

Сетевое взаимодействие университетов касается не только учебного процесса и научно-исследовательской работы. Подчас оно выходит за их границы и охватывает участие в жизни и деятельности профессионального сообщества. Так, совместными усилиями социологов УрФУ и СурГПУ в декабре 2010 г. было открыто Югорское отделение Российского общества социологов. Его приоритетными целями стали: развитие социологии на территории ХМАО-Югры; концентрация усилий членов отделения на разработке важнейших направлений и социальных проблем округа; активизация научных связей и научного сотрудничества социологов Югры с российскими и зарубежными учеными, социологическими организациями.

За время сотрудничества вузов сложился научно-исследовательский коллектив из ведущих ученых и преподавателей УрФУ и СурГПУ в области разработки

актуальных социальных проблем. Были организованы совместные исследования проблем молодежи, ее культуры, допрофессионального и профессионального образования, в первую очередь высшей школы. Большое внимание уделялось изучению педагогического образования. Особое место в исследованиях заняли работы, выполненные по заказу органов государственной и муниципальной власти ХМАО-Югры. Они касались изучения миграции и обучения детей мигрантов в этом округе. Результаты совместных научных исследований были опубликованы в журналах из перечня ВАК, в изданиях, индексируемых в международных базах цитирования «Scopus», «Web of Science», и в нескольких монографиях, получивших высокую оценку научной общественности.

Благодаря развитию сетевого взаимодействия двух университетов на базе СурГПУ были организованы две всероссийские научно-исследовательские конференции, посвященные проблемам учительства северного региона. Кроме того, преподаватели педагогического университета регулярно принимают участие в конференциях, организованных в федеральном университете. Это Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием памяти профессора В. Т. Шапка «Актуальные проблемы социологии культуры», Международная конференция «Культура, личность, общество в современных условиях: методология, опыт эмпирического исследования» памяти профессора Л. Н. Когана и др. В 2016 г. делегация СурГПУ, в составе которой были преподаватели и студенты-социологи 2-го и 3-го курсов обучения, приняла активное участие в работе V Всероссийского социологического конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость». Плодотворное сотрудничество ученых двух университетов позволило представить им результаты совместной работы на международном семинаре по проблеме управления высшим образованием в Калифорнийском государственном университете США.

В целом следует отметить, что благодаря организации сетевого взаимодействия между УрФУ и СурГПУ открываются новые возможности для сотрудничества в научной, образовательной, просветительской и культурно-воспитательной сферах деятельности университетов.

Выводы

Представленный анализ продемонстрировал сетевое взаимодействие двух университетов Уральского федерального округа, один из которых (УрФУ) является очень сильным ресурсным образовательным учреждением, другой (СурГПУ) — весьма перспективным региональным университетом, нуждающимся в поддержке. Анализ показывает, что такое сетевое взаимодействие взаимовыгодно обоим университетам и создает основу для разработки нелинейной модели высшего образования в макрорегионе. Ее основными особенностями являются: переход к новому типу взаимодействия между университетами на основе применения широкого спектра экономических, социальных, научных, культурных ресурсов; организация сетевого взаимодействия между вузами и различными экономическими и социальными стейкхолдерами, приобретающими статус их социальных

партнеров; развитие различных видов академической мобильности преподавателей и студентов, особенно между разными университетами внутри макрорегиона; изменение характера управления высшим образованием на основе отказа от его авторитарных принципов.

1. *Власова Е. З., Балакирева Э. В.* Корпоративная среда информационно-технологического взаимодействия вузов // *Человек и образование*. 2011. № 3. С. 45–48.

2. *Жадан И. Г.* Социальное партнерство учреждений общего и профессионального образования в условиях сетевой организации профильного обучения // *Высшее образование сегодня*. 2011. № 5. С. 13–16.

3. *Кузьминов Я. И., Семенов Д. С., Фрумин И. Д.* Структура вузовской сети: от советского к российскому «мастер-плану» // *Вопр. образования*. 2013. № 4. С. 8–69.

4. *Ромм М. В., Заякина Р. А.* Сетевые сообщества с участием вуза: сложившиеся практики социального взаимодействия // *Высшее образование в России*. 2016. № 11. С. 28–37.

5. *Сухристина А. С., Зиятдинова Ю. Н., Кочнев А. М.* Сетевое взаимодействие вузов как форма интернационализации: опыт КНИТУ // *Высшее образование в России*. 2016. № 11. С. 103–110.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (дата обращения: 15.12.2016).

7. *Castells M.* The Information Age: Economy, Society and Culture. M., 2000.

8. *Homans G.* Social Behavior as Exchange. N. Y., 1974.

9. *Parsons T.* Youth in the Context of American Society // Dallas. 1962. Vol. 9. P. 97–123.

10. *Pfeffer F. T., Hertel F. R.* How has educational expansion shaped social mobility trends in the United States? // *Social Forces*. 2015. № 94 (1). P. 143–180.

11. *Robertson S., Dale R.* Critical cultural political economy of the globalization of education // *Globalization, Societies and Education*. 2015. № 13. P. 149–170.

12. *Sidhu R. K., Christie P.* Transnational higher education as a hybrid global/local space: A case study of a Malaysian-Australian joint venture // *Journal of Sociology*. 2015. № 51 (2). P. 299–316.

Статья поступила в редакцию 04.01.2017 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

Рассматривается проблема воспроизводства социально-профессиональной общности педагогов. Цель статьи — выявить основные противоречия, возникающие в процессе конструирования профессиональных стратегий студентами педагогических вузов. Для выявления особенностей формирования профессиональных стратегий студентов изучались: первичная мотивация выбора профессии, профессиональные планы, способы выхода на рынок труда. Представлены результаты ретроспективного анализа мотивов первичной профессионализации студентов ведущих уральских педагогических вузов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: профессиональные стратегии; мотивы выбора профессии; профессиональные планы; первичная профессионализация; педагогическое образование.

Постановка проблемы и актуальность исследования. Модернизация и реформирование стали неперенными атрибутами современной системы педагогического образования в России. Ее модернизация не является самоцелью, она направлена на актуализацию новых способов образовательной деятельности, развитие и внедрение инновационных педагогических технологий, создание новой инфраструктуры образовательного пространства, совершенствование требований к подготовке будущих учителей.

Существенными предпосылками развития системы среднего общего образования являются развитие инновационной деятельности педагогов, а также их активность в формировании актуальных смыслов и ценностей в образовательном пространстве. Одновременно с усложнением требований к учителям, изменением их профессиональных функций и ролей обостряются проблемы с ротацией и «старением» педагогических кадров, как следствие — возникает их острый дефицит на региональном рынке труда.

В последние годы социологами фиксируются серьезные изменения профессиональных стратегий студентов педагогических вузов — будущих субъектов образовательного пространства: снижение ориентации на работу по изначально выбранной специальности; стремление продлить период обучения и откладывать на неопределенный срок реализации выбранной профессиональной стратегии; низкая закрепляемость молодых специалистов в сфере школьного образования. В условиях социально-экономической неопределенности проблемы выбора молодыми людьми педагогической специальности, а затем и места работы порождают противоречивые тенденции в процессе воспроизводства

ЛЕСИНА Людмила Александровна — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: lesina@yandex.ru).

социально-профессиональной общности школьных педагогов. Острота обозначенной проблемы обуславливает наш исследовательский интерес к детальному изучению этапов конструирования профессиональных стратегий студентов педагогических вузов в современных условиях.

Методология и методы исследования. Методологические основания исследования профессиональных стратегий студентов педагогических вузов формируются на базе современных теорий развития высшего образования и социального конструирования сложных социальных процессов. В контексте проблематики данной статьи под *профессиональной стратегией* понимается способ планирования и конструирования личностью собственной жизнедеятельности посредством поэтапного формирования ее профессионального будущего [4]. Мы полагаем, что конструирование профессиональной стратегии как социальный процесс охватывает длительный период времени, который условно можно разбить на несколько отдельных этапов. В повседневной практике эти этапы накладываются друг на друга, смещаются, повторяются в профессиональной жизни личности. Тем не менее алгоритм формирования и реализации профессиональной стратегии личности можно структурировать как последовательность следующих этапов:

- предварительный;
- получение профессиональной подготовки;
- построение профессиональной карьеры (воплощение сформированных ранее планов и намерений);
- завершение трудовой биографии (выбор новых направлений самореализации).

Каждый из обозначенных этапов имеет свои ключевые моменты, содержательно связанные с проблемой выбора специальности, места работы, способов выхода на рынок труда. В нашем исследовании мы сосредоточили внимание на таких этапах формирования профессиональных стратегий, как предварительный и этап получения студентами профессиональной подготовки. Мы обратили внимание на то, что на этих этапах процесс конструирования профессиональных стратегий детерминирован влиянием институтов профессионального образования и социально-трудовых отношений.

На предварительном этапе конструирования профессиональной стратегии формируются потребности, склонности, интересы, на основе которых в дальнейшем молодым человеком осуществляется выбор специальности и вуза. Содержательная мотивация выбора профессии учителя свидетельствует о степени личностной зрелости и осознанности сделанного выбора, наличии педагогической направленности личности.

На этапе получения профессиональной подготовки формируется и развивается профессионально-образовательный потенциал личности. Ключевой момент этого этапа — выбор места работы после окончания педагогического вуза. Несмотря на постоянное совершенствование мер социально-экономической и правовой поддержки учителей, профессия педагога по-прежнему непривлекательна, поскольку не обеспечивает ее субъектам достойного уровня и качества жизни.

Соответственно, вероятность того, что в сферу школьного образования придут работать молодые люди с достигательными ориентациями, чрезвычайно мала. В этом случае проявляется фактор «отрицательного отбора», когда значительная часть выпускников педвузов идет работать в школу не по призванию, а по необходимости, поскольку не нашли другого варианта трудоустройства. В школу не идут молодые люди с лидерским потенциалом и амбициями, имеющие мощный интеллектуальный капитал в виде фундаментальных знаний, которые востребованы в других сферах общественной жизни. Эта часть молодежи, имеющая педагогическое образование, находит способы продуктивной самореализации в других видах профессиональной деятельности.

Особенности конструирования профессиональных стратегий на первых этапах мы предлагаем рассмотреть на конкретном эмпирическом материале, полученном в ходе исследования мнений студентов ведущих педагогических вузов Свердловской области – Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ) и Российского государственного профессионально-педагогического университета (РГППУ). Исследование было предпринято в рамках социологического мониторинга «Студент–2016», что позволило осуществить как ретроспективный, так и сравнительный анализ профессиональных стратегий студентов вузов разных профилей подготовки¹. Автор статьи не претендует на универсальный характер выводов, однако обращает внимание на несколько моментов исследования. Во-первых, учитывалось то обстоятельство, что упомянутые университеты (УрГПУ и РГППУ) являются типичными в ряду вузов педагогического профиля. Во-вторых, ответы студентов этих вузов, отражающие их представления о содержании, целях профессиональной деятельности, профессиональных планах, показывающие их отношение к педагогической профессии, оказались вполне сопоставимы с данными иных исследований, осуществленных в других педагогических вузах страны.

Рассмотрим первый этап конструирования профессиональных стратегий студентами педагогических вузов. На нем возникают мотивы выбора будущей профессии, осуществляется сам выбор, формируется определенная степень удовлетворенности профессиональным становлением. Согласно полученным данным, больше половины студентов (57,3 %) в качестве приоритетного мотива отметили интерес к выбранной профессии (табл. 1). На наш взгляд, это весьма абстрактный мотив, тем более что значительная часть абитуриентов в момент выбора имела смутные представления об особенностях будущей профессии педагога (табл. 2).

¹ На 5-м этапе мониторинга (2016 г.), проводимого кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления УрФУ, были опрошены студенты-третьекурсники, представляющие следующие вузы: Уральский федеральный университет, Уральский государственный лесотехнический университет (УГЛТУ), Российский государственный профессионально-педагогический университет, Уральский государственный медицинский университет (УГМУ), Уральский государственный архитектурно-художественный университет (УрГАХУ), Уральский государственный экономический университет (УрГЭУ), Уральский государственный горный университет (УГГУ), Уральский государственный педагогический университет, Уральский государственный юридический университет (УрГЮУ), Уральский институт управления – филиал РАНХиГС, Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС), Уральский институт экономики, управления и права (УИЭУиП). Общий объем выборки составил 1827 человек, из них 240 человек – студенты УрГПУ и РГППУ.

Таблица 1

Мотивы выбора профессии, % от числа опрошенных

Мотивы	Студенты педвузов		В целом по массиву (2016)
	2012	2016	
Интерес к профессии	49,0	57,3	44,3
Считал, что наилучшие способности у меня именно в этой области	20,0	19,7	15,9
Сюда было легче поступить	36,0	17,9	14,6
Желание получить диплом (неважно, где и какой)	27,0	17,1	26,0
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	16,0	16,2	29,1
Активная студенческая жизнь (фестивали, спортивные мероприятия, конкурсы)	27,0	12,8	11,2
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	6,0	12,8	24,6
Стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения	9,9	10,3	6,9
Повлияла семейная традиция, родители	16,0	6,8	9,7
Считали, что высшее образование даст возможность стать культурным человеком	6,6	6,8	6,0
Совет учителей, специалистов по профориентации	5,8	6,0	3,5
За компанию с друзьями	4,1	4,3	4,8
Не хотелось идти в армию	4,1	4,3	8,3
Привлек престиж, авторитет вуза	15	4,3	30,6
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни	3,3	3,4	3,2
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	0,8	0,9	5,4
Надеялись встретить будущего спутника (спутницу) жизни	0,0	0,0	1,9

Такой мотив, как возможность реализовать свои способности в выбранной профессиональной сфере, может характеризовать установку определенной части студентов на профессионально-личностную самореализацию. Эта установка определяет их желание получить профессию, которая осознается как призвание. Результаты исследований, проводимых на протяжении многих лет среди студентов педагогических вузов, показывают, что в иерархии их мотивов осознанный выбор профессии (в соответствии со своими склонностями) не является доминирующим. Так, по данным исследования, проведенного лично автором в 2001 г., 23,1 % опрошенных студентов считали, что в выбранной профессиональной области их способности (в том числе умение и желание работать с детьми) проявятся лучше всего [2, 18]. А в 2016 г., согласно результатам мониторинга «Студент», таковых оказалось только 19,7 %.

При этом студенты педагогических вузов не очень высоко оценивают возможности трудоустройства, которые может предоставить им выбранная профессия. В 2012 и 2016 гг. только 16,0 % из них считали, что у них есть перспективы найти хорошую работу по специальности после окончания вуза. Для сравнения: в целом

по массиву, т. е. среди студентов всех вузов, такое мнение разделяли 29,1 %. В два раза реже, чем студенты других вузов, будущие педагоги руководствовались материальным мотивом при выборе профессии. 12,8 % опрошенных, выбрав профессию педагога, хотели тем самым обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем.

Обратим особое внимание на то, что студенты педагогических вузов в семь раз реже, чем студенты вузов других профилей подготовки, отметили в качестве мотива профессионального выбора авторитет и престиж вуза (4,3 % против 30,6 % в целом по массиву). Молодежь при поступлении в вуз, как правило, осведомлена о непростой ситуации в системе школьного образования. И тем не менее конкурс при поступлении в педагогические вузы не снижается. Все эти данные свидетельствуют о том, что при выборе педагогической профессии причудливым и весьма противоречивым образом переплетаются индивидуальные и социокультурные факторы.

В ситуации профессионального выбора высок удельный вес случайных причин: 18,0 % (в 2001 г. — 26,0 %) студентов отметили спонтанность, неосознанность выбора педагогической профессии, которая рассматривалась в качестве запасного варианта при неудачной попытке поступить на другие специальности и в другие вузы. Несомненно, здесь определенную роль сыграла большая доступность педагогических вузов по сравнению с другими, особенно если речь идет об одинаковых профилях подготовки (физико-математическом, филологическом и др.). Среди тех, кто пришел в педагогический вуз случайно, к концу обучения остается очень мало ориентированных на работу в школе (5,8 %).

На профессиональный выбор студентов, безусловно, оказывает влияние социальное окружение — семья, друзья, школьные учителя. По нашему мнению, престиж педагогической профессии падает на протяжении последних десятилетий не в последнюю очередь из-за мнения близких, поскольку мало кто из родителей хотел бы видеть своих детей школьными учителями.

По данным нашего исследования, только каждый шестой студент выбрал будущую профессию по совету родителей, под влиянием семейных традиций. Эти показатели меньше, чем в целом по массиву опрошенных. В связи с этим нет оснований говорить о сохранении семейной преемственности в педагогической профессии.

Специфика работы учителя заключается в повышенной нервно-психической нагрузке. Психоэмоциональные затраты педагогов во время профессиональной деятельности трудновосполнимы, а уровень зарплаты не позволяет в полной мере реализоваться таким ее функциям, как социально-статусная и воспроизводственная. Эти факторы также оказывают негативное влияние на профессиональный выбор молодых людей. Барьером становится понимание студентами и их семейным окружением сложности этой профессии, знание о высокой трудовой нагрузке учителей, отсутствии четких границ между профессиональной и личной жизнью, чрезмерной физической и профессиональной усталости, ограниченных возможностях для личностного роста.

Между тем будущие педагоги почти в два раза чаще, чем остальные студенты, прислушиваются к совету своих учителей. Возможно, это были школьные

педагоги, увлеченные своим делом и сумевшие «зажечь» собственным примером любовь к профессии, предмету. В этой группе студентов наблюдается стремление подражать своим школьным учителям, поведение которых воспринимается как модель будущей профессиональной роли. Проведенные исследования показывают, что такая ситуация не характерна для студентов других вузов.

Нам хотелось бы обозначить весь спектр мотивов выбора педагогической профессии. Один из них — стремление отсрочить призыв в армию. Среди студентов педвузов такой мотив имеют 4,3 % опрошенных, в целом по всему массиву — 8,3 % студентов. Относительно невысокий процент отметивших данный мотив среди будущих учителей объясняется немногочисленностью среди них студентов мужского пола. Гендерный фактор, на наш взгляд, повлиял и на выбор такой позиции, как стремление получить в настоящем и будущем интересный круг общения. Этот вариант ответа выбрали 10,3 % опрошенных студентов педагогических вузов, в то время как по всему массиву — 6,9 %. Это означает, что именно для девушек более значимы традиции и профессиональная среда.

Очевидно, при выборе педагогической профессии внутренняя мотивация (интерес к профессии, наличие склонностей, способностей к профессии педагога, в том числе и любовь к детям) преобладает над внешней (случайные побудительные силы, совет родителей, школьных учителей, друзей), содержательная — над достижительной (стремление повысить свой статус). Выбирая будущую профессию, студенты педагогических вузов выбирают не столько социальный статус, сколько образ жизни, традиционно связанный с постоянным интеллектуальным и культурным развитием и самосовершенствованием. Здесь наблюдается весьма любопытный тренд: заметно усилилось влияние интереса к профессии при ее выборе, но одновременно сокращается число студентов, считающих себя способными к педагогическому труду.

В целом степень удовлетворенности сделанным профессиональным выбором у студентов педвузов средняя. Около 1/3 студентов считают профессию педагога одной из лучших, больше половины опрошенных удовлетворены выбранным вузом и осваиваемой профессией. Однако в той или иной степени недовольных и разочарованных достаточно много — 43,0 %. Каждый восьмой студент выразил негативное отношение к профессии педагога. Отчасти такая ситуация объясняется случайностью, неосознанностью сделанного выбора и относительно высокой степенью влияния внешних обстоятельств. Третьекурсники уже познакомились с содержанием выбранной профессии и нередко переживают серьезные сомнения по поводу сделанного выбора. Они приходят к выводу, что не смогут в данной профессиональной области в полной мере реализовать свой потенциал. Вуз и профессия не соответствуют их представлениям, запросам и интересам, в результате чего возникает недовольство и разочарование выбранной профессией учителя.

При поступлении в педагогический вуз только 23,1 % опрошенных четко представляли себе характер и специфику профессиональной деятельности школьных учителей, остальные имели об этом весьма смутные представления (табл. 2). Каждый седьмой вообще не представлял себе ни содержания, ни характера выбранной специальности.

Таблица 2

Представления студентов педагогических вузов о содержании, характере и специфике профессиональной деятельности по выбранной специальности, % от числа опрошенных

Значения	При поступлении	На третьем курсе
Да	23,1	63,6
Частично	36,4	21,5
У меня были смутные представления	25,6	10,7
Нет, не представлял(а)	14,9	4,1

В процессе профессионального обучения у 63,6 % сформировалось четкое понимание специфики будущей профессии, остальные 44,0 % студентов по-прежнему лишь в самом общем виде представляют себе контуры осваиваемой специальности и, соответственно, имеют весьма смутное представление о способах и особенностях приобретения педагогических компетенций (специфических умений и навыков). И школы, и вузы не в полной мере реализуют свои функции по профессиональной диагностике и ориентации учащейся молодежи.

Вторым этапом в конструировании профессиональных стратегий является планирование студентами выхода на рынок труда. Для выпускников педагогического вуза работа по специальности является неперенным условием завершения начатой профессиональной социализации, в противном случае возникает риск утраты сформированных компетенций. В целом ориентированы на работу по специальности 42,1 % студентов. Примерно столько же считают профессию педагога своим призванием (табл. 3). Эта группа студентов в будущем и составляет ядро учительства как социально-профессиональной общности. Остальные студенты ориентируются на сферы непедagogического труда. С 1991 по 2016 г. количество выпускников, намеревающихся работать педагогом по профилю полученной подготовки, сократилось в два раза — с 85 до 42,1 %, что не соответствует роли педагогического вуза как особой социальной организации, деятельность которой направлена на качественное воспроизводство общности учителей [2, 18–20].

Среди тех, кто ориентирован на работу по специальности, только 15,1 % намерены пойти в обычные общеобразовательные школы. Однако в реальности выпускников, вынужденных пойти работать в школу, намного больше. Подавляющее же большинство студентов хотело бы работать в «продвинутых» зонах образования [3, 14]. Каждый третий ориентирован на работу в престижных школах (лицее, гимназии), каждый пятый надеется совмещать основную работу с оказанием дополнительных образовательных услуг в форме частных уроков, репетиторства. Однако далеко не все могут реализовать эти планы, поскольку в «продвинутых» школах, школах инновационного типа, как правило, предъявляются повышенные требования к компетенциям молодых специалистов, которыми они не всегда обладают. Что касается карьерных планов будущих педагогов, то необходимо отметить, что ориентация на перспективу карьерного продвижения во многом определяется гендерными факторами: среди юношей 12,8 % хотели бы стать директорами школы, работать в органах управления образованием, среди девушек таких только 2 %.

Таблица 3

Динамика профессиональных планов студентов, % от числа опрошенных

Профессиональные планы	Студенты педвузов			В целом по массиву (2016)
	2009	2012	2016	
Работать по специальности	41,0	35,0	42,1	34,0
Продолжить образование (магистратура, второе высшее, аспирантура)	13,0	15,0	24,1	23,4
Работать не по специальности	9,0	17,0	9,3	5,9
Основать свое дело, бизнес, заняться предпринимательством	13,0	11,0	8,4	13,7
Будущее в плане работы туманно и неопределенно	0,0	0,0	7,5	8,3
Посвятить себя дому, семье	3,0	5,0	5,6	1,0
Поехать за границу работать или учиться	8,0	3,0	1,9	5,8
Работать как фрилансер (самостоятельный поиск и реализация услуг, проектов)	0,0	0,0	0,9	1,3
Заняться научно-исследовательской работой	1,5	1,0	0,0	0,9
Жить за счет случайных заработков	2,0	0,0	0,0	0,3
Еще нет никаких планов на будущее	0,0	0,0	0,0	3,8

Выбранные опрошенными формы профессионального самоопределения свидетельствуют о высокой самооценке, желании определенной части студентов проявить в будущем нестандартное отношение к делу, об их ориентации на более сложные и престижные условия работы. В этом случае, на наш взгляд, появляется реальная возможность что-либо изменить в системе образования.

При выборе альтернативных профессиональных стратегий студенты — будущие учителя ведут себя более сдержанно, чем студенты других профилей профессиональной подготовки. Это свидетельствует, скорее всего, о трудностях выбора в условиях неопределенности, размытости профессиональных планов у большей части обучающихся в педагогических вузах. Идти работать в школу им не хочется, а куда пойти еще, они не решили.

Почти четверть студентов хотели бы после окончания педагогического вуза продолжить профессиональное обучение, в том числе в других вузах и по другим специальностям. Думается, что причина таких намерений не столько в устремленности к развитию профессионального потенциала, сколько в желании еще на какое-то время отложить окончательный выбор будущего места работы, в инфантилизме определенной части студентов. Здесь прослеживается и прагматичность молодежи: более высокий уровень образования (не только бакалавриат), наличие второй специальности, не всегда смежной, повышает их конкурентоспособность на рынке труда, позволяет выбрать работу, ориентируясь не только на размер оплаты труда, но и его содержание. Возникновение установки на получение второго высшего образования может быть обусловлено разочарованием в сделанном выборе профессии и желанием перейти в другое профессиональное сообщество.

Часть студентов признается, что первоначальный выбор профессии осуществлялся по принципу «пробного шара», поэтому и приобретаемая специальность рассматривается как временная, стартовая площадка для получения в будущем действительно желаемой и сознательно выбранной профессии.

Доля желающих сменить профессию, не рассматривающих ее в качестве основы профессиональной карьеры, в 2016 г. составила среди студентов педагогических вузов 33 %, в то время как в 2001 г. она находилась на уровне 37,2 %. Как правило, это те студенты, для которых выбор профессии был случайным, кто разочаровался или изменил намерения. Они полагают, что на третьем курсе уходить уже поздно, надо закончить обучение и получить диплом. При этом диплом воспринимается как пропуск на рынок квалифицированного труда, а профиль специальности теряет какое-либо значение. Тем не менее среди студентов, ориентированных на работу не по специальности, 60,7 % готовы оказывать платные образовательные услуги.

Расхождение идеальных представлений о содержании профессиональной деятельности, социальной роли учительства с повседневной практикой, разочарование в собственных возможностях приводит к тому, что полноценное осуществление учебной деятельности оказывается лишенным глубокого личностного смысла. Отсутствие устойчивой склонности к педагогической профессии побуждает многих студентов имитировать учебную деятельность. Здесь наиболее наглядно проявляется инструментализация образования, снижение когнитивных ориентаций. В результате наблюдается кризис профессионального самоопределения, появление фрустрационных состояний. В данном случае вряд ли стоит говорить о поиске студентами лично значимого смысла профессии педагога.

Многочисленные исследования социологов показывают ориентацию современной молодежи на нелинейный тип карьеры, предполагающий возможность скорректировать профессиональные планы, переизбрать профессиональную стратегию в соответствии с конъюнктурой рынка труда [5]. Интерпретируя эмпирические данные, обратимся к идеям Ю. А. Зубок и В. И. Чупрова о том, что отказ от работы по специальности представляет собой своеобразную форму рационализации трудовых отношений, ответную реакцию на неопределенность ситуации на рынке труда, на кризисные явления в экономике [1, 115–122]. Но вслед за этим возникает проблема воспроизводства социально-профессиональных групп в обществе. Особенно заметно эта проблема коснулась школьных учителей.

Рассмотрим, какие альтернативные (нелинейные) варианты профессиональной стратегии конструируются в сознании студентов. Ориентируются в дальнейшем на научную деятельность и научную карьеру, планируя поступить в аспирантуру, 3,7 % студентов педагогических вузов. Заниматься коммерческой деятельностью после окончания вуза собираются 8,4 % студентов. Они стремятся создавать что-то новое, преодолевать препятствия и рисковать. И это несмотря на то, что в студенческой среде наблюдается снижение ориентации на предпринимательство (с 13,0 % в 2009 г. до 8,4 % в 2016 г.), что связано с кризисным состоянием российской экономики. По-видимому, обучение в педагогическом вузе позволяет формировать компетенции, востребованные в сфере предпринимательства. Это

компетенции в психолого-педагогической, культурологической, конфликтологической сферах, аналитические, коммуникативные навыки. Накопленный в студенческие годы такого рода образовательный капитал позволяет выпускникам педвузов вполне успешно реализовать себя во многих областях профессиональной деятельности — социальной, духовно-культурной, предпринимательской.

Апатия и безразличие к собственному профессиональному становлению наблюдается у 13,1 % опрошенных студентов педагогических вузов. Они представляют свое будущее лишь в общих чертах, размыто, нелинейно, что затрудняет процесс жизненного и профессионального планирования. Подобные настроения — растерянности, неуверенности в будущем во многом обусловлены кризисными явлениями в обществе. Нежелание проектировать и планировать профессиональные стратегии, надежда на случай («авось») становятся способом рационализации социально-профессионального поведения в условиях социальной и экономической непредсказуемости и неопределенности на рынке занятости, да и в обществе в целом.

Приоритетные способы трудоустройства во многом дают возможность смоделировать вероятное поведение выпускников педагогических вузов на рынке труда, спрогнозировать их активность, инициативность в процессе поиска работы. Даже беглый взгляд на выбранные способы трудоустройства позволяет сделать весьма неутешительные выводы о том, что студенты:

- не ориентированы на активное поведение на рынке труда (только треть из опрошенных студентов готовы осуществлять самостоятельный поиск работы);

- полагаются на помощь государства в обеспечении их соответствующей работой по специальности, имеют патерналистские ожидания (39,7 % опрошенных студентов);

- считают себя ответственными за свое будущее, стремятся к автономности, в том числе и в семейно-родственных отношениях, но одновременно рассчитывают на серьезную помощь и поддержку при трудоустройстве со стороны родителей, знакомых и друзей (31,0 %);

- низко оценивают возможности различных посреднических организаций на рынке труда, в том числе служб занятости (только 18,2 % студентов готовы обратиться за помощью в трудоустройстве, в рекрутинговые агентства — 6,6 %);

- не готовы к тому, чтобы в ситуации конкурентного рынка труда отстаивать свои профессионально значимые компетенции;

- в целом характеризуются пассивной реакцией на ситуацию поиска работы после окончания вуза, что отчасти объясняется тем, что опрашивались не выпускники, а студенты-третьекурсники.

Сложившаяся ситуация с устраиванием профессиональных стратегий студентов объясняется отнюдь не отсутствием вакантных мест в школах. Напротив, ситуация на рынке труда складывается весьма благоприятно для педагогических работников: уже сейчас мало безработных учителей, имеются вакансии по многим предметным специальностям как в больших, так и в средних и малых городах, сельской местности. Однако молодежь не устраивает, прежде всего, низкая оплата труда, непрестижность профессии педагога [1, 120]. Безусловно, данный фактор

оказывает весьма существенное демотивирующее влияние на выбор профессиональных стратегий молодыми людьми.

Выбор профессии в начале пути, затем выбор работы по специальности отражают стремление молодых людей заявить о своей принадлежности к определенной профессиональной общности, говорят о желании занять определенный статус в социально-профессиональной структуре общества. В целом будущая работа в школе воспринимается студентами педагогических вузов как сфера самореализации, где можно актуализировать свой потенциал, но в то же время как работа непрестижная и малооплачиваемая. Основным принципом построения профессиональной стратегии педагога — получить возможность максимально эффективно использовать талант и опыт для реализации общественно значимой цели. Молодые люди выбирают своеобразную модель подвижничества, «служения», в которой важно призвание, а не достижения. Это следует оценить как весьма позитивный тренд воспроизводства социально-профессиональной общности, поскольку студенты отмечают высокую значимость содержательной стороны профессиональной деятельности педагога.

Но тревожит тот факт, что молодежь предпочитает исполнительность, сведение к минимуму ответственности за самостоятельные решения. Лишь каждый десятый студент педагогических вузов ценит в будущей работе независимость, отсутствие мелочной опеки и регламентации, тогда как в целом по массиву опрошенных значение этому параметру придают 15,3 % студентов.

На фоне общего роста прагматичности молодежи отношение студентов к будущей педагогической профессии представляется скорее ценностным, чем инструментальным. Профессия педагога воспринимается ими не как инструмент для достижения определенного образа жизни, а скорее как существенная часть этого образа жизни. Несмотря на рационализацию трудовых отношений на современном рынке труда, личностные, нравственные качества молодых людей оказывают весьма заметное влияние на выбор ими работы по педагогической специальности.

Очевидно, что осваивая профессию, заведомо не гарантирующую им материальное благосостояние и высокое социальное положение, обучающиеся в педагогических вузах больше ориентированы на развитие своих способностей и индивидуальности. Возможно, что их стремление сделать акцент на содержательной стороне педагогической профессии — это скорее оправдание сделанного выбора: профессия интересна, позволяет самореализоваться, но... работать по ней не хочется большинству выпускников.

Хотелось бы надеяться, что педагогические вузы все же будут пополнять необходимыми кадрами школы Уральского региона, несмотря на весьма противоречивые тренды в развитии системы высшего педагогического образования. Безусловно, педагогические вузы в меньшей степени, чем другие (например, федеральные), выполняют роль социального лифта, но их роль в воспроизводстве такой важнейшей профессиональной общности, как учителя, бесспорна и весьма существенна.

Нельзя забывать, что перед выпускниками педагогических вузов, как правило, остро встают проблемы не только с выбором места работы, но и с созданием семьи,

решением жилищных вопросов. Кроме того, в государственном и негосударственном секторе экономики по-прежнему сохраняется значительное расхождение в уровне оплаты труда. В такой жизненной ситуации молодые люди зачастую вынужденно жертвуют профессиональным ростом, отдавая предпочтение работе с более высокой зарплатой. По данным исследований, большинство специалистов, работа которых не соответствует полученной в образовательном учреждении специальности, заняты в негосударственном секторе экономики [1, 121]. Здесь возникает противоречие между желанием заниматься интересным, любимым делом и жесткими ограничениями рынка труда в плане предоставления возможности трудоустройства на условиях, устраивающих молодых людей.

Выводы

В весьма противоречивом восприятии студентами получаемой педагогической профессии отражаются следующие тренды.

С одной стороны, возрастает количество профессиональных ролей педагога. Он становится не только транслятором знаний, но и инноватором, лидером, исследователем и т. п. Содержательно усложняются выполняемые им функции, в целом возрастает значимость труда педагога для развития общества. Требования к компетентности, уровню общей и профессиональной культуры педагога также возрастают. С другой стороны, труд данной профессиональной группы относительно низко оплачивается (почти половина студентов это отмечает в своих ответах), что не позволяет педагогам в полной мере удовлетворять свои потребности.

Являясь уникальной по своим функциям (в том числе человекотворческой) социально-профессиональной общностью, педагоги воспринимаются в обществе низкостатусной группой. Образ профессиональной общности является одной из составляющих символического капитала профессии и во многом определяет ее статусные позиции как невостребованной обществом и рынком труда. Больше половины студентов педагогических вузов считают выбранную профессию непрестижной.

Указанные тренды позволяют еще раз акцентировать внимание на следующем: складывающаяся в обществе (а не только в самой системе образования) ситуация предопределяет то, что образовательная сфера не является привлекательной для большинства молодежи с точки зрения профессиональной деятельности. Заявления представителей властных структур о необходимости повышения статуса учителей на практике оказались декларативными, не подкрепленными соответствующими мероприятиями в рамках социальных программ в области образования. Именно об этом свидетельствуют теоретические и эмпирические выводы нашей статьи.

1. *Зубок Ю. А., Чуров В. И.* Молодые специалисты: подготовка и востребованность на рынке труда // Социол. исслед. 2015. № 5. С. 114–122.

2. *Лесина Л. А.* Лидерство в образовании: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2002. 24 с.

3. Симонова А. А., Минярова С. А., Рубина Л. Я. Педагогический университет в центре регионального образовательного кластера // Педагогическое образование в России. 2014. № 8. С. 8–22.
4. Солнышклина М. Г. Профессиональные стратегии личности : монография. М., 2006. 119 с.
5. Pankova S. N., Starshinova A. V., Lesina L. A. Person's social potential as resources of overcoming social uncertainty // SGEM. Psychology and Psychiatry, Sociology and Healthcare, Education Conference proceedings. Vol. 2 : Sociology and Healthcare. Albena, Bulgaria, 2014. P. 669–680.

Статья поступила в редакцию 28.01.2017 г.

УДК 374.7-053.67 + 316.647-053.67

А. А. Керимов

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ТОЛЕРАНТНОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ

Рассматриваются сущность толерантности как важного личностного качества современного человека, роль образования в формировании толерантного сознания у молодежи, а также предлагаются меры, направленные на предотвращение межнациональных, межконфессиональных конфликтов в современной России.

К л ю ч е в ы е с л о в а: глобализация; межнациональные и межконфессиональные отношения; межнациональный конфликт; толерантность; толерантное сознание; миграция; социокультурная среда; культурная идентичность; образование; молодежь.

На современном этапе развития человечества проблема толерантности выходит на первый план и становится определяющим фактором в достижении мира и согласия в межнациональных отношениях. С этой проблемой человечество сталкивалось всегда. Люди порой прибегали к самым жестким мерам, чтобы решить данную проблему, но в итоге лишь отодвигали ее решение. Несвоевременная реакция на данную социальную болезнь также усугубляла ситуацию. Насилие порождало еще более сильную волну ответного насилия. Все это выливалось в такие негативные явления, как войны, репрессии, массовые беспорядки и убийства.

Сегодня развитие человечества немислимо без развития культуры толерантного взаимоотношения между людьми. Глобализация убеждает нас в том, что толерантность должна стать социальной нормой современного общества. Этот социальный принцип сегодня утверждается во всех странах, которые в своих нормативно-правовых актах закрепили его как основу межнациональных отношений.

Декларация принципов терпимости, принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г., гласит: «Терпимость означает уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших

КЕРИМОВ Александр Алиевич — кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой политических наук Института социальных и политических наук Уральского федерального университета (e-mail: kerimov68@mail.ru).

© Керимов А. А., 2017

форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности. Ей способствуют знания, открытость, общение и свобода мысли, совести и убеждений. Терпимость — это гармония в многообразии. Это не только моральный долг, но и политическая и правовая потребность. Терпимость — это добродетель, которая делает возможным достижение мира и способствует замене культуры войны культурой мира» [4]. В данном документе утверждается важное значение толерантности на современном этапе и подчеркивается, что «терпимость — это обязанность способствовать утверждению прав человека, плюрализма (в том числе культурного плюрализма), демократии и правопорядка; терпимость — это понятие, означающее отказ от догматизма, от абсолютизации истины и утверждающее нормы, установленные в международных правовых актах в области прав человека» [Там же].

Термин «толерантность» происходит от латинского глагола *tolerare* (переносить, выдерживать, терпеть). Английская же интерпретация — *tolerance* — означает еще «допускать, позволять». В русском языке более близким по значению понятию «толерантность» является термин «терпимость», который означает «умение без вражды и терпеливо относиться к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям» [11, 22–23].

Понятие толерантности в его современном понимании подразумевает «не смиренно-выносливое отношение к неприятным людям или воздействиям, а, напротив, расположенность и доброжелательность, уважение и признание других, признание их прав на собственный образ жизни, отношение к ним как к себе» [8, 11–13]. На психологическом уровне «толерантность представляется в виде внутренней установки, добровольного выбора по отношению к человеку вообще, к другим людям и коллективам, которые не навязываются, а приобретаются каждым через систему воспитания и жизненный опыт» [10, 63]. Таким образом, в современной научной литературе толерантность интерпретируется в первую очередь как уважение и признание равенства, отказ от доминирования и принуждения, принятие многомерности и многообразия человеческой культуры, норм поведения, отказ от сведения этого многообразия к единообразию или преобладанию какой-либо точки зрения и последовательно проводится мысль о необходимости разрушения тех негативных стереотипов по восприятию представителей других народов, которые затрудняют процесс формирования толерантного сознания у молодежи.

Рассматривая толерантность как культурную, правовую и психологическую установку, необходимо понимать ее основные психологические компоненты, среди которых обычно выделяют эмпатию и коммуникативную толерантность. Эмпатия (от греч. *etmpatheia* — сопереживание) предполагает «постижение эмоционального состояния, проникновение, вчувствование в переживания другого человека, то есть понимание человека на уровне чувств, стремление эмоционально откликнуться на его проблемы; а коммуникативная толерантность нацелена на характеристику отношений личности к людям, показывает степень переносимости ею неприятных или неприемлемых психических состояний, качеств и поступков партнеров по взаимодействию» [3, 39].

Процесс формирования толерантного сознания ставит целью развитие у личности таких психико-этических качеств, как гуманность, рефлексивность, гибкость, уверенность в себе, самообладание, вариативность, перцепция, чувство юмора. Данные качества выражаются через проявление взаимного уважения в межличностных отношениях, использование многомерного подхода к оценке реальности и принятие адекватных сложившимся обстоятельствам решений, умение подмечать и выделять всевозможные характеристики людей. Важное значение в данном процессе также имеет способность проникать во внутренний мир человека другой национальности. Обладая этими характеристиками, современный человек становится более коммуникабельным, открытым к восприятию другой культуры, иного способа мышления.

Огромная роль в распространении идей толерантности принадлежит системе образования. Роль образования в воспитании молодежи подчеркивается и в Декларации принципов терпимости: «Воспитание в духе терпимости следует рассматривать в качестве безотлагательного императива; в связи с этим необходимо поощрять методы систематического и рационального обучения терпимости, вскрывающие культурные, социальные, экономические, политические и религиозные источники нетерпимости, лежащие в основе насилия и отчуждения. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях, как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, а также нациями» [4].

В контексте вышеобозначенных задач перед системой образования возникают сложные проблемы, связанные с формированием у молодежи культуры межнациональных отношений в поликультурной образовательной среде. Среди них — воспитание личности посредством обогащения ее сознания ценностями разных национальных культур; «этнопедагогическое просвещение молодежи с целью расширения и углубления ее этнических и культурных представлений; формирование мировоззрения, интеллекта межнациональных взаимоотношений, предполагающих гармонию межкультурного взаимодействия молодежи» [13, 154]. Одной из главных задач является формирование толерантного отношения молодежи в поликультурной образовательной среде с целью обеспечения неконфликтного, гармоничного взаимодействия различных культур.

Таким образом, в качестве основной задачи образования специалисты выделяют «формирование человека, готового к активной созидательной деятельности в современной поликультурной и многонациональной среде, сохраняющего свою социально-культурную идентичность, стремящегося к пониманию других культур, уважающего иные культурно-этнические общности, умеющего жить в мире и согласии с представителями разных национальностей, рас и верований» [11, 3–4].

Система образования в современной России базируется на общепринятых психолого-педагогических подходах к формированию толерантного сознания, которые отражены в трудах российских и зарубежных ученых. Это личностно-ориентированный подход, предполагающий взаимосвязь личностного развития (зрелости) и толерантности [1, 12]; этнокомпетентностный подход,

базирующийся на идее, что основным условием этнической толерантности, понимания и принятия другой культуры является формирование этнокультурной компетентности [9, 10]; институциональный подход, основанный на убеждении, что реальные межэтнические контакты, с учетом их природы и качества, снижают предрассудки [5, 6].

Эти подходы, применяемые в процессе воспитания молодежи, могут иметь положительных эффект только в том случае, если в обществе будут созданы социально-педагогические условия для толерантного взаимодействия, толерантного образовательно-воспитательного пространства; будет сформирована культура общения, новое мышление, позволяющее воспринимать широкий диапазон личных достоинств, индивидуальных и этнических проявлений человека.

Очевидно, что в решении проблем, накопившихся в сфере межнациональных отношений, важная роль отводится системе образования. Именно через систему образования можно формировать культуру межнациональных отношений. Образовательная система должна быть готова к вызовам современности и иметь интегральный характер. Одной из ее характеристик должна стать инновационность методов внедрения мультикультурного образования, которое предусматривает «адаптацию человека к различным ценностям в ситуации существования множества разнородных культур; взаимодействие между людьми с разными традициями; ориентацию на диалог культур» [6, 41]. Результатом успешной реализации такого образования станет «глубокое и всестороннее овладение культурой своего народа; формирование представлений о культурном разнообразии в России и мире; воспитание положительного отношения к культурным различиям, способствующим прогрессу человечества и служащим условиям для самореализации личности; создание условий для интеграции учащихся в культуры других народов; развитие умений и навыков эффективного взаимодействия с представителями различных культур; воспитание учащихся в духе мира, терпимости, гуманного межнационального общения; воспитание уважения к истории и культуре других народов; создание мультикультурной среды как основы для взаимодействия личности с элементами других культур; формирование способности учащегося к личностному культурному самоопределению» [6, 41].

В качестве конкретных мер, направленных на формирование толерантного сознания у молодежи, можно рассматривать создание многонациональных молодежных коллективов в школах и по месту жительства; преподавание в школах предмета «Основы религиозных культур и светской этики», так как детей уже с младшего школьного возраста необходимо учить уважению к этническим и религиозным традициям; организацию для учителей школ и училищ в многонациональных городах и районах дополнительных курсов повышения квалификации, на которых будут рассматриваться вопросы межэтнических отношений и культуры народов, проживающих на данной территории. Кроме того, для создания благоприятной среды для межнациональных отношений в школах воспитательную работу по развитию этнической идентичности у детей мигрантов необходимо организовать таким образом, чтобы у них формировались не этноконфессиональные ценности, а общероссийские, ценности общегражданского согласия.

Таким образом, можно сделать вывод, что формирование толерантного сознания у молодежи является важнейшим фактором урегулирования межнациональных конфликтов. Данная цель может быть достигнута через систему образования, создания благоприятной социокультурной среды. Современное образование, построенное на ценностях мультикультурализма, способно ориентировать молодежь в мире этнического, языкового, конфессионального, культурного разнообразия и подготовить ее к принятию этих различий. Молодежь, воспитанная на таких ценностях, будет настроена на диалог культур. Современная система образования, ориентированная на формирование толерантного сознания у молодежи, может функционировать только в условиях устойчивого гражданского общества, где гражданские институты, взаимодействуя с властными структурами, станут реальной основой для укрепления межнациональных отношений. Такая система образования может быть реализована через комплексную программу, в рамках которой будет осуществляться систематическая и последовательная работа по развитию культурного диалога, начиная с детей дошкольного возраста.

Формирование толерантного сознания у молодежи невозможно без привлечения к образовательной работе новых кадров. Отсюда следует, что высшая школа должна соответствовать современным вызовам и учитывать потребности общества в компетентных специалистах.

Для реализации на практике образовательной программы, отвечающей вызовам современности, необходима поддержка государства и общественных организаций. Для этого нужно готовить общество, формировать общественное мнение, создавать законодательную и институциональную базу. Решение проблемы возможно только через интегрирование, а данный процесс очень сложный, прежде всего он предполагает создание благоприятной среды для интеграции.

-
1. Асмолов А. Г. Толерантность: от утопии к реальности. На пути к толерантному сознанию. М., 2000. 255 с.
 2. Асмолов А. Г., Солдатова Г. У., Шайгерова Л. А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности : науч.-публицист. вестн. 2001. № 1. С. 8–18.
 3. Безолева Г. В., Бондырева С. К., Шаламова Г. М. Толерантность в пространстве образования. М., 2005. 152 с.
 4. Декларация принципов терпимости. Генеральная конференция ЮНЕСКО от 16 нояб. 1995 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/toleranc (дата обращения: 12.03.2017).
 5. Олпорт Г. Становление личности // Избранные труды. М., 2002. 462 с.
 6. Палаткина Г. В. Мультикультурное образование: современный подход к воспитанию на народных традициях // Педагогика. 2002. № 5. С. 41–47.
 7. Петтигрю Т. Ф. Расовые отношения в Соединенных Штатах Америки: социологическая перспектива // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М., 1972.
 8. Смирнова О. Е. Межличностные отношения как сфера зарождения и проявления толерантности // Возрастные особенности формирования толерантности / под ред. В. С. Собкина. М., 2003. С. 11–13. (Труды по социологии образования. Т. 8, вып. 14).
 9. Тишков В. А. О нации и национализме (полемические заметки) // Свободная мысль. 1996. № 3. С. 30–38.
 10. Тишкова В. А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. 532 с.

11. Толерантное сознание и формирование толерантных отношений (теория и практика): сб. науч.-метод. ст. 2-е изд., стереотип. Москва ; Воронеж, 2003. 368 с.

12. *Шлягина Е. И., Данзаева Э. У.* Зависимость актуального этнопсихологического статуса личности от ее характерологических черт // Этническая психология и общество. М., 1997. С. 347–355.

13. *Шлягина Е. И., Карлинская И. М.* Толерантность как условие позитивного межэтнического общения. М., 2000. 257 с.

Статья поступила в редакцию 19.03.2017 г.

УДК 316.614-055.52

Н. В. Шаброва

ЭТАПЫ РОДИТЕЛЬСТВА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ*

Статья посвящена социологическому анализу внешней и внутренней динамики родительства. Сделана попытка исследования этапов родительства как социальной общности, выполняющей определенные роли и функции в ракурсе своего исторического развития. Особое внимание уделено исследованию внутренней динамике родительства, основным предпосылкам и этапам этого процесса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: родительство; социологический подход; социальная общность; этапы родительства; типы родительства.

При анализе любого социального явления необходимо раскрыть не только его современное статическое положение, но и динамику. Ее изучение позволяет увидеть и оценить траекторию изменения содержания того или иного феномена на протяжении некоторого времени, исследовать ключевые факторы и причины, повлиявшие на его трансформацию, и тем самым обозначить тренд развития в будущем.

Объектом нашего анализа в данной статье является феномен родительства, динамику которого сквозь призму основных этапов его развития мы рассматриваем как предмет исследования. Родительство и, соответственно, подходы к его периодизации анализируются в научной литературе и педагогами, и психологами, и социологами. Но именно социологический подход, на наш взгляд, дает возможность максимально полно описать характер и особенности функционирования родительства. Это обеспечивается за счет того, что социологический подход,

* Статья подготовлена при поддержке РФНФ, проект № 16-03-00051 «Нелинейная динамика образовательных общностей в мегаполисе в условиях социальной неопределенности».

ШАБРОВА Нина Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: urfu-stu@mail.ru).

© Шаброва Н. В., 2017

во-первых, объединяет, синтезирует достижения других наук (в том числе педагогики и психологии). Во-вторых, социологи анализируют родительство и его этапы в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с другими социальными структурами: институтами, организациями, группами. Наконец, существующий в социологии общностный подход позволяет рассматривать родителей не просто как отдельных индивидов, а как социальную общность — такую форму взаимодействия, которая позволяет сочетать в себе институциональные и межличностные аспекты анализа ее статусной и ролевой позиции в обществе.

Обозначенная выше особенность социологического подхода к родительству обосновывает необходимость его анализа, с одной стороны, с позиций трансформации этой общности в историческом контексте (внешняя динамика родительства), проявляющейся в виде изменений норм и функций родителей и детей во взаимодействии с другими социальными общностями. С другой стороны, важна оценка родительства с позиций изменения общего характера детско-родительских отношений, особенностей включения мужчины и женщины в общность родителей на этапах взросления детей (внутренняя динамика родительства).

Внешняя динамика родительства. Проанализировав научную литературу, мы выделили четыре последовательных исторических этапа родительства [4–6, 8, 10, 12, 13]: общинное родителецентричное, индивидуально-семейное родителецентричное, индивидуально-семейное детоцентричное, общественное детоцентричное. В качестве критериев периодизации были приняты: 1) комбинации типов-доминант родительства — групповая (общинная или общественная) и индивидуально-семейная; 2) концентрация на приоритете типа детско-родительских отношений (родителецентричность или детоцентричность). Выбор типа родительства (группового или индивидуально-семейного) как критерия этапов родительства обусловлен тем, что любые общественные отношения возникают и существуют не в вакууме, а под воздействием некоторых внешних факторов и условий, а тип родительства в данном случае выступает центром влияния, принятия решений, определяющим вектор реализации репродуктивной, социализационной, воспитательной и других функций. Учет в качестве критерия приоритетности родителей или детей в структуре детско-родительских отношений позволяет подчеркнуть центральных субъектов этих отношений, чьи интересы и ценности имеют преобладающее значение.

Этап общинного родителецентричного родительства (с древности до ранних стадий рабовладельческого строя) [2] характеризуется тем, что уход за детьми и их воспитание были делом всей родовой общины, а личная привязанность между ребенком и его биологическими родителями не возникала и не поддерживалась.

Для этого этапа нормой было амбивалентное отношение родителей (общины) к детям [10]. Иметь детей считалось почетным, и все взрослые обычно были ласковы и внимательны к ним, но вместе с тем доминировало признание важности жизни и ценностей взрослых членов племени и абсолютное пренебрежение жизнью ребенка, его потребностями [10, 447]. Последнее проявлялось в одобряемом массовом инфантициде — детоубийстве по ритуальным или каким-либо другим

соображениям, особенно физически слабых, больных, уродливых, социально неполноценных детей.

Возникновение и развитие *этапа индивидуально-семейного родителецентричного родительства* (с ранних стадий рабовладельческого строя до XIX в.) обусловлено переходом к индивидуальной семье. Особенностью выделяемого этапа является то, что решение о рождении детей, их количестве, методах социализации и воспитания принимается уже не общиной, а отдельно взятой семьей, и прежде всего ее главой — мужчиной. Помимо этого необходимо подчеркнуть сохраняющийся с этапа общинного родительства приоритет ценностей и интересов родителей над потребностями и желаниями детей.

В рамках этапа индивидуально-семейного родителецентричного родительства, опираясь на работу Л. Демоза [8], мы выделили четыре стадии.

1. Стадия детоубийства (с античности до IV в. н. э.) характеризовалась возможностью убийства родителями детей по той или иной причине и отсутствием наказания за это. Инфантицид оказывал огромное влияние на выживших детей и держал их в постоянном страхе перед родителями. Данная практика была законодательно запрещена лишь в IV в. н. э., когда император Константин «отнял право распоряжаться жизнью и смертью ребенка и приравнял детоубийство к убийству» [9].

2. Стадия, характеризовавшаяся доминированием «отказного родительства» (IV–XIII вв.), была обусловлена тем, что родители перекладывали свои родительские функции на других лиц или учреждения, отправляя детей к кормилице, в монастырь или в заведение для маленьких детей, в дом другого знатного рода в качестве слуги или заложника. Причем ребенка оставляли навсегда в чужой семье или окружали строгой эмоциональной холодностью, считая, что ребенок полон зла, и для спасения его души необходима дистанцированность от биологических родителей.

3. Стадия, характеризовавшаяся доминированием амбивалентного стиля взаимоотношений родителей и детей (XIV–XVII вв.), отличается тем, что ребенок получает право влиться в эмоциональную жизнь родителей, хотя и не в полной мере [8]. Несмотря на сохранение родителями доминирующего положения, их главной задачей становится воспитание в ребенке необходимых, значимых с их точки зрения качеств. В этот период появляется большое количество руководств по воспитанию детей, распространяется «образ заботливой матери», но если ребенок сопротивляется и не поддается родительскому воздействию, к нему применяется физическое насилие.

4. Следующая стадия определялась доминированием навязываемого стиля взаимоотношений родителей и детей (XVIII–XIX вв.). Ее особенностями являются: гораздо меньшая степень зависимости детей от давления родителей; ориентация родителей на эмоциональное сближение с ребенком для того, чтоб «обрести власть над его умом и уже посредством этой власти контролировать его внутреннее состояние» [8]. Кроме того, детей воспитывали родные матери, используя преимущественно не силу, а уговоры. Физическое насилие, конечно, сохранялось, но носило уже не систематический характер.

Говоря об *этапе индивидуально-семейного родителецентричного родительства* в России, следует отметить, что в Русской Правде не содержалось каких-либо запретов на применение «насилия по отношению к ребенку со стороны родителей» [4]. В Домострое, закреплявшем нормы семейного права XVI в., содержались подробные наставления для семьи «на все случаи жизни», в том числе и касающиеся воспитания детей. Отец, обладавший почти безграничной властью над детьми, мог «бить их жезлом или наказывать плетью». При этом государство не вмешивалось в эти отношения, а жаловаться на родителей дети не имели права [4].

С переходом к *этапу детоцентричного индивидуально-семейного родительства* (XIX — вторая половина XX в.) сохраняется концентрация власти индивидуальной семьи в стратегиях выбора и реализации базовых функций по жизнеобеспечению, воспитанию и социализации детей. Вместе с тем происходит существенное изменение места и роли ребенка в семье: дети становятся ее центром, значимость их ценностей и интересов возрастает и коррелирует с родительскими интересами и ценностями. Согласно анализу, проведенному Л. Демозом [8], в рамках этого этапа можно выделить две стадии.

1. Стадия социализирующего родительства (XIX — середина XX в.) отличается ориентацией родителей в воспитании ребенка на тренировку и подготовку его к включению в самостоятельную жизнь, при этом значительно увеличивается социализирующая роль отца.

2. Стадия помогающего поведения родительства (с середины до конца XX в.) характеризуется тем, что ребенок превращается в «центр семейной вселенной», «смысл жизни семьи», а основными задачами обоих родителей становится понимание и удовлетворение растущих индивидуальных потребностей детей.

Развитие институтов гражданского общества, движений в защиту прав детей и норм ювенальной юстиции, трансформация семьи и кризис института брака обусловил, на наш взгляд, переход к *этапу детоцентричного общественного родительства*. Особенности данного этапа, по нашему мнению, является то, что ребенок стал рассматриваться зачастую как автономный субъект общественных отношений (независимо от возраста), способный самостоятельно определять свои ценности и интересы и принимать соответствующие решения. При этом роль и значение родителей существенно трансформировались: они стали вспомогательным звеном в жизни, воспитании и социализации детей, отдав пальму первенства в принятии стратегических вопросов общественным институтам, и прежде всего государству. В рамках этого этапа именно оно определяет меру необходимого жизнеобеспечения подрастающего поколения: как воспитывать, где и чему учить и т. д. При этом возникает целая система контроля качества выполнения родительских функций, и при отклонении от заданных государством параметров родительской роли неминуемо следуют санкции — от порицания до лишения родительских прав.

Подводя итог рассмотрению вопроса о внешней динамике родительства, хотелось бы сделать несколько уточнений. Во-первых, выделенная нами последовательность смены доминирующего типа родительства характерна для исторически подробно описанной западной цивилизации, тогда как в восточных и архаических

культурах существовала (и существует) своя комбинация и цепочка этапов родительства. Во-вторых, необходимо подчеркнуть асинхронность типов родительства, т. е. присутствие на одном и том же историческом этапе одновременно нескольких типов. Причем этот дисхроноз проявляется и между культурами (более яркое проявление детоцентричного общественного родительства в европейских странах по сравнению с Россией), и внутри культуры (доминирование детоцентричного общественного родительства в крупных городах, мегаполисах и индивидуально-семейного родителецентричного родительства в малых городах и селах).

Внутренняя динамика родительства, как развитие детско-родительских отношений в малой группе, как ожидание и исполнение роли родителей, рассматривается в литературе чаще всего с позиций жизненного цикла семьи [13]. В качестве критериев периодизации родительства принимаются и ключевые семейные события (заключение брака, рождение первенца, рождение последнего ребенка, рождение первого внука) [2]; и содержание родительских практик в развитии культуры родительства [1]; и трансформация структуры, иерархии ценностных ориентаций, установок и ожиданий в детско-родительских отношениях [7]; и особенности родительского труда на стадиях роста и развития ребенка [3]. Общей особенностью данных подходов является то, что отправной точкой возникновения родительства является либо вступление в брак и планирование детей, либо ожидание рождения ребенка. С этой позицией можно согласиться лишь отчасти, поскольку, на наш взгляд, а также по мнению некоторых исследователей [12], нужно иметь в виду, что отношение и установки на родительство формируются задолго до его реального возникновения в процессе как первичной, так и вторичной социализации.

В целом же наиболее полная периодизация реализующегося родительства, по нашему мнению, представлена в работах С. Ю. Девярых [7]. Он выделяет шесть основных этапов родительства, принимая за основу изменение форм и способов взаимодействия супругов между собой, а также между родителями и ребенком на разных стадиях его развития.

1. *Период от заключения брака и ожидания ребенка до его рождения* характеризуется принятием новых для мужчины и женщины ролей мужа и жены, установлением правил взаимодействия между супругами и выработкой общей стратегии будущего родительства.

2. *Период с рождения ребенка до его школьного возраста* характеризуется вхождением мужа и жены в новые статусы матери и отца, изменениями режима дня, перераспределением домашних обязанностей, денежных трат с учетом потребностей ребенка. Деятельность родителей сводится к созданию благоприятных условий для жизнедеятельности ребенка, инстинктивного, безречевого понимания его потребностей и формирования собственной активной речи ребенка.

3. *Период школьного детства ребенка характеризуется тем*, что семья включается в общественную образовательную систему. Данное обстоятельство заставляет устанавливать новые внутрисемейные правила, которые позволяют контактировать как родителям, так и ребенку с внесемейным окружением.

4. *Период подростковой и юности ребенка* характеризуется выработкой внутрисемейной системы мер, позволяющих ребенку получить свободу и самостоятельность в принятии решений, поскольку отношения родитель — ребенок постепенно теряют характер навязывания норм поведения детям, становятся взаимодействием между взрослыми равными людьми.

5. *Период взрослости ребенка, создания им своей семьи и рождения детей в ней* заключается в освоении родителями статусов бабушки и дедушки и требует выработки новой внутренней личностной позиции.

6. *Переход к выполнению роли прародителя* заключается в гармоничном участии и конструктивных коммуникациях как со своими собственными детьми, так и с внуками.

Поскольку мы исходим из положения, что **родительство — социальная общность**, соединяющая в себе институциональные и межличностные аспекты, то считаем необходимым выделение этапов и стадий родительства как шагов по включению в родительскую общность и реализации ее основных задач. В качестве *основных критериев* мы берем: временную характеристику, доминирующие функции родительства, особенности взаимодействия с государством, социальным окружением и ребенком.

Предпосылки формирования идеального образа родительства возникают с момента относительной самостоятельности ребенка и характеризуются конструированием агентами социализации образа «идеального родителя», формированием ценностей и установок на то, чтобы быть родителем.

Здесь можно выделить следующие стадии:

1. *Бессознательно-инстинктивная*, когда родительство проявляется на уровне инстинкта. Инстинктивная природа родительства рассмотрена и в работах Ч. Кули, который относит родительскую любовь к базовым инстинктивным эмоциям [11, 27], и в работах И. Кона, который считал, что «родители, во всяком случае, мать, — главные и естественные воспитатели ребенка; их поведение детерминировано врожденным инстинктом, потребностью в продолжении рода, а отсутствие или неразвитость родительских чувств — не что иное, как нарушение или извращение этой универсальной биологической и социально-нравственной нормы» [10, 442]. На этой стадии дети, играя в «дочки-матери» или помогая своим родителям заботиться о младших братьях и сестрах, соотносят, пробуют себя в роли матери или отца.

2. *Сознательно дородительская*, возникающая с момента полового созревания и длящаяся до момента его завершения. Данная стадия рассматривается нами в качестве такого периода, когда возникают представления о будущем родительстве как определенной форме общности [16, 202–207].

На конструирование позитивного или негативного образа родительства на этом этапе, на наш взгляд, влияют такие факторы, как:

— отношение населения к родительству на уровне культуры и политики страны и региона (культурные паттерны родительства, всесторонняя поддержка родительства со стороны государства, развитость правовой защиты родительства, доступность государственных услуг, образ родительства, транслируемый средствами массовой информации, и т. д.);

— уровень развития городской инфраструктуры, позволяющей реализовывать родительские функции (доступность и возможность родителей с детьми посещать кафе, театры, выставки, получать качественное образование, медицинские и социальные услуги);

— образ, модель поведения, отношений между родителями и детьми в родительской семье;

— опыт родительства близких родственников и друзей;

— восприятие родительства в «круге общения» (коллеги по работе, знакомые, соседи);

— наличие необходимой базы ресурсов (здоровья, материальных средств, жилищных условий).

Этап реального родительства начинается с момента принятия решения о вынашивании (усыновлении или удочерении) и рождения ребенка до ухода из жизни. Данный этап характеризуется относительным единством целей мужчины и женщины в жизнеобеспечении, воспитании и социализации собственных детей (как биологических, так и приемных), т. е. непосредственным включением мужчины и женщины в родительскую общность.

Этап реального родительства длится всю жизнь и включает следующие стадии:

1. *Предродительская стадия* охватывает период ожидания ребенка (беременности). На данной стадии у будущих родителей актуализируются ценности, концентрирующие вокруг себя жизнь семьи, формируется родительское отношение, которое проявляется в представлениях, суждениях, оценках относительно форм и способов взаимодействия с ребенком на когнитивном, эмоциональном и поведенческом уровнях [14, 234].

Кроме того, существенно изменяются повседневные практики (в большей мере женщины как носителя будущего ребенка), появляются новые аспекты межличностных коммуникаций как между супругами, так и с будущим ребенком [15, 13].

Наконец, важным для будущих родителей становится одобрение их желания включиться в родительскую общность как на уровне государственной поддержки, так и социального окружения (их родителей, друзей, знакомых, коллег по работе).

2. *Стадия идентификационного родительства* начинается с рождения ребенка и длится примерно до его полуторагодового возраста. На данной стадии, с одной стороны, происходят корректировка и согласование релевантных систем ценностей, представлений родителей и других людей из ближайшего социального окружения (бабушек, дедушек, дядей, тетей и т. д.) в более или менее строгую систему правил, традиций, образцов поведения для реализации родительских функций. С другой стороны, родители включаются в новую систему общественных отношений, регулируемых как формальными (государство), так и неформальными (общественное мнение) институтами.

Изменение повседневных практик, которые становятся привязанными к обеспечению беспомощного, «безречевого» ребенка, заставляет родителей изменять и корректировать структуру материальных, временных, социальных ресурсов. Кроме того, молодые родители включаются в активные контакты

и взаимодействия с себе подобными родителями, т. е. переходят на более высокий уровень родительской общности — на уровень социальной группы.

3. *Стадия обучающе-развивающего родительства*, начинающаяся с момента относительной самостоятельности ребенка до включения в систему формального образования, характеризуется появлением возможностей у родителей устанавливать с ребенком вербальные коммуникации, позволяющие ребенку выражать свои потребности, интересы, желания, а родителю определять и удовлетворять эти потребности различными способами неформального обучения и развития. Главными особенностями данной стадии, на наш взгляд, являются: доминирование объект-субъектных отношений между ребенком и родителями, с одной стороны, и отсутствие давления формальных институтов (за исключением крайних форм девиантного поведения родителей по отношению к детям) в выборе методов, способов, направлений воспитания и социализации ребенка — с другой. Хотелось бы отметить, что доминирующая составляющая родительства, выражающаяся в обучении и развитии, продолжает сохраняться и на последующих стадиях, но уже в неформальном виде.

4. *Стадия родительства как образовательной общности* возникает, по нашему мнению, с момента включения ребенка в формальные образовательные институты и длится весь период школьного образования, заканчиваясь получением уже взрослым ребенком профессионального образования. Она характеризуется, во-первых, изменениями межличностных отношений между родителями и детьми: переходом от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным; уменьшением формальной власти родителей и увеличением индивидуальной свободы (как материальной, так и психологической) ребенка. Во-вторых, включением не только ребенка, но и родителей в систему норм и требований образовательных институтов, что требует от них корректировки, подстройки системы семейных ценностей к принятым в обществе нормам образования и воспитания. Важно отметить, что родители, хотя и получают определенный набор прав как законные представители своих детей, существенно ограничиваются в своей деятельности различного рода предписаниями со стороны государства, начиная от регламентации времени и заканчивая системой требований к морально-этическим характеристикам их детей.

Хотелось бы также подчеркнуть, что выделенная нами стадия достаточно разнообразна в своих проявлениях и тесно связана с особенностями уровней образования, которые существуют в той или иной стране.

Наконец, необходимо отметить, что в связи с переходом к стадии родительства как образовательной общности появляется возможность складывания в ее рамках неформальных организаций. Это связано, по нашему мнению, с тем, что, включаясь в образовательные институты в качестве законных представителей своих детей, они формируют достаточно устойчивые сети социальных отношений, направленных на совместную реализацию образовательной функции учебных заведений [16, 138].

5. *Стадия консультационного родительства*, начинающаяся с момента взрослой самостоятельной жизни детей и продолжающаяся всю оставшуюся жизнь родителей, характеризуется относительной автономностью взрослых детей

и родителей, отсутствием жесткой нормативности в регулировании межличностных отношений со стороны формальных общественных институтов, особым типом коммуникаций, при котором, в зависимости от ситуации, то «ребенок», то «родитель» исполняют роль значимого, авторитетного консультанта. Особенностью этой стадии, на наш взгляд, является то, что вместо жизнеобеспечения детей появляется их забота о родителях.

Подводя итог анализа внутренней динамики родительства, хотелось бы сделать несколько уточнений. Во-первых, предложенная последовательность этапов родительства — это идеальная модель включения индивидов в родительскую общность и реализации ими основных задач данной общности во времени. Во-вторых, представленная модель ориентирована на полную нуклеарную семью с «нормативным типом родительства» [6, 64–66]. Наконец, необходимо иметь в виду, что единство родительства как социальной общности не всегда однозначно, а зачастую противоречиво. Это обстоятельство, на наш взгляд, объясняется наличием в общности родителей большого числа подобщностей, которые отражают объективно существующие различия по возрастному, образовательному, профессионально-должностному и т. д. статусу родителей и влияют на характер взаимоотношений родительской общности как внутри нее, так и с другими структурными элементами общества: социальными институтами, группами и организациями.

В заключение хотелось бы отметить, что рассмотренные нами вопросы динамики родительства позволили еще раз подчеркнуть сложность и многоаспектность родительства как социального явления. На основании исследования исторического контекста развития родительства нами были выделены этапы родительства: общинное родителецентричное, индивидуально-семейное родителецентричное, индивидуально-семейное детоцентричное и общественное детоцентричное родительство, а также определена роль других социальных институтов (семьи, брака, государства и т. д.) в реализации функций родительства.

Проанализировав внутреннюю динамику родительства, мы пришли к выводу, что ее целесообразно рассматривать как определенные этапы и стадии, которые условно проходит каждый человек, включаясь в родительскую общность. Общностный подход к родительству позволил нам обозначить определенные моменты и характеристики, предопределяющие переход от потенциального родительства, проявляющегося в осознании возможности быть матерью или отцом, к реальному включению в родительскую общность.

Обозначенные нами исторические этапы становления и развития родительства позволяют лучше понять смысл того, что происходит с данной общностью сегодня, и дают возможность спрогнозировать перспективы изменений структуры и содержания родительства как системы социальных отношений в будущем.

1. *Абрамова А. А.* Базовые детерминанты и структурные комплексы культуры родительства // Вестн. МГУКИ. 2000. № 6. С. 177–180.

2. *Антонов А. И.* Кризис семьи и родительство // Проблемы родительства и планирования семьи. М., 1992. С. 11–27.

3. *Багирова А. П., Шубат О. М., Пиеничникова М. М.* Родительский труд: специфика анализа и управления : монография. Екатеринбург, 2013.
4. *Бондаренко О. А.* История развития законодательства о правах ребенка. Волгоград, 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.alrf34.ru/files/919.pdf> (дата обращения: 20.07.2016).
5. *Грицай Л. А.* Значение ценностей родительства в контексте национальной культуры // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 4. С. 22–27.
6. *Гурко Т. А.* Брак и родительство в России. М., 2008.
7. *Девярых С. Ю.* Феномен родительства: социально-психологический аспект. Витебск, 2005.
8. *Демоз Л.* Психоистория [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Lloid/01.php (дата обращения: 20.07.2016).
9. История прав ребенка [Электронный ресурс]. URL: http://www.history_dev_ch_rights.pdf (дата обращения: 20.07.2016).
10. *Кон И. С.* Социологическая психология : избр. психол. тр. М., 1999.
11. *Кули Ч.* Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000.
12. *Овчарова Р. В.* Психологическое сопровождение родительства. М., 2003.
13. Социология семьи / под ред. проф. А. И. Антонова. М., 2007.
14. *Темерева А. В., Симоенко И. А.* Взаимосвязь межличностных отношений супругов с процессом принятия социальной роли родителей на этапе беременности и трех месяцев ребенка // Научные ведомости. Сер. : Гуманитар. науки. 2014. Вып. 23, № 20. С. 232–239.
15. *Шихова Е. П.* Социокультурные взаимодействия в семье, ожидающей ребенка: социологический анализ : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2011.
16. *Штомпка П.* Социология: Анализ современного общества. М., 2005.
17. *Carter V., McGoldrick M.* The Changing Family Life Cycle [Electronic resource]. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.margobristow.com%2Fimages%2FThe_Changing_Family_Life_Cycle%2C_Carter_and_McGoldrick.pdf&name=The_Changing_Family_Life_Cycle%2C_Carter_and_McGoldrick.pdf&lang=en&c=580a228663e2&page=2 (accessed: 20.10.2016).

Статья поступила в редакцию 12.01.2017 г.

УДК 314.74 + 316.774

**И. Б. Бритвина
К. А. Григорьева**

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИИ О ВНЕШНИХ ИНОЭТНИЧНЫХ МИГРАНТАХ НА ОТНОШЕНИЕ К НИМ ЖИТЕЛЕЙ ЕКАТЕРИНБУРГА *

Статья содержит эмпирическое обоснование влияния характера получаемой информации об иноэтничных мигрантах на отношение к ним и к миграционным проблемам в целом. Авторы приходят к выводу о существенном влиянии СМИ на формирование негативного общественного мнения о внешних мигрантах. В условиях динамичного притока иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии это в значительной степени влияет на адаптивность екатеринбуржцев к новой социальной ситуации.

К л ю ч е в ы е с л о в а: иноэтничные мигранты; каналы коммуникации; СМИ; контент-анализ; отношение к мигрантам.

В информационном обществе количество и качество получаемой информации о социальном явлении, социальной группе или индивиде существенно определяет отношение к этому предмету. Причины такого положения дел подробно изучены. Согласно гештальтпсихологии, искаженное восприятие зависит от установок и стереотипов [2]. Стереотипы восприятия являются главными барьерами формирования собственного мнения о предмете. Общеизвестно, что подобные стереотипы в современном мире во многом формируются благодаря сообщениям СМИ [3], что зафиксировано в социологии массовых коммуникаций,

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 16-33-00010.

БРИТВИНА Ирина Борисовна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: irina.britvina@urfu.ru).

ГРИГОРЬЕВА Ксения Андреевна — магистрант Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: ksenia070295@yandex.ru).

© Бритвина И. Б., Григорьева К. А., 2017

в социологии общественного мнения¹. «Новые» медиа также активно участвуют в этом процессе, существенно не отличаясь от традиционных СМИ [4]. Средства массовой информации влияют как на отдельных носителей общественного мнения, так и на социальные группы, формируя устойчивые и долговременные типы восприятия информации.

Методология исследования. Предмет нашего исследования — это влияние характера и содержания получаемой информации о внешних иноэтничных мигрантах на отношение к ним. В мае 2016 г. под руководством одного из авторов статьи по репрезентативной выборке был проведен анкетный опрос 485 жителей Екатеринбурга. Отбор респондентов производился в соответствии с квотной выборкой по полу, возрасту и районам проживания в городе с учетом наличия гражданства РФ. В соответствии с этническим составом Екатеринбурга в выборочной совокупности было представлено 89,7 % респондентов, назвавших себя русскими. Нас интересовало отношение к иноэтничным мигрантам из стран Центральной Азии (казахи, киргизы, таджики, узбеки, туркмены), так как в потоках внешней миграции на территорию России они составляли в разные годы от 50 до 70 %. Применяв при обработке информации метод «сравнения двух групп», мы получили однозначное подтверждение влияния характера информации о мигрантах на отношение к ним со стороны жителей Екатеринбурга, а также на общее восприятие миграционных проблем. Таким образом, мы разделили всех опрошенных на две группы: первая — те, кому о мигрантах из стран Центральной Азии в большей степени известна положительная информация («позитивисты»), вторая — те, кому о них в первую очередь известна отрицательная информация («негативисты»). Уточним, что группа, имеющая больше положительной информации, составляет всего 11,8 % от числа опрошенных, а группа, имеющая больше отрицательной информации, — 56,1 %, что само по себе симптоматично в отношении содержания информации, транслируемой СМИ, как будет показано ниже. Остальные респонденты выбрали вариант «не знаю» (31,1 %) или не дали ответа на вопрос.

Характеристика «позитивистов» и «негативистов». Выделенные нами группы респондентов не обладают какими-то устойчивыми социально-демографическими или этническими характеристиками. Обе группы включают подавляющее большинство этнических русских: 86 % в группе «позитивистов» и 92,3 % в группе «негативистов». Гендерный состав групп показывает, что в первой немного больше женщин: 60,7 % и 52,9 % соответственно. Мужчины преобладают в группе носителей отрицательной информации: 47,1 % и 39,3 % соответственно. Кроме того, в группе «позитивистов» больше сторонников ислама, чем в группе «негативистов» (3,5 % и 1,8 % соответственно). По возрастным и образовательным

¹ Так, например, согласно исследованию, проведенному на Украине в 2008 г., наивысший показатель недружелюбного отношения к другим этносам (28,7 %) у украинской молодежи (от 14 до 35 лет) сложился из сообщений в СМИ, а не на основании собственного опыта. Среди молодежи в возрасте от 14 до 17 лет этот показатель составил 39,7 % [1].

характеристикам группы не имеют существенных отличий. Симптоматичным является тот факт, что в группе «негативистов» более велика доля положительно относящихся к националистическим организациям (8,2 % и 5,3 % соответственно). Такая характеристика двух групп позволяет предположить, что социально-демографические факторы в условиях современной агрессивной информационной среды перестают быть определяющими в формировании отношения к чему-либо.

Результаты контент-анализа новостных сообщений. Перед проведением опроса жителей Екатеринбурга был осуществлен контент-анализ сообщений СМИ о внешней миграции, размещенных на интернет-порталах. Было проанализировано 150 сообщений федеральных СМИ («Первый канал»; «Дождь»; телеканал «Россия»; «ИноСМИ»; новостные ленты «Яндекс.Новости», «Google. Новости» и др.) и 100 сообщений региональных СМИ («66.ру»; «URA.RU»; «УралПолит.ру»; «Урал.ру»; новостные ленты «Яндекс.Новости», «Google. Новости» и др.). Анализ показал, что региональные СМИ дают более высокий процент размещения информации негативного характера о внешней миграции по сравнению с федеральными: 69 % и 49 % соответственно. Позитивная информация преобладает в федеральных СМИ: 29 % и 16 % соответственно. Остальная доля сообщений в СМИ носит нейтральный характер. Таким образом, региональные и федеральные СМИ в первую очередь транслируют негативную информацию о внешних мигрантах, влияя на отношение к ним. Тем более что большинство екатеринбуржцев получают информацию о приезжих именно из СМИ. Понятно, что негативная риторика СМИ проявляется в освещении любой «повестки дня», однако для взаимoadaptации россиян и внешних мигрантов при сниженных установках тех и других на интеграцию такой негативизм может играть решающую роль.

Каналы получения информации о мигрантах. Основную информацию о мигрантах из стран Центральной Азии жители Екатеринбурга получают тремя способами (табл. 1):

- из сообщений СМИ: телевидение (56,1 %), «новые» медиа в Интернете (32,2 %), газеты (17,1 %), радио (15,3 %);
- при контактах с родственниками, друзьями и знакомыми (личные встречи — 19,6 %, через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации — 15,7 %);
- при контактах с мигрантами (23,7 % — лично, 3,9 % — через социальные сети и другие способы интернет-коммуникации).

Таким образом, не более четверти екатеринбуржцев имеют личные контакты с мигрантами как первоисточник получения информации.

Те, кто имеют больше отрицательной информации о мигрантах («негативисты»), чаще получают ее опосредованно через СМИ и Интернет, а те, кто имеют больше положительной информации, — в основном получают ее из личных контактов с мигрантами (59,6 % представителей этой группы включают их в круг своего общения).

Таблица 1

**Каналы получения сведений о мигрантах
носителями позитивной и негативной информации, % от числа опрошенных***

Канал получения сведений	Имеющие больше положительной информации	Имеющие больше отрицательной информации
Из передач по телевидению	24,6	60,7
Из личных контактов при встречах с самими мигрантами	47,4	18,0
Из контактов с россиянами в сети Интернет, через мобильную связь	5,3	18,8
Из радиопередач	5,3	17,3

* Респонденты могли выбрать неограниченное число ответов.

Отношение к внешней миграции. Получаемая информация о мигрантах влияет и на отношение к внешней миграции в целом. Так, отношение к приему иноэтничных мигрантов имеет различный характер в зависимости от того, какая информация превалирует. Чаще всего отрицательно относятся к факту приема мигрантов те, кто получают в основном отрицательную информацию, а не те, кто имеют больше положительной информации (67,3 % и 17,5 % соответственно), и наоборот. Отметим, что отрицательное отношение к приему мигрантов у представителей обеих групп усиливается в зависимости от места приема мигрантов — в целом Россия или конкретно Екатеринбург (51,3 % и 60,2 % соответственно).

В соответствии с этими позициями проблематизируется и само присутствие мигрантов, которое, по мнению представителей «негативистов», только обостряет имеющиеся городские проблемы (71,3 %). Среди представителей «позитивистов» 45,6 % респондентов, напротив, считают, что присутствие мигрантов способствует решению городских проблем. Кроме того, представители «негативистов» в большей степени уверены, что приезжим из этих стран не надо давать российское гражданство (35,3 % и 5,3 % соответственно). Сходное мнение у представителей обеих групп проявляется лишь в отношении надления мигрантов гражданством — при условии полного соблюдения с их стороны российских законов и культурных норм (табл. 2), что свидетельствует о том, что для россиян важны культурные характеристики приезжих и проблемы безопасности страны.

Требования к мигрантам из стран Центральной Азии. Несмотря на то что восприятие мигрантов как «однозначно чужих» существенно различно (группа «позитивистов» — 10,5 %, «негативисты» — 45,6 %), требования, которые предъявляют представители этих групп к мигрантам, сходны прежде всего в отношении знания русского языка (86 % и 61,4 % соответственно). Остальные требования в разы сильнее у «негативистов». Так, например, характерно различие в оценке степени культуры поведения мигрантов: как низкую ее определили 40,1 %

носителей негативной информации о мигрантах (3,5 % — носителей позитивной информации). Вызывающее поведение молодых мигрантов является проблемой в большей степени для представителей группы «негативистов», чем «позитивистов» (29 % и 12,3 % соответственно). Более чувствительны представители этой группы и к религиозному фактору. Так, принадлежность мигрантов к определенной конфессии гораздо важнее для них, чем для носителей позитивной информации (14,7 % и 3,5 % соответственно). Самым существенным является тот факт, что носители обеих групп имеют разную результативность адаптированности к присутствию повышенного количества приезжих из стран Центральной Азии. Степень адаптированности носителей положительной информации о мигрантах в разы выше, чем носителей отрицательной информации, — 70,2 % и 19,9 % соответственно (табл. 3).

Таблица 2

Мнение носителей позитивной и негативной информации о возможности предоставления российского гражданства мигрантам из стран Центральной Азии, % от числа опрошенных

Варианты ответов	Имеющие больше положительной информации	Имеющие больше отрицательной информации
Не нужно разрешать им получать российское гражданство	5,3	35,3
Давать, но при соблюдении с их стороны наших законов и культурных норм	78,9	60,3
Нужно давать гражданство	15,8	1,1
Не знаю	0,0	3,3

Таблица 3

Степень адаптации к присутствию иноэтнических мигрантов из стран Центральной Азии носителей позитивной и негативной информации, % от числа опрошенных

Варианты ответов	Имеющие больше положительной информации	Имеющие больше отрицательной информации
Да, я вполне привык(ла)	70,2	19,9
Частично привык(ла), но иногда их присутствие меня напрягает	28,1	52,2
Я совершенно не могу привыкнуть к их присутствию в нашем городе	1,8	25,4
Нет ответа	0,0	2,5

Отметим, что большинство екатеринбуржцев (обе группы) представляют процесс адаптации односторонне, считая, что в первую очередь мигранты сами должны меняться, подстраиваясь под требования принимающего сообщества.

Совершенно не готовы менять свои культурные привычки для безболезненного сосуществования с иноэтничными мигрантами на одной территории большинство екатеринбуржцев (56,1 % — «позитивисты», 84,2 % — «негативисты»). Подавляющее большинство представителей группы «носители позитивной информации» не испытывает неприязни ни к каким иноэтничным группам, в отличие от представителей группы «носители негативной информации» (75,4 % и 24,6 % соответственно).

Таким образом, наши данные демонстрируют тот факт, что средства массовой информации (как федеральные, так и региональные) оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения об иноэтничных мигрантах. Фактически жители Екатеринбурга не имеют ни возможности, ни мотиваций получать объективную информацию о мигрантах. Культурные барьеры в виде стереотипов, которые также в основном формируются под воздействием СМИ, мешают формированию установок на интеграцию с приезжими. В итоге получается замкнутый круг, движение по которому увеличивает число представителей группы «носители негативной информации». В условиях динамичного притока иноэтничных мигрантов из стран Центральной Азии это в значительной степени влияет на адаптивные способности екатеринбуржцев и на формирование общественного мнения о миграции в целом.

1. *Афанасьева Л. В., Букреева И. В., Глинская Л. Ф., Орлов А. В.* Особенности этнической толерантности молодежи в контексте украинского регионального политкультурного социума // Социол. исслед. 2013. № 7. С. 52–58.

2. *Кочетков В. В.* Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18: Социология и политология. 2012. № 2. С. 144–162.

3. *Окладникова Е. А.* Общественное мнение жителей Санкт-Петербурга о трудовых мигрантах и факторы, его формирующие // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 423–430.

4. *Miranda Sh. M., Young A., Yetgin E.* Are Social Media Emancipatory or Hegemonic? Societal Effects of Mass Media Digitization in the Case of the SOPA Discourse // Management Information Systems Quarterly. 2016. Vol. 40, № 2. P. 303–329.

Статья поступила в редакцию 31.01.2017 г.

**МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ:
ГОРОД-ДЛЯ-СЕБЯ И ГОРОД-ДЛЯ-ДРУГОГО
(по результатам опроса жителей Екатеринбурга)***

В статье предлагается анализ результатов социологического опроса жителей Екатеринбурга, нацеленного на выявление городской идентичности, рассматриваемой как социально конструируемая реальность. На основе теории социального конструктивизма авторы рассматривают территориальную идентичность человека как сложный социальный конструкт, отражающий его представление о некоей территории, базирующееся одновременно на его собственном мнении об этой территории и представлении о том, как эту территорию видят другие люди. Опрос показал, что у большинства опрошенных жителей города территориальная идентичность действительно двойка: собственное мнение о городе у них довольно сильно отличается от представлений о том, как, по их мнению, город видится извне. Образ города, видимый извне, по мнению опрошенных, предстает привлекательным, тогда как образ города, видимый ими самими, в повседневной жизни в основном неприятен. Проведенный анализ приводит авторов к мысли о фактической двойственности территориальной идентичности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: город; идентичность; территориальная идентичность; мультимодальная идентичность; Екатеринбург; социологический опрос.

Понятие территориальной идентичности. Число социологических исследований, в рамках которых происходит адаптация маркетинговой методологии к анализу урбанистической тематики, в современной России если и не возрастает, то как минимум остается стабильно высоким. Об этом говорит и относительно большое число грантов, выдаваемых отечественными научными фондами на соответствующие исследования, и тематика семинаров, школ и конференций, и многообразие профильной научной литературы, появившейся на российском рынке за минувшие 8–10 лет. Как таковой интерес социологов к маркетинговым подходам сам по себе закономерен, причем далеко не только при анализе урбанистической

* Работа подготовлена на базе лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург) при финансовой поддержке, оказанной в рамках постановления № 211 Правительства Российской Федерации, контракт № 02.А03.21.0006

СТАРОСТОВА Людмила Эдуардовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: starostova5@mail.ru).

РУДЕНКИН Дмитрий Васильевич — кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры интегрированных маркетинговых коммуникаций и брендинга Института государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета (e-mail: d-rudenkin@yandex.ru).

тематики: базовая методология, категориальный аппарат и принципы анализа в исследованиях в области маркетинга и академической социологии используются близкие, поэтому неудивительно, что наработки одного из этих направлений получают интенсивное распространение в другом. У столь явного интереса социологов к применению маркетинговых подходов для анализа урбанистической проблематики есть и прагматические мотивы: дисбалансы в развитии разных населенных пунктов и связанные с ними интенсивные миграционные потоки являются для российского общества довольно серьезной и устойчивой проблемой, поэтому управленческий запрос на прикладное научное знание, которое поможет более эффективно управлять соответствующими процессами, в современной России фактически очевиден.

Вместе с тем, несмотря на многочисленность подобных исследований, их авторам (как и любым исследователям, работающим на стыке разных направлений) часто приходится сталкиваться с повышенным риском возникновения концептуальных и методологических неясностей. Возникновению таких неясностей всегда способствуют и многочисленность теоретических и методических подходов, и многогранность категориального аппарата, и, естественно, сам факт адаптации концептуальных наработок одного научного направления к проблематикам, больше характерным для какой-то иной области знания: одна и та же тема с позиций разных теорий и методологий всегда может трактоваться в разных значениях. Одним из наиболее типических примеров такой проблемы в междисциплинарных урбанистических исследованиях, на наш взгляд, стали дискуссии вокруг понятия территориальной идентичности, часто разрабатываемого на стыке маркетинга города и широкого спектра городских исследований. Данная статья посвящена именно уточнению таких методологических координат: нашей непосредственной целью станет разработка релевантной для урбанистических исследований концептуальной модели территориальной идентичности, а также ее апробация на материалах авторского социологического исследования.

С одной стороны, реконструкция подобной концептуальной модели не должна представлять собой сколько-нибудь сложной задачи. Многолетнее осмысление учеными опыта применения маркетингового подхода к территориальному развитию не только способствовало разработке широкого спектра как структурных, так и процессуальных моделей территориального бренда, но и внесло свой вклад в разработку понятия территориальной идентичности. В частности, модели территориального бренда при прочих отличиях друг от друга обязательно содержат в качестве одного из центральных элементов территориальную идентичность [3–6, 9]. Наиболее ярко эта тенденция представлена в модели конкурентной идентичности, которая одновременно преподносится как модель бренда страны [1, 21]. Для технологии территориального брендинга понятие идентичности позволяет зафиксировать различие между реальными качествами территории как продукта и формируемыми/воспринимаемыми ее качествами, поэтому проводится строгая дифференциация понятий «территориальная идентичность» и «имидж», «бренд». Таким образом, в силу целого ряда объективных причин сама категория идентичности действительно используется в подобных исследованиях довольно

часто, а следовательно, некое рабочее понимание этого термина неизбежно должно существовать.

Более того, мы можем предположить общий смысл такого рабочего понимания. По нашим наблюдениям, в современных исследованиях территориальной идентичности наиболее распространенным (или как минимум одним из самых тиражируемых) оказался подход социального конструктивизма, согласно которому представления индивидов о себе и мире конструируются в процессе социального взаимодействия, а следовательно, являются принципиально условными. Классики социального конструктивизма П. Бергер и Т. Лукман обозначали его принципиальные позиции следующим образом: «...социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже ее переформируя» [2, 81]. В этом смысле идентичность, т. е. комплекс представлений о смысле наших отношений и связи с социальной группой (прежде всего) и местом, динамична и зависит от целого ряда социальных факторов. Отталкиваясь от принципов социального конструктивизма, мы можем в самом общем виде определить территориальную идентичность как некий когнитивный конструкт, отражающий представления индивида о специфике своей взаимосвязи с некой территорией.

С другой стороны, понятие территориальной идентичности трактуется порой весьма разнообразно даже теми авторами, которые в целом придерживаются обозначенной конструктивистской рамки анализа (а это, напомним, не единственная возможная аналитическая традиция). Приведенное определение — это лишь поверхностная и обобщенная характеристика, тогда как сложность феномена территориальной идентичности требует более ясного понимания того, что именно включает в себя подобный когнитивный конструкт.

Так, по мысли А. Каландидеса, территориальная идентичность представляет собой образ места, сформированный в нашем сознании. Это может быть сознание, имеющее личный опыт места, либо не имеющее такового. В таком случае идентичность формируется и вторичной коммуникацией. Эта вторичная коммуникация воздействует и на тех, кто контактирует с местом непосредственно [7]. Основываясь на этой логике, А. Каландидес выделяет пять компонентов территориальной идентичности: восприятие места (имидж), корпус материальных носителей идентичности (здания, улицы и другая инфраструктура), различные институции (законы, организации и т. д.), властные, классовые, гендерные и т. п. отношения, а также сами люди и их практики (традиции, повторяемые действия, повседневная жизнь и т. п.) [8, 28–39].

П. Вайхарт, Ц. Вайске и Б. Верлен выделяют три составляющие территориальной идентичности, т. е. соотносности человека с местом: «идентификация чего» (identification of), «бытие идентифицированным» (being identified as) и «идентификацию с» (identification with). Первый тип идентичности выражает то, как люди воспринимают место наравне с любыми другими объектами, приписывая им различные характеристики. Второй тип территориальной идентичности

представляет собой восприятие людей как выходцев из определенного места другими — чужаками. Третий тип территориальной идентичности ориентирован на понимание, схватывание того, как люди включают место в конструкцию собственной идентичности. В любом случае идентичность есть результат процессов осмысления [12].

Г. Тэджфел подходил к соответствующей проблематике, отталкиваясь от наблюдения разности поведения и настроений индивидов по отношению к разным референтным группам и стремясь реконструировать механизм влияния этой разницы на территориальную идентичность [11]. Согласно концепции Г. Тэджфела, соотнесенность с чужой группой влияет на процессы самоидентификации и идентификации собственной группы: «Мы должны что-то знать о путях, какими группы сконструированы в рамках конкретной социальной системы, каковы психологические эффекты этих конструкций и как эти конструкции и их эффекты зависят от форм социальной реальности» [10, 46]. Фактическим итогом его рассуждений стало выявление двух различных аспектов территориальной идентичности: индивиды не просто имеют некие представления о значимых для себя местах, но и учитывают то, как может видеть эти места сторонний наблюдатель.

Д. Визгалов определяет понятие территориальной идентичности через принципиальное отношение к другим категориям территориального брендинга: «Видение города изнутри — это не что иное, как городская идентичность. А восприятие города извне — имидж города» [3, 37]. «Идентичность выражается не только во внутренних ментальных образах, но и во внешних координатах» [Там же, 38]. При этом говорить о бренде города, с точки зрения Визгалова, можно лишь в том случае, если идентичность его жителей и имидж совпадают. Стремясь реконструировать сущность территориальной идентичности, Д. Визгалов выделяет факторы, ее формирующие: стабильные факторы, изменчивые факторы, символические факторы [Там же, 39]. Мы согласимся с тем, что внутри себя территориальная идентичность неоднородна: будучи продуктом сознания, она формируется под воздействием широкого спектра факторов — от планировки улиц и архитектурного облика зданий до актуальных событий и характера ухода за городской инфраструктурой. Причем процесс, в котором сплавляется идентичность места, работает с информацией, полученной разными путями — из личного опыта, общения с людьми и медиа.

В задачи данной работы не входят ни детальная реконструкция аргументации каждого из перечисленных подходов, ни выбор какой-либо одной методологической позиции. Цитируя работы данных авторов, мы стремимся лишь проиллюстрировать, сколь сложным и многогранным может быть понимание территориальной идентичности даже в тех исследованиях, которые придерживаются лишь одного из потенциально возможных подходов — конструктивистского. Тем не менее, как мы полагаем, существует несколько методологических допущений анализа территориальной идентичности, которые не вызывают у ученых острых разногласий и прослеживаются в логике даже разных по своим деталям подходов. Во-первых, территориальная идентичность — социальный конструкт, возникающий в ходе взаимодействия индивидов. Во-вторых, такая идентичность

представляет собой многогранный феномен, включающий целый комплекс взаимосвязанных элементов. В-третьих, территориальная идентичность базируется не только на собственном представлении индивидов о некоем месте, но и на их мнении о том, как это место видят другие люди.

Исходя из этих позиций, мы получаем возможность сформулировать свое рабочее видение территориальной идентичности и описать ее как сложный социальный конструкт, отражающий представления индивида о специфике своей взаимосвязи с некоей территорией и возникающий на стыке его собственного видения этой территории и мнения о том, как эту территорию видят другие. С нашей точки зрения, такой подход к описанию территориальной идентичности вполне применим в русле урбанистических исследований.

Методология исследования. Эмпирическая апробация представленного видения территориальной идентичности была выполнена нами на базе лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского федерального университета. Непосредственным объектом исследования стала территориальная идентичность жителей современного Екатеринбурга. Базовым допущением представленной выше модели послужила идея, что территориальная идентичность формируется на стыке собственных представлений индивида о некоем месте и его мнения о том, как это место представляют другие. Поэтому отправной гипотезой исследования стало предположение, что маркеры территориальной идентичности у индивидов могут различаться в зависимости от того, кому адресованы идентификационные процессы — внутреннему сообществу или стороннему наблюдателю, аутсайдеру. В нашем исследовании образ такого стороннего наблюдателя был представлен иностранными гостями города, воспринимаемыми как туристы (а не как те, кто приехал на работу).

Потенциально в территориальной идентичности жителей города можно выделить несколько параметров (модусов). С одной стороны, это географическое положение города, характер экономического развития, история, планировка и архитектура, явления культуры. Эти факторы оказывают существенное воздействие на идентичность жителей города. С другой стороны, сознание горожан избирательно подходит к оценке того, с какими факторами связывать свое восприятие города, а с какими нет. Поэтому как бы полно ни был дан «объективный» портрет Екатеринбурга, восприятие города жителями может сильно от него отличаться. В нашем исследовании идентичность Екатеринбурга (т. е. его восприятие местными жителями) измерялась по нескольким параметрам. Во-первых, Екатеринбург как место жительства в стереотипных ассоциациях жителей города. Во-вторых, Екатеринбург как объект репрезентации посторонним (иностранным гостям). В-третьих, Екатеринбург как город, каким он представлен ныне в практике глобального позиционирования: столица Урала, город на границе Европы и Азии и город международных мегасобытий. Мы полагали, что территориальная идентичность жителей города так или иначе может быть связана с какими-то из этих аспектов. И фактически мы стремились установить, существует ли влияние некоего стороннего наблюдателя на специфику оценки жителями всех этих параметров.

Эмпирическое исследование было выполнено в период с октября по декабрь 2014 г. с помощью массового анкетного опроса среди горожан. Выборка квотная, строгая, объем выборочной совокупности — 474 человека (общая численность жителей города на тот момент — 1,4 млн человек). Была использована квотная выборка, основанная на критериях пола, возраста, района проживания. Исследование выполнялось с помощью опроса по месту жительства респондентов с использованием авторской анкеты, специально разработанной для проведения данного проекта.

Стереотипные ассоциации респондентов с городом. Анализируя полученные результаты, остановимся вначале на общих чертах восприятия опрошенными Екатеринбурга. Важный аспект восприятия города жителями заключается в эмоциональных и ассоциативных чертах, которые приписываются ими своему месту жительства. Эмоциональные ассоциации респондентов с различными сторонами жизни города мы реконструировали на основании ответов опрошенных на серию вопросов анкеты, построенных по принципу семантического дифференциала. Опрошенным были предложены различные шкалы с антонимичными эпитетами, описывающими город: «Холодный/теплый»; «Тихий/шумный»; «Чистый/грязный»; «Веселый/унылый»; «Светлый/мрачный»; «Азиатский/европейский»; «Богатый/бедный»; «Известный/забытый»; «Дорогой/дешевый»; «Многолюдный/пустынный»; «Красивый/уродливый»; «Столичный/провинциальный»; «Невежественный/культурный». Мы просили респондентов описать, каким они видят Екатеринбург в соответствии с данной градацией. На основании их ответов мы вычислили средние значения по каждой шкале и получили обобщенный портрет тех стереотипных атрибутов Екатеринбурга, которые сформированы в сознании респондентов¹ (см. таблицу).

Интерпретация соответствующих расчетов дает основания для нескольких принципиальных выводов о доминантах восприятия Екатеринбурга опрошенными.

Прежде всего, у респондентов фактически отсутствует целостное, устоявшееся представление о характере современного Екатеринбурга. Их ответы относительно разнообразны и по многим шкалам отсутствуют доминирующие точки зрения.

¹ Опрошенным был предложен табличный вопрос. Дословная формулировка, приведенная в анкете, выглядела следующим образом: *Каким Вам в большей степени видится Екатеринбург? (Отметьте 1 цифру в каждой строке; «-2» означает наибольшую уверенность в левом варианте ответа, а «+2» — наибольшую уверенность в правом варианте ответа.)* Полученные ответы были обобщены с помощью условного индекса. Ответам, которые максимально тяготели к первому варианту, был приписан условный индекс «-2»; ответам, которые предусматривали осторожное согласие с первым вариантом, — условный индекс «-1»; ответам, которые предусматривали одновременное согласие и с первым вариантом и со вторым, — условный индекс «0»; ответам, которые слабо тяготели к согласию со вторым суждением, — условный индекс «+1»; ответам, которые максимально тяготели ко второму варианту, — условный индекс «+2». После этого количество выбравших каждый ответ умножалось на соответствующий индекс и данные суммировались, а общая сумма делилась на совокупное число опрошенных. Соответственно, значения по каждой строке могли колебаться в континууме от «-2» до «+2». Знак «+» или «-» говорит о том, с какой именно характеристикой согласно большинству опрошенных: с первой или со второй. Величина же числа по модулю характеризует степень, в которой опрошенные в целом тяготеют к той или иной оценке.

Фактически только по одной шкале опрошенные характеризовали город более или менее солидарно: как скорее многолюдный, нежели пустынный. По всем остальным шкалам мы имеем дело с довольно отчетливой дисперсией. Это обстоятельство является признаком незавершенности, отрывочности восприятия горожанами Екатеринбурга: у каждого опрошенного в сознании существует вполне отчетливый образ Екатеринбурга, но при этом взгляды разных респондентов сильно различаются.

Рассчитанные значения средних взвешенных по шкалам восприятия города*

Шкала восприятия Екатеринбурга	Вычисленный показатель
<i>Холодный / теплый</i>	-0,36
<i>Тихий / шумный</i>	+ 0,88
<i>Чистый / грязный</i>	+ 0,51
<i>Веселый / унылый</i>	-0,35
<i>Светлый / мрачный</i>	-0,31
<i>Азиатский / европейский</i>	+ 0,42
<i>Богатый / бедный</i>	-0,49
<i>Известный / забытый</i>	-0,89
<i>Дорогой / дешевый</i>	-0,93
<i>Многолюдный / пустынный</i>	-1,23
<i>Красивый / уродливый</i>	-0,96
<i>Столичный / провинциальный</i>	-0,70
<i>Невежественный / культурный</i>	+ 0,42

* Указаны результаты вычисленного индекса.

Другой принципиальный вывод заключается в мультимодальности восприятия города, которая вполне отчетливо видна в ответах. Как показали проведенные вычисления, опрошенные примерно в равной степени приписывали Екатеринбургу и позитивные, и негативные характеристики. Эти ответы показывают, что отношение респондентов к своему городу вполне критично. Большая часть респондентов действительно видят в жизни города много позитивных явлений и выражают по этому поводу симпатию, однако это не мешает им наряду с позитивными тенденциями замечать и откровенно неприятные явления.

Во-первых, город предстает в глазах респондентов скорее веселым, а не унылым. Во-вторых, в их восприятии город видится скорее светлым, нежели мрачным. В-третьих, им представляется, что город — известный, а не забытый. В-четвертых, Екатеринбург для них является скорее богатым, чем бедным. В-пятых, город воспринимается ими столичным, а не провинциальным. В-шестых, город видится им в большей степени красивым, а не уродливым. Наконец, в-седьмых, опрошенные считают Екатеринбург культурным городом. В совокупности эти характеристики свидетельствуют о том, что символические ассоциации опрошенных скорее позитивны. В глазах многих респондентов Екатеринбург предстает скорее как город с богатой культурной и экономической жизнью, город, известный и уважаемый

во всей России. И символические ассоциации с таким городом явно импонируют опрошенным.

Негативными сторонами жизни Екатеринбурга оказались, судя по ответам опрошенных, принципиально иные по своему характеру аспекты. Прежде всего, большинство опрошенных уверенно назвали город многолюдным, и лишь меньшинство посчитало его пустынным. Кроме того, довольно большое количество респондентов воспринимает свой город как холодный. Еще большее количество респондентов склоняются к тому, что Екатеринбург — грязный город. Примерно с такой же регулярностью опрошенные называли город шумным. Наконец, многие уверенно называют свой город дорогим, а не дешевым. Таким образом, получается, что город, как было сказано выше, — богатый, но обратной стороной этого богатства является высокий уровень цен. Бросается в глаза, что все эти характеристики относятся скорее не к символическому описанию города как узнаваемого или богатого, а к комфорту жизни в нем. И если мы суммируем эти ответы, то увидим, что Екатеринбург описывается опрошенными как внешне красивый, но при этом внутренне некомфортный и неудобный город.

Таким образом, расчеты, выполненные нами на основании ответов респондентов, реконструируют парадокс, существующий в восприятии города его жителями. Получается, что Екатеринбург в глазах большинства из них — город узнаваемый, богатый, насыщенный культурной жизнью, красивый и даже наполненный столичным лоском. Но в то же самое время город предстает для них не вполне комфортным: шумным, переполненным людьми, холодным, грязным, дорогим. Фактически мы наблюдаем два уровня стереотипного восприятия Екатеринбурга. Первый уровень отражает представление опрошенных о месте и статусе Екатеринбурга во внешней среде: для большинства он наполнен комплиментарными характеристиками. Второй уровень отражает представление опрошенных о внутренних особенностях быта города и его общественной жизни, и как раз этот образ оказывается скорее негативным для большинства из них. Фактически это означает, что для большинства опрошенных горожан существует два Екатеринбурга: симпатичный внешний и наполненный проблемами внутренний. Иначе говоря, судя по данным вычислениям, базовая гипотеза скорее верна.

Фактологические ассоциации с городом. Для более глубокой проверки исходной гипотезы нам было важно поставить респондентов в ситуацию, когда им необходимо презентовать город непосредственно стороннему наблюдателю. В своей анкете мы попросили респондентов ознакомиться со списком из 20 фактов о Екатеринбурге и указать, какие из этих фактов они обязательно упомянули бы, характеризуя свой населенный пункт иностранцам, а о каких, наоборот, постарались бы умолчать². Тем самым респонденты были поставлены в условную

² Дословная формулировка вопросов звучала следующим образом: «Представьте себе ситуацию: Вы знакомитесь с человеком, который никогда не был в Екатеринбурге, и хотите немного рассказать ему о своем городе. О каких фактах Вы обязательно упомяните?» и «Скажите, а о каких из этих фактов Вы точно не станете упоминать, характеризуя Екатеринбург человеку, который в нем никогда не был?». Оба вопроса предполагали возможность множественных ответов.

ситуацию самопрезентации во внешней среде. Сопоставляя ответы опрошенных на эти вопросы, мы вычитали из доли тех, кто обязательно упомянул бы факт перед иностранцами, долю тех, кто постарался бы ничего не говорить об этом факте иностранцам, это дало нам два важных распределения. Во-первых, мы узнали, какие факты являются позитивными чертами города: число респондентов, упомянувших их, превышало число людей, которые умолчали об этом (рис. 1). Во-вторых, удалось установить, какие факты, наоборот, стали частью негативного ассоциативного ряда: желающих умолчать о них было больше, чем желающих обязательно упомянуть (рис. 2).

Как показало наше исследование, существует определенный пласт фактов о Екатеринбурге, которые вызывают у опрошенных доминирующе позитивные реакции. К таким фактам относятся в первую очередь нахождение Екатеринбурга на границе Европы и Азии; то, что город ранее назывался Свердловском; то, что город находится на склоне Уральских гор; то, что именно здесь расстреляли семью последнего российского императора. Примечательно, что все эти факты о Екатеринбурге не связаны напрямую с современной жизнью города и апеллируют скорее к его географическому положению или историческому наследию. В свою очередь, это приводит нас к выводу, что у Екатеринбурга в его актуальном срезе, в представлениях опрошенных, фактически отсутствует четкий, доминирующий образ, который однозначно может быть транслирован на внешнюю аудиторию. Нельзя сказать, что такого образа не существует вовсе, но он явно выражен слабее, нежели образ, построенный на исторических и географических ассоциациях с городом.

Наряду с этим существует определенный пласт фактов, которые, по всей видимости, как минимум предстают в глазах респондентов малозначимыми для иностранцев или не вызывают симпатии. По крайней мере, доля желающих упомянуть о таких фактах перед иностранцами оказалась относительно маленькой, тогда как доля желающих умолчать о них — наоборот, очень большой. К таким фактам относятся то, что Екатеринбург стал ареной творчества Тимофея Ради; то, что в девяностые годы прошлого века город считался одним из наиболее криминальных в России; то, что городской театр эстрады возглавляет бард Александр Новиков; то, что в городе разворачивалось действие комедийного сериала про семью Букиных. Обращает на себя внимание то, что все эти факты, за исключением одного, так или иначе апеллируют к культуре или современным реалиям общественной жизни города. Собственно, это тоже может служить аргументом в пользу того, что современная жизнь Екатеринбурга находится за гранью того символического образа города, который опрошенные хотели бы транслировать во внешнюю среду.

Наконец, можно выделить ряд обстоятельств, связанных с жизнью Екатеринбурга, которые оказались в основном малозначимыми для опрошенных. Это такие факты о жизни города, которые либо не были упомянуты респондентами ни в одном из соответствующих ответов, либо примерно с равной частотой были упомянуты и там, и там. Такими фактами стали то, что в Екатеринбурге родились боксер Костя Цзю, хоккеист Павел Дацюк и фигуристка Юлия Липницкая; то,

Рис. 1. Преобладающие черты позитивного образа Екатеринбурга (факты о городе, желающих упомянуть которые перед иностранцами оказалось больше, чем желающих умолчать о них):

проценты отражают превышение доли тех, кто обязательно упомянул бы соответствующий факт, над долей тех, кто постарался бы его не афишировать (например, про факт «Екатеринбург — это город, который расположен на границе между Европой и Азией» обязательно постарались бы упомянуть 80,8 %, тогда как умолчать про этот факт постарались бы 9,9 % — в итоге мы видим разницу в долях 70,9 %, именно она и отражена на диаграмме). Здесь и на рис. 2 проценты в обоих случаях вычислены от общего числа опрошенных (474 чел.)

Рис. 2. Преобладающие черты негативного образа Екатеринбурга (факты о городе, желающих упомянуть которые перед иностранцами оказалось меньше, чем желающих умолчать о них):

проценты отражают превышение доли тех, кто ни в коем случае не стал бы упоминать соответствующий факт, над долей тех, кто постарался бы его упомянуть обязательно (например, про факт, что в Екатеринбурге работает художник Тимофей Радя, не стали бы упоминать 61,0 % опрошенных, а постарались бы упомянуть 8,2 % — в итоге мы видим разницу в долях 52,8 %, именно она и отражена на диаграмме)

что в Екатеринбурге началась карьера многих российских музыкантов; то, что в Екатеринбурге действует крупный и современный аэропорт; то, что в Екатеринбурге есть памятник Владимиру Высоцкому. Роднит все эти факты то, что все они апеллируют к тому, что в жизни Екатеринбурга оставили какой-то след вполне конкретные люди. Как показывает наш опрос, в основном респонденты не ассоциируют Екатеринбург с какими-то конкретными личностями и не считают это ни позитивной, ни негативной характеристикой.

В целом же эта аналитическая процедура помогла нам сформулировать несколько выводов, примечательных в контексте темы работы. Во-первых, несмотря на явную дисперсию ответов, у опрошенных в целом преобладает позитивное восприятие Екатеринбурга. Во-вторых, позитивный образ Екатеринбурга опрошенные более связывают с объективными историческими или географическими

реалиями, нежели с культурной, политической или социальной жизнью современного города. В-третьих, негативный образ города, который опрошенные в основном предпочли бы не представлять иностранцам, зачастую, наоборот, включает в себя факты, связанные с современными культурными или социальными процессами. В-четвертых, позитивные или негативные черты Екатеринбурга в глазах опрошенных обезличены.

Выводы

Первый вывод. При идентификации Екатеринбурга как места для жизни в сознании опрошенных можно выделить два малосвязанных образа города. Первый из них — это Екатеринбург как крупный и стратегически важный населенный пункт на карте России. Второй — Екатеринбург как город, имеющий внутреннюю инфраструктуру, культурную и социальную жизнь и условия для жизни вполне конкретных горожан. В соответствии с первым из них Екатеринбург описывается как красивый, богатый, веселый, привлекательный город, в соответствии со вторым — как неудобный, многолюдный, грязный и дорогой. По сути, для респондентов Екатеринбург является заложником своего успешного развития и особого места в жизни страны: будучи символическим, статусным и красивым, город одновременно сохраняет внутри себя и множество проблем, которые хорошо видны жителям.

Второй вывод. Символические доминанты, активно транслируемые властями, — «столичность», событийность, нахождение Екатеринбурга на территориальной границе Европы и Азии — занимают значительное место в ряду символических образов, которые респонденты соотносят с городом. В то же время лишь абсолютное меньшинство из них хоть каким-то образом связывают этот факт непосредственно со своей жизнью и лишь немногие хоть что-то знают о конкретных выгодах, которые город пытается извлечь из своего территориального положения.

Третий вывод. Можно констатировать фактическое существование в сознании большинства опрошенных двух разных Екатеринбургов: внешнего и внутреннего. Внешний Екатеринбург — это символическое пространство ассоциаций с культурой и историей населенного пункта: он вызывает символические и преимущественно позитивные эмоции опрошенных. Внутренний Екатеринбург — это те стереотипы о внутренней жизни и дискомфорте для граждан, которые есть в сознании респондентов: он вызывает в основном негативные эмоции у опрошенных.

В совокупности эти выводы помогают реконструировать главную, с нашей точки зрения, проблему территориальной идентичности жителей города. Различие идентичности-для-себя и идентичности-для-другого можно объяснить психологическими механизмами, лежащими в основе процессов саморепрезентации, но в контексте территориальной идентичности, тесно связанной с механизмами формирования имиджа и бренда территории: сильная идентичность означает максимально возможное сближение разнонаправленных модальностей,

результатирующих в образе города. Осуществленная нами диагностика идентичности Екатеринбурга показывает слабое место в ткани городского самосознания, на укрепление которого должны быть направлены усилия всех тех, от кого зависит развитие и продвижение города.

-
1. Анхольт С., Хильдрет Дж. Бренд Америка: мать всех брендов. М., 2010.
 2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М., 1995.
 3. Визгалов Д. В. Брендинг города. М., 2011.
 4. Anholt S. Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. 1-st ed. Palgrave Macmillan, 2007.
 5. Cai L. A. Cooperative branding for rural destinations // Annals of Tourism Research. 2002. Vol. 29, № 3. P. 720–742.
 6. Hanna S., Rowley J. Towards a Strategic Place Brand Management Model // Journal of Marketing Management. 2011. Vol. 27, № 5–6. P. 458–476.
 7. Kalandides A. Place Branding and Place Identity. An integrated approach [Electronic resource] // Tafter Journal. 2012. URL: <http://www.tafterjournal.it/2012/01/03/place-branding-and-place-identity-an-integrated-approach.pdf> (accessed: 02.03.2014).
 8. Kalandides A. The Problem with Spatial Identity: Revisiting the ‘Sense of Place’ // Journal of Place Management and Development. 2011. Vol. 4 (1). P. 28–39.
 9. Konecnik Ruzier M., Chermatony L., de. Developing and applying a place brand identity model: The case of Slovenia // Journal of Business Research. 2013. Vol. 66. P. 45–52.
 10. Tajfel H. Human Groups and Social Categories. Studies in social psychology. Cambridge, 1981.
 11. Tajfel H. The Achievement of Group Differentiation // Differentiation Between Social Groups: Studies in the Social Psychology of Intergroup Relations / [ed. by] Henri Tajfel. London ; New York ; San Francisco, 1978.
 12. Weichhart P., Weiske C., Werlen B. Place Identity und Images. Vienna, 2006.

SUMMARY

JOURNALISM AND MASS COMMUNICATION

Myasnikova M. A., Eingorn A. S. Cognitive Adaptive Broadcasting Direction: Theory and Practice5

The article provides a theoretical basis and practical experience of functioning of the Russian modern television type of broadcasting, which is described by the authors as cognitive adaptive. It deals not with traditional education of citizens, but rather with their socialization and social adaptation. It also influences their living principles and behaviour. The conditions for the existence of TV programs of the named broadcasting direction at the regional level are provided based on the example of the TV channel «41 Home» in Yekaterinburg.

K e y w o r d s: cognitive adaptive type of television broadcasting; adaptation; modeling; socio-useful television programs.

Zhigalova M. M., Iskhakov R. L. «Evening» Journalism in the Media: Features of Functioning 11

In the framework of the following study, an attempt was made to analyse functioning of evening media. Method of comparative study was to examine the information content of ITAR-TASS, website “Medusa” and the web portal E1.RU. The findings help to provide a media space as the space-time continuum, by incorporating it in the central concept of the theory and practice of journalism — co-existence.

K e y w o r d s: the space-time continuum; event as co-existence; media city; ITAR-TASS; the website “Medusa” portal E1.RU.

Bolysheva S. A., Lopaeva N. S. Scientific Journals in the Information and Communication Infrastructure of Higher Education Reform in the Russian Federation.....20

The article analyzes the position and role of scientific journals in the information and communication support radical reform of higher school in the Russian Federation. The authors raise the issue of engaging the intellectual potential of science journalism in the innovation management by using PR- and GR-technologies for promoting science products.

K e y w o r d s: Government Relations (GR); the media; the monitoring of an academic article impact; public relations (PR); the typology of academic journals; innovation management; the efficiency of science journalism.

Volkomorov V. A., Dranitsina K. G. “Tilda” as a Platform for Longreads’ Page-Proofs Used by Regional Online Media30

The analysis of usage «Tilda» as a publishing platform for longread’s page-proofs of Russian regional online media and extent of Tilda’s features implementation in their projects is presented in the following article. The general technical requirements for long reads are revealed. Based on the content-analysis, the appropriateness of the projects regarding these requirements was examined. The authors state that the longreads reviewed have a multimedia nature, i.e. combination of different content types. The majority of them, however, do not correspond to several criteria such as interactivity level, adaptive page design, proper use of typography and feedback.

K e y w o r d s: journalism; longread; Tilda; regional media; page-proofs.

Fedotova L. N. Expression of Opinion as the Potency of Communication38

The article is devoted to the relation of fact and comment in the communication as different ways of reflecting reality in journalism. The relationship of fact and opinion, as the foundation of the comment, has several aspects: from the selection of facts, building them in a logical, consistent chain in such a way that a commentator will be able to present his vision of reality. To some extent, the same way information is being consumed by the audience: the consumer has an opportunity to learn about the fact of the news, check other sources to enrich the factual picture, ask for an analysis of a single commentator or compare them in different sources. An opinion columnist and the audience creates some kind of evaluation aura that occurs on the basis of operating facts. The ratio of the quantity and quality of them today is a sign of quality journalism.

Key words: fact; a comment; an opinion; the selection of facts by communicator; audience selection of sources; the theory of cognitive dissonance; public opinion research.

Bukina T. G. Paranames in Modern Domestic Naming: Basic Ways of Creating50

The article is devoted to the study of such poorly investigated phenomenon in modern linguistics as paranaming. Many unscrupulous manufacturers on the market today use the accumulated popularity of foreign names for the name of their product. The article considers the main ways of creating paranames. Among them are lexical, syntactic, phonetic, morphological methods for the conversion of primary names.

Key words: paranaming; lexical means; syntactic means; morphological means; phonetic means; imitation; naming.

Xu Shanshan. Language Representation of the Value Preferences of Modern Men (Based on Material of TV Program «Let's Get Married»).....56

The article discusses the results of the analysis of the male marriage advertisements, which were presented within the framework of the television talk show «Let's get married». The linguistic representation of gender mosaic picture of the world of the modern men in conditions of post-Soviet transformation of Russia has been shown. The value preferences of Russian men have been revealed.

Key words: marriage advertisements; gender values; gender picture of the world; masculinity; metrosexual.

POETHICS

Snigireva T. A., Elston-Biron I. O. Late Poetry of O. Mandelstam: Forms of Autodialouge.....62

The article is devoted to the study of forms and functions of autodialouge in later works of O. Mandelstam. The boundaries of the central meaning of the term "autodialouge" are clarified: autodialouge as a term means an address of lyrical subject to himself, decorated by using the pronoun "you" in the singular. It's the first time when it's investigated the variability of intonation of the lyrics later poetry of O. Mandelstam and it concludes receptional impact of its active involvement in the text.

Key words: poetry of O. Mandelstam; the latest lyrics; the poetics of contradiction; autodialouge tone; intonation variation.

PSYCHOLOGY

Kopteva N. V. Characteristics of Ontological Security and Alienation in Neurosis and in Health69

For the first time neurosis and statistical health are studied both from theoretical and practical perspectives. The research is conducted with the help of the authorial construct of ontological security which goes back to the ontological insecurity concept of the British existential psychologist R. Laing. The authorial construct is a continuum with alienation and embodiment (which corresponds to the psychological health) on the two opposite ends of it.

Key words: neurosis; health; being-in-the-world; ontological security; embodiment; ontological insecurity; un-embodiment; alienation; self-alienation.

Dorogina O. I., Pecherkina A. A. Work Capacity as Key Indicator of Teacher's Professional Health81

The problem of teacher's professional health which is indicated by work capacity is discussed in this article. The goal of the research was to determine the peculiarities of work capacity as indicator of teacher's professional health. The results of research may be used for creating advanced educational programs and organizing courses for students of higher education.

K e y w o r d s: teacher's professional health; work capacity.

Vasilieva I. V., Grigoriev P. E. The Reproducibility of the Results of Intuition Studies: Theoretical Analysis and Pilot Experiment87

It appears to be especially challenging to carry out reproducible experiments related to the studies of intuition. It was assumed that it is possible to demonstrate the reproducibility of intuition phenomena by the organization of two repeated measurements delayed in time (3 months), using the same sample. Experimental study to assess the reproducibility of intuition phenomena was carried out by original "Anticipation of affective stimuli" software, using the stimuli (emotionally negative, positive, and neutral pictures) from International Affective Picture System database. The total amount of tested students — 41. As a result, preservation of trends in distribution of intuitive predicted stimuli was obtained. Totally, in studied sample females were more likely to predict positive stimuli, while the male respondents were more likely to predict the negative ones. The findings may provide a basis for further work in the field of testing the reproducibility of mental phenomena, especially intuition.

K e y w o r d s: reproducibility; intuition; students; affective images; gender; basic needs.

Raspopin E. V. Predictive Validity of Methods for the Study of Mental States95

The main objective of the following study was to assess predictive validity of self-report methods, observation and projective testing in the study of the relationship between the success of experimental tasks and data on the current status of the subjects, obtained using these methods. Such methods as experiment, observation, self-report, and projective testing were used in the framework of the following study. The least useful were the results that were obtained with the help of the self-report method. Prognostic value of the observation method appeared to be closely linked to the observer's level of qualification. Those results that were obtained with the help of the projective testing methods appeared to have the highest level of prognostic accuracy.

K e y w o r d s: mental states; methods for studying mental states; observation; experiment; self-report; projective techniques.

Yudina N. A. Psychological Approach to Study of Subjective Quality of Life104

The article presents an overview of modern theories of subjective quality of life. In psychological studies the quality of life is normally studied from three different perspectives: related to the needs, development and values. The central idea of the needs-approach is the following: the subjective quality of life depends on the degree of satisfaction of individual needs. The development-approach shows the relevance of the human desire for self-realization and achievement of the latter as one of the necessary conditions for increasing the level of psychological quality of life. The needs-approach is associated with the consideration of the subjective quality of life from the standpoint of compliance with the real life of the individual and his value orientations.

K e y w o r d s: psychological quality of life; needs; development; values.

Bulatova E. V., Alekseeva A. S., Lomtadze O. V. Experimental Research of Emotive Polycode Media Text's Perception110

Complex experimental research of emotive polycode text's perception is presented in the following article. The thematic and composition strategy of reading according to the subjective preferences of recipients and the specificity of their cognitive processes are revealed. Simultaneous use of the psycholinguistic methods including questioning and eye-tracking allows to estimate the type of media text's influence on the audience.

K e y w o r d s: polycode media text; emotiogenic text; visual perception; strategy of perception; nonlinear perception; eye tracking; survey.

CULTURE STUDIES

- Devyatova O. L.* L. N. Tolstoy's "Confession" and Cultural and Philosophical Views
of P. I. Tchaikovsky 119
- The article explores the artistic connections between the two artists. It offers the analysis of L. N. Tolstoy's "Confession" as it was perceived by P.I.Tchaikovsky, whose philosophical, aesthetical and religious views were corresponding considerably to the writer's views and moral principles. We explore the issues that deeply both L.N.Tolstoy and P.I.Tchaikovsky showed great concern about —those of the timeless problems of human existence (faith, God, good and evil, life, death and immortality). In conclusion the author marks out the close links between emotional, psychological, philosophical and religious quests of these two geniuses of the Russian culture.
- Key words:** culture; philosophy; religion; aesthetics; views; morality; literature; music; writer; composer.

EDUCATION: CHALLENGES OF THE MODERN WORLD

- Zborovsky G. E., Vlasova O. V.* Network Interaction of Universities in the Ural Federal District 130
- The article considers the problem of network interaction of Universities as elements of the transformation of linear into a nonlinear model of higher education. Network interaction is characterized, its theoretical and methodological foundations and functions are provided. The peculiarity of network interaction between universities is shown. The interpretation of network interaction in terms of resource and possible models of its maintenance is considered. Clarification of network interaction of universities in the Ural Federal district is provided by analysing the interaction between the Ural Federal University and Surgut State Pedagogic University referring to the training of sociologists and specialists who deal with cooperation with young people, as well as carrying out research in the social sphere.
- Key words:** network interaction; higher education; universities; cooperation; linear and nonlinear models of higher education.
- Lesina L. A.* Professional Strategies of Students of Pedagogical High Schools in the Conditions of Social Uncertainty 141
- The article considers the problem of restoring the socio-professional groups of teachers. The purpose of the article is to identify the major contradictions that arise in the process of constructing the professional strategies of pedagogical university students. Features of formation of professional strategies of students are studied in the following areas: the primary motivation for the choice of profession, professional plans, ways to enter the labour market. A retrospective analysis of the motives for the primary professionalization of students of pedagogical universities was conducted.
- Key words:** professional strategies; motives of choice of profession; professional plans; primary professionalization; pedagogical education.
- Kerimov A. A.* The Influence of Cultural and Educational Environment on the Process of Formation of Tolerant Consciousness of Young People 153
- The article discusses the nature of tolerance as an important personality trait of the modern man, the role of education in development of tolerant consciousness of youth, and proposes measures aimed at preventing ethnic and religious conflicts in modern Russia.
- Key words:** globalization; interethnic and interfaith relations; ethnic conflict; tolerance; tolerant consciousness; migration; social and cultural environment; cultural identity; education; youth.

AT THE SCHOLAR'S LABORATORY

Shabrova N. V. The Stages of Parenthood: a Sociological Analysis.....159

The article is devoted to the sociological analysis of the external and internal dynamics of parenthood. An attempt is made to study the stages of parenthood as a social community, performing certain roles and functions in the framework of its historical development. Special attention is paid to the study of the internal dynamics of parenthood, basic assumptions and steps of the process.

K e y w o r d s: parenthood; sociological approach; social community; stages of parenthood; type of parenthood.

URAL CONTEXT

Britvina I. B., Grigoryeva K. A. The Impact of the Information on External Different Ethnicity Migrants on the Attitude to Them of the Residents of Yekaterinburg.....169

The article contains empirical substantiation of the influence of the nature of the received information about migrants of different ethnicity on the attitude to them and migration issues in general. The author concludes that the media have serious impact on the formation of negative public opinion about foreign migrants. In conditions of the dynamic inflow of migrant workers from Central Asian countries it affects significantly the adaptability of the Yekaterinburg residents to the new social situations.

K e y w o r d s: migrants of different ethnicity; communication; media; content analysis; attitude towards migrants.

Starostova L. E., Rudenkin D. V. Multimodal Territorial Identity: City-For-Myself and City-For-Others (According to the Survey of Contemporary Residents of Yekaterinburg, Russia).....175

This article analyzes the concept of the territorial identity, based on the sociological survey on the diagnosis of territorial identity of Yekaterinburg residents. Basing on the position of social constructivism, the authors understand a territorial identity as a complex social construct that reflects the human vision of their specific relationship with a certain territory and originates from the crossroads of resident's own understanding of this territory and views on how this territory can be seen by others. According to the results of the survey, the authors make the following conclusions: There are two kinds of city in the opinion of most respondents: external and internal. External Yekaterinburg is a symbolic space and it is associated with its culture and history: the city provokes symbolic and mostly positive emotions of the respondents. Internal Yekaterinburg produces mostly negative stereotypes about the inner life of the city. In the context of the territorial identity, which is closely related to the mechanisms of formation of place image and brand, a strong identity means the maximum possible convergence of divergent modalities, resulting in the common city identity.

K e y w o r d s: city; identity; place identity; multimodal identity; Yekaterinburg; sociological survey.

ИЗВЕСТИЯ
УРАЛЬСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия 1
Проблемы образования, науки и культуры
2017. Т. 23
№ 2 (162)

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию

Редактор и корректор *Н. В. Чанаева*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-48321 от 27.01.12.
Учредитель — Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина». 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Подписано в печать 22.05.2017. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.
Уч.-изд. л. 17,0. Усл. печ. л. 15,93. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 175.

Издательство Уральского университета. 620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.
Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13; Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press.info@usu.ru

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры»

- зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77–48319 от 27.01.2012 г.;
- зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) 28.03.2012 г. с присвоением международного стандартного номера ISSN 2227–2275;
- включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук;
- в соответствии с рекомендациями Президиума Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, журнал публикует статьи по трем отраслям науки: 10.00.00. **Филологические науки** (группа специальностей 10.01.00. **Литературоведение**); 24.00.00. **Культурология**; 19.00.00. **Психологические науки**. Решение по публикации научных материалов по другим отраслям принимается индивидуально в каждом конкретном случае;
- включен в объединенный каталог «Пресса России». Индекс 43138;
- материалы журнала включены в информационную систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки. Полнотекстовая версия журнала размещается на портале Уральского федерального университета: <http://urfu.ru/science/proceedings/>

О порядке предоставления и рецензирования рукописей

1. Автор высылает в редакцию по электронной почте (izvestia_1@urfu.ru) **текст статьи, не публиковавшийся ранее (представленный только в наше издание)** (см. ниже требования к оригиналу) и **анкету статьи** (см. на сайте журнала <http://izvestia1.urfu.ru>). Статьи без анкеты не рассматриваются.

2. По электронной почте редакция уведомляет автора о том, принят или не принят материал к рассмотрению, и если принят, сообщает автору замечания по содержанию и оформлению рукописи, которые необходимо устранить до передачи текста на рецензирование.

3. Статья передается специалистам, включенным в редакционный список рецензентов по основным научным направлениям, освещаемым в журнале. Рецензенты в течение 10 дней готовят мотивированный отзыв на статью и передают его в редакцию.

4. Редакция на основании заключения рецензентов выносит решение либо о принятии статьи к опубликованию, либо о повторном рецензировании (после исправления автором текста в соответствии с замечаниями), либо об отказе в публикации. Все рецензии на статьи хранятся в архиве редакции в течение 5 лет.

5. Редакция согласовывает с автором исправления, дополнения и т. п., которые необходимо внести в статью по рекомендации рецензентов. Автор пересылает исправленный текст в редакцию по электронной почте.

6. Статьи, одобренные редколлегией, печатаются бесплатно.

7. Редколлегия обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки РФ при поступлении соответствующего запроса.

Требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал должен иметь следующую структуру:

а) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество — полностью, ученые степень и звание, должность, место работы, телефоны, в т. ч. сотовые, e-mail (обязательно!), домашний почтовый адрес. Аспирантам и докторантам необходимо указать, в сфере каких наук они выступают соискателями ученого звания;

б) инициалы и фамилия автора на русском языке;

в) заголовок статьи на русском языке;

г) краткая, 5–7 строк, аннотация к статье на русском языке (ГОСТ 7.9.—95; включает характеристику основной темы, проблемы, объекта, цели работы и ее результаты, указывает, что нового несет в себе данная статья в сравнении с другими, родственными по тематике и целевому назначению; ее рекомендуется писать простыми предложениями, без сложных синтаксических конструкций);

д) ключевые слова по исследуемой проблеме;

е) инициалы и фамилия автора, заголовок статьи, аннотация к статье, ключевые слова на английском языке (обращаем внимание авторов на необходимость представления качественного перевода, неадекватный перевод может стать основанием для отклонения статьи);

ж) основной текст статьи с отсылками на затекстовые библиографические ссылки;

з) список затекстовых библиографических ссылок в алфавитном порядке (см. образцы оформления).

2. Оформление библиографического аппарата.

После написания статьи автор оформляет библиографические ссылки в соответствии с требованиями ГОСТа Р 7.0.5—2008 «Библиографические ссылки. Общие требования и правила составления»:

а) цитируемые литература и другие источники располагаются в алфавитном порядке по первой букве фамилии авторов или первой букве названия других источников. Литература и источники на иностранных языках располагаются в конце затекстового списка по латинскому алфавиту. Затем весь затекстовый список нумеруется по порядку. Например:

1. *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни. СПб., 2005.

2. Выступление Президента на собрании руководящего состава Вооруженных сил от 16.11.2006 г. : [сайт Президента РФ]. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 14.02.2007).

3. *Герцен А. И.* С того берега // Соч. : в 9 т. М., 1956. Т. 3. С. 58–112.

...

9. *Коробкин М.* Уральское хозяйство и внешний рынок // Хоз-во Урала. 1925. № 27. С. 8–10.

10. *Куропаткин А. Н.* Отчет генерал-адъютанта Куропаткина : в 4 т. Санкт-Петербург; Варшава, 1906–1907. Т. 1.

11. *Николаев И. А., Марушкина Е. В.* Бедность в России [Электронный ресурс] // Экономический анализ. М., 2005. URL: <http://www.fbк.ru> (дата обращения: 12.01.2012).

12. *Шаццло К. Ф.* Консерватизм на рубеже XIX–XX вв. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика / под ред. В. Я. Гросула. М., 2000. С. 56–64.

13. *Smyth A.* Nationalism and modernism [Electronic resource]. URL: <http://www.e-bookspdf.org/download/nationalism-and-modernism-anthony-d-smith-pdf.html> (accessed: 02.09.2014).

б) внутритекстовые ссылки обозначаются цифрами в квадратных скобках следующим образом: [1] — общее указание на книгу или другой источник по теме исследования; [1, 23] — первая цифра указывает на источник прямого или косвенного цитирования согласно алфавитному списку источников, вторая (курсивом) — на страницу.

Примечание. При ссылке на электронный ресурс страницы не указываются.

в) отсылки на архивные документы в тексте оформляются аналогично: в квадратных скобках, элементы отсылки через запятую. Ссылки на архивный источник за текстом — по правилам оформления затекстовых ссылок. Название архива, если оно не является общепринятым, расфигуровывают:

1. ГАСО (Гос. арх. Свердлов. обл.). Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.

2. РГИА. Ф. 773. Оп. 1. Д. 27. Л. 14–14 об.

3. Работы докторантов (до 0,5 а. л., 20 000 знаков с пробелами) и аспирантов (до 0,4 а. л., 16 000 знаков с пробелами) должны содержать основные совокупные, а не фрагментарные результаты проведенного научного исследования.

4. Диаграммы, графики и схемы в тексте должны быть доступны для редактирования (редакторами Word или Exel), рисунки, фотоиллюстрации прилагаются к основному тексту отдельными файлами в формате .jpg.

Почтовый адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Редакция журнала «Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры».

Главному редактору *Амирову Валерию Михайловичу*.

Материалы принимаются в Издательстве УрФУ:
Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, Издательство УрФУ
(для *Ларисы Александровны Хухаревой*).
Электронный адрес журнала: izvestia_1@urfu.ru